

Министерство культуры Пермского края

Государственное бюджетное учреждение культуры
Пермского края «Мемориальный музей-заповедник
истории политических репрессий «Пермь-36»

Уполномоченный по правам человека в Пермском крае

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

ФГБОУ ВО «Пермский национальный
исследовательский политехнический университет»

**ОТ «АВРОРЫ» ДО «ФИЛОСОФСКИХ ПАРОХОДОВ».
БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1920-Е ГГ.).
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

*Материалы III Всероссийской
научно-практической конференции
(Пермь, 23–24 ноября 2018 г.)*

Пермь • 2019

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6
О80

О80 От «Авроры» до «философских пароходов». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). Региональный аспект: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Пермь, 23–24 ноября 2018 г. / ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. – 152 с.

ISBN 978-5-398-02156-1

Издание включает статьи историков, музейных работников и архивистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Перми, Чердыни, посвященные одной из самых важных тем в отечественной историографии – началу формирования советского общества с определенными идеологическими и поведенческими стереотипами. К проблемам этой темы относятся различные аспекты идеологической борьбы: от внутрипартийных споров и дискуссий среди интеллигенции до становления основ агитации и пропаганды, первых попыток «конструирования» новой модели общества и человека. Другим направлением этой темы является появление и развитие механизмов борьбы с инакомыслием: от порицания и увольнения до расстрелов и высылки на «философских пароходах», а также история репрессивных и контролирующих органов – цензуры, различных контрольных комиссий, ВЧК, ОГПУ. Публикации охватывают широкий круг проблем: от борьбы с инакомыслием в первые годы советской власти и определения образа «врага» – кулака, священника, представителя иной партии – до первых репрессий по политическим и идеологическим мотивам. Изучение этого исторического периода позволит дать объективную оценку сложившемуся режиму в СССР и многим событиям истории советской России.

*Издано при поддержке Уполномоченного по правам человека
в Пермском крае.*

Ответственные за выпуск *Ю.З. Кантор, С.А. Шевырин*

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-398-02156-1

© ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово М.А. Федотова	7
Приветственное слово П.В. Микова	8
Приветственное слово А.В. Золотарева	10
Предисловие.....	11
<i>М.И. Одинцов</i> «Светское государство» в России, в идеологии и практике большевиков	13
<i>М.Г. Нечаев</i> Христология по-большевистски в годы Гражданской войны на Урале	30
<i>Ю.З. Кантор</i> «Взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе».....	54
<i>С.А. Пономарев</i> Музей и общество: опыт реализации выставочных проектов по истории Пермской епархии.....	62
<i>А.В. Сушко</i> Красный террор в белом Омске: к вопросу о репрессивной деятельности Омской ГубЧК после краха Колчаковского режима	68
<i>С.А. Шевырин</i> Первые репрессии по политическим мотивам в г. Перми	78
<i>А.В. Владимирова</i> Социальный портрет лишенца-контрреволюционера (по материалам ГАСО)	91

<i>А.В. Конивец</i>	
Музей революции во «дворце тиранов и деспотов»	101
<i>Г.Д. Селянинова</i>	
Интеллигенция Урала в борьбе за Учредительное собрание в 1917 г.	112
<i>П.А. Неплюев</i>	
Рецепция Античной истории в советском историческом дискурсе 1920 – начала 1930-х гг.	124
<i>М.Ю. Киселев</i>	
Из истории развития религии: отношение меньшевиков к церкви в борьбе против Октябрьской революции	138
<i>Е.П. Куртенок</i>	
Судьба церквей и священнослужителей Чердынского уезда в первое десятилетие советской власти	144

CONTENTS

Keynote address by M.A. Fedotov	7
Keynote address by P.A. Mikov	8
Keynote address by A.V. Zolotarev	10
Preamble	11
<i>M.I. Odintsov</i>	
“Secular state” in Russia, in ideology and practice of the Bolsheviki	13
<i>M.G. Nechaev</i>	
Bolshevik-style christology during the years of Civil war in Ural.....	30
<i>Yu.Z. Kantor</i>	
“Consider the Issue of terror in a wider perspective”	54
<i>S.A. Ponomarev</i>	
Museum and society: experience of implementing exhibition projects dedicated to the history of the Perm Eparchy	62
<i>A.V. Suchko</i>	
Red terror in white Omsk: regarding issue of repressive activity of Omsk extraordinary executive governorate commission after collapse of Kolchak regime	68
<i>S.A. Shevyrin</i>	
First politically motivated purges in Perm.....	78
<i>A.E. Vladimirova</i>	
Social portrait of disenfranchised- counterrevolutionary (based on materials from the State archive of Sverdlov region).....	91

<i>A.V. Konyvets</i>	
Museum of revolution in the «Palace of tyrants and despots»	101
<i>G.D. Selyaninova</i>	
Ural intellectuals in the struggle for the constituent Assembly in 1917	112
<i>P.A. Nepluyev</i>	
Reception of Antique history in the Soviet historical discourse of 1920 – early 1930s	124
<i>M.Yu. Kiselev</i>	
From the history of religion development: relationship of the Mensheviks to church in the fight against the October revolution	138
<i>E.P. Kurtenok</i>	
The fate of churches and priests of Cherdyn county during the first decade of the Soviet rule.....	144

**Обращение советника
Президента Российской Федерации М.А. Федотова
к участникам III Всероссийской научно-практической конференции**

**«ОТ “АВРОРЫ” ДО “ФИЛОСОФСКИХ ПАРОХОДОВ”.
БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1920-Е ГГ.).
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ»**

От имени Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и Межведомственной рабочей группы по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий приветствую открытие научно-практической конференции «От “Авроры” до “философских пароходов”». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти 1917–1920-е гг. Региональный аспект».

Вопросы, запланированные к обсуждению в рамках конференции – проблемы увековечения памяти жертв политических репрессий, соблюдения прав человека в годы становления советской власти, политическое наследие Гражданской войны – являются важными и значимыми для всех нас.

Выражаю уверенность в том, что конференция, проводимая на площадке ГКБУК «Пермская краевая библиотека им. А.М. Горького», станет междисциплинарной дискуссионной площадкой международного значения.

Желаю всем организаторам, участникам и гостям мероприятия успешной и плодотворной работы!

**Советник Президента Российской Федерации,
Председатель Совета при Президенте
Российской Федерации по развитию
гражданского общества
и правам человека**

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'M.A. Fedotov'.

М.А. Федотов

**Обращение уполномоченного
по правам человека в Пермском крае П.В. Микова
к участникам III Всероссийской научно-практической конференции**

**«ОТ “АВРОРЫ” ДО “ФИЛОСОФСКИХ ПАРОХОДОВ”.
БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1920-Е ГГ.).
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ»**

Уважаемые организаторы и участники!

Прежде всего, хотелось бы выразить благодарность организаторам конференции – Мемориальному комплексу политических репрессий; Пермскому государственному национальному исследовательскому университету – за идею проведения и сохранение традиции проведения столь значимой для края конференции.

Борьба с инакомыслием занимает значительный пласт в истории российского государства. В связи с этим конфессиональная политика советского государства требует особого изучения, обсуждения и осмысления.

15 августа 2015 г. распоряжением правительства Российской Федерации была утверждена Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Крайне важны: принципы Концепции об осознании трагичности общественного раскола, повлекшего за собой события 1917 г., Гражданскую войну, массовые политические репрессии; необходимость объективного анализа как достижений советского периода, так и его трагических страниц, в том числе массовых политических репрессий и осуждение идеологии политического террора.

Особенно важным в этой связи является осознание трагического опыта России, пережитого страной и ее гражданами после октябрьских событий 1917 г., который характеризуется разрывом традиций, утратой преемственности культурного опыта, разруше-

нием межпоколенческих связей. Вследствие репрессий страна пережила масштабные социальные катаклизмы.

Помимо колоссальных потерь, понесенных в период Гражданской и Великой Отечественной войн, Россия пережила целый ряд иных трагедий, в числе которых гонения на представителей религиозных конфессий...

Ваша конференция – это продолжение большой системной работы, которая, несомненно, способствует объединению сотрудников музеев, историков, архивистов на едином поле увековечения памяти жертв репрессий.

Уверен, что конференция станет интересным и значимым событием не только для ее участников, но и для историко-культурной жизни региона.

С уважением и пожеланиями успехов в работе конференции.

**Уполномоченный по правам
человека в Пермском крае**

П.В. Миков

**Обращение заместителя председателя
Законодательного Собрания Пермского края А.В. Золотарева
к участникам III Всероссийской научно-практической конференции**

**«ОТ “АВРОРЫ” ДО “ФИЛОСОФСКИХ ПАРОХОДОВ”.
БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1920-Е ГГ.).
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ»**

*Уважаемые организаторы и участники
научно-практической конференции!*

Разрешите обратиться к вам с приветственным словом от себя лично и от имени возглавляемой мною Пермской краевой комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий!

Детальное изучение и исследование целого периода отечественной истории со столь трагическими результатами, всестороннее постижение причинных механизмов, приведших к тоталитаризму, важно и ценно. Объективное осмысление событий того периода – залог здорового общества в будущем.

Желаю конференции успешной работы!

**Председатель Пермской краевой комиссии
по восстановлению прав реабилитированных
жертв политических репрессий,
заместитель председателя
Законодательного Собрания Пермского края**

А.В. Золотарев

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2018 г. состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция, организованная и проведенная Мемориальным комплексом политических репрессий в тесном содружестве с ведущими вузами, музеями и архивами Москвы, Санкт-Петербурга, Омска и Екатеринбурга, Перми и Пермского края. Научное руководство конференцией по сложившейся традиции осуществляла Ю.З. Кантор, д-р ист. наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Мемориального комплекса политических репрессий. Тематика наших конференций привлекает все новых участников и партнеров. В 2018 г. конференция была поддержана Уполномоченным по правам человека в Пермском крае П.В. Миковым, что, несомненно, усилило правозащитный акцент.

Темы, рассмотренные на форуме «От “Авроры” до “философских пароходов”. Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). Региональный аспект», охватили широкий круг проблем, связанных с историей первых лет советской власти. Именно в эти годы складывались основы будущего тоталитарного строя с определенной идеологией, однопартийностью, мощной агитационно-пропагандистской машиной и жесткой системой подавления инакомыслия. Значительная часть конференции была посвящена отношениям церкви, верующих и советской власти. Формирующаяся новая идеология не допускала существования других мировоззрений, тем более религиозных. Одними из первых актов репрессий по политическому принципу после победы большевиков стали репрессии против священников и верующих. В Перми ровно 100 лет назад – летом 1918 г. – случились трагедии, которые можно с уверенностью отнести к борьбе с инакомыслием. Это убийство архиепископа Пермского и Соликамского Андроника, а затем – неделю спустя – великого князя Михаила Романова. Подобные акты насилия проходили по всей стране, создавая очень жесткую систему борьбы с инакомыслием: от порицания и увольнения до расстрелов и высылки на «философских па-

роходах». Важной составляющей конференции стали доклады, раскрывающие тему взаимоотношений интеллигенции и советской власти: от системы контроля за духовной элитой, насаждения новой идеологии, диктовавшей поведенческие и ментальные стереотипы, до вырабатываемой системы репрессий, проводимых органами ВЧК и ОГПУ. Большинство докладов основано на малоизученных источниках – архивных, мемуарных, музейных – и раскрывает заявленную проблематику с новых, часто неожиданных сторон, что вызывало живой интерес и вопросы слушателей.

Особенностью конференции стало то, что представительную научную часть дополняли научно-популярные мероприятия. Среди них экскурсия по выставке, созданной сотрудниками Мемориального комплекса политических репрессий «Сохраняя веру: трагические судьбы Пермской епархии», презентация сборника документов «Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг. Документы и материалы», проведенная в рамках музейного проекта КВЧ (культурно-воспитательная часть) и показ на территории Мемориального комплекса политических репрессий иммерсивного спектакля «Республика труда» по мотивам произведений А. И. Солженицына.

Хотелось бы поблагодарить еще раз участников конференции, гостей, всех слушателей, принявших участие в обсуждении прозвучавших докладов. Сборник ее материалов, представляемый вниманию читателей, станет весомым вкладом в изучение сложной темы репрессий в первые годы советской власти. И, конечно, хотелось бы надеяться, что традиция ежегодных научно-практических форумов под эгидой Мемориального комплекса политических репрессий в дальнейшем укрепится, став значимой для научного и музейного и правозащитного сообщества страны.

Ю.З. Кантор, С.А. Шевырин

Одинцов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный специалист Государственного архива социально-политической истории, г. Москва.

Odintsov Mikhail Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief specialist of the State Archive of Social-Political History, Moscow.

«СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО» В РОССИИ, В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Рассматриваются вопросы возникновения и формирования «светского государства» применительно к общеевропейской истории. Отталкиваясь от выявленных общих закономерностей, автор обращается к истории «светского государства» в России, к периодам так называемой думской монархии, Временного правительства и наиболее подробно – к советском периоду 1917–1920-х гг. В вероисповедной политике большевиков выделяются такие составляющие, как концептуальная и правовая основы и практическая деятельность специализированных государственных органов, каждая из которых описывается и анализируется. Основным выводом является признание принципа светскости государства как ценности, обеспечивающей в обществе консенсус по вопросу бытия мировоззренческого многообразия.

Ключевые слова: клерикальное государство; светское государство; отделение церкви от государства; советская вероисповедная политика; религиозные организации в Советской России; большевики и религия.

"SECULAR STATE" IN RUSSIA, IN IDEOLOGY AND PRACTICE OF THE BOLSHEVIKS

The report deals with issues of emergence and formation of the «secular state» in relation to the common European history. Proceeding from the common regularities, the author considers history of the «secular state» in Russia, the periods of the so-called Duma monarchy, Provisional Government and in most details – the Soviet period of 1917–1920. In the confessional policy of the Bolsheviks such components are singled out as conceptual and legal basis, and the practical activity of the specialized state bodies. Each of such activities is described and analyzed. The main conclusion of the author is to acknowledge the secular principle of the state as a value that ensures consensus in the society related to the question of existence of worldview diversity.

Key words: clerical state; secular state; separation of church from the state; Soviet confessional policy; religious organizations in Soviet Russia; Bolsheviks and religion.

Историю взаимоотношений политических систем («государств»), исторически сложившихся в границах определенных обществ и суверенных территорий, и мировых религий в процессе их научного осмысления предпочтительно рассматривать как движение от одного мировоззренческого типа государства – «клерикального» (или «конфессионального»), к другому – «светскому».

Если обратиться к общеевропейской истории, то здесь практический переход от клерикального государства к государству светскому растянулся на три столетия (XVII–XIX вв.). В XVIII столетии (эпоха Просвещения) в рамках научного дискурса происходит окончательный разрыв с прежними клерикально-теологическими представлениями о природе религии, месте церкви в системе общественных отношений и в жизни конкретного человека. Дается философско-теоретическое обоснование таких понятий, как «веротерпимость», «свобода совести», «светское государство», «отделение» церкви от государства. С ними связываются права каждого человека следовать любой религии, свободно ее пропагандировать, не допуская оскорбления других религий; беспрепятственное распространение религиозной литературы, в том числе и на национальных языках; свобода религиозных союзов; равенство перед законом религий и людей независимо от их религиозных взглядов. Свобода совести стала рассматриваться не только как свобода выбора религии и право придерживаться ее в своей жизни, но и как право личности на свободу от религии, выбирая иной мировоззренческий дискурс (прил. 3).

Правовое закрепление идей светскости и свободы совести происходит с конца XVIII в. и на всем протяжении XIX в. Имею в виду: Декларация независимости и Билль о правах (1776 и 1789, США), Декларация прав человека и гражданина и Декрет Парижской коммуны об отделении церкви от государства (1789 и 1871, Франция). Принцип «отделения» церкви от государства стал основополагающим для светского государства. Исторически он мог быть оформлен в рамках правовых нормативных актов («де-юре»), но и осуществляться в практической деятельности государства («де-факто») (прил. 2).

Следует еще и еще раз подчеркнуть, что движение Европы от клерикальной формы государства к светской, движение, безусловно, прогрессивное, было трудным, тяжким, трагическим. Ибо преодоление упорного сопротивления «старого» происходило в форме социальных потрясений и войн, с неизбежно сопутствующими насилием и различными ограничениями по отношению к церквям, верующим и неверующим. Все это принесло неисчислимые страдания и мучения для народов Европы.

Замечательный писатель и гуманист Стефан Цвейг как-то заметил: если сложить в одном месте жертвы религиозных гонений и войн, то образуется гора выше самой высокой европейской горной вершины Монблана.

Очевидно, «тернии» присутствуют не только на пути к звездам, но и к свободе духа, мысли, действий Человека.

Свой путь строительства светского государства прошла и Россия. Если его рассматривать сквозь призму европейской истории, то мы увидим больше общего, чем отличного. С момента «крещения Руси» (988) и вплоть до Февральской революции (1917) Российское государство было «клерикальным», а точнее «православно-христианским», и в его истории присутствовали, в более или менее ярко выраженном виде все свойственные клерикальному типу государства формы государственно-церковных отношений: теократия, цезарепатризм, папоцезаризм, симфония, веротерпимость.

Но так же, как и в Европе, в российском обществе зарождались, распространялись и обсуждались идеи свободомыслия, веротерпимости, светскости государства, отделения церкви от государства и т.д. Их никак нельзя рассматривать как некое «механическое заимствование» у Запада. Концептуальное их формулирование происходит в конце XVIII – начале XIX в. (например, у А.Н. Радищева, декабристов); они актуализируются в общественной мысли России в середине XIX в. (А.И. Герцен, революционные демократы), в пореформенный период (1861) – народовольцы (П.Н. Ткачев, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров) и зарождавшееся социал-демократическое движение.

С особенной силой идеи свободы совести и светского государства проявили себя в первые полтора десятилетия XX в., в период так называемой думской монархии (1906–1917), когда впервые стало возможным публично и ненаказуемо говорить о вероисповедных реформах, которые должны идти параллельно политическим изменениям и привести к смене парадигмы отношений государства и религиозных объединений, т.е. от клерикального государства – к светскому! Можно констатировать, что идея свободы совести перестала быть уделом «тиши кабинетов» и «ценностью» отдельных утопистов-мечтателей. Она стала лозунгом политических партий, которые в подавляющем большинстве на своих знаменах писали: «Свобода совести, светская школа, отделение церкви от государства»!

Прочитую одного из идеологов кадетской партии А.К. Дживелегова, писавшего в 1905 г.: «Свобода совести предполагает признание государством следующих положений: каждый имеет право свободно выбрать себе религию, основать новую религию, переходить из одного вероисповедания в другое; каждый имеет право публично отправлять богослужение и говорить проповеди в духе исповедуемой им религии; никто не подвергается ограничениям политических и гражданских прав за принадлежность к той или иной религии... Высшее выражение свободы совести – это отделение церкви от государства...» [3, с. 66].

Привожу эти слова не только для демонстрации позиции партии кадетов, которая теоретически обосновала, а затем реализовывала на практике вероисповедные реформы, но чтобы обратить ваше внимание на то, насколько самостоятельны и не заимствованы их идеи и представления, как они совпадают с основополагающими нормами международного законодательства о свободе совести, ... но сформировавшегося значительно позже, после Второй мировой войны, в 1948 г.: «Каждый человек, – гласит ст. 18 Всеобщей Декларации прав человека, – имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободно исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публич-

ным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».

Вопреки раздающимся время от времени современным стенаниям о «неготовности» России к «свободе совести», «преждевременности» декрета об отделении церкви от государства и т.д., отметим, что российское общество не просто было «готово» к вероисповедным реформам, оно в полной мере осознавало «несвободу» духовной жизни и репрессивность религиозного законодательства Российской империи, ратовало за принципиальные изменения в вопросах положения религий и церквей и готово было платить за это высокую цену!

И это доказала деятельность Временного правительства. В краткий исторический миг – февраль – октябрь 1917 г. – оно свершило главное. Как тот спортсмен-экстремал, сдвигающий усилием своих мускулов, воли и устремлений груженные тягачи и поезда, самолеты и пароходы, – оно сдвинуло с мертвой точки устоявшийся тысячелетний груз «симфонического единства» государства и государственной церкви; сдвинуло и протащило чуть-чуть, насколько хватило сил, упорства, времени... И вдруг оказалось, что можно, не в теории, а в реальности, жить иначе, опираясь на иные политические, мировоззренческие, моральные, правовые ценности.

Когда-то С.Ю. Витте говорил об указе «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), ставшим для своего времени прорывом в развитии российского религиозного законодательства: он «представляет собой такие акты, которые можно временно не исполнять, можно проклинать, но которые уничтожить никто не может. Они как бы выгравированы в сердце и умах громадного большинства населения, составляющего великую Россию» [1, с. 517].

В полной мере эти мысль и слова относимы к трем основным актам Временного правительства в интересующей нас сфере – постановлениям «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (март 1917 г.), «Об объединении учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (июнь 1917 г.), «О свободе совести» (июль 1917 г.).

Эти акты в соединении со многими другими решениями правительства меняли жизнь религиозных организаций и верующих: отменены наиболее несправедливые и отжившие свое нормы имперского религиозного законодательства; выпущены из тюрем и вернулись из ссылок тысячи и тысячи людей, ранее осужденных за «религиозные преступления»; существенно к лучшему менялись условия деятельности неправославных объединений; сделаны первые шаги по созданию государственной светской школы; последовательно осуществлялась секуляризация различных сфер российского общества.

Отказывая в праве на существование прежним государственно-церковным отношениям, департамент духовных дел МВД в одной из записок высказывался вполне определенно: «Падение старого государственного строя привело к необходимости коренного пересмотра всех существующих в России вероисповедных отношений. Старый строй не признавал полной свободы совести и исповедания. Он не допускал свободы вероисповедных переходов, свободы религиозной пропаганды, равенства всех религий и культов перед законом... Новый государственный строй возвестил о начале полной религиозной свободы» [5, с. 53].

Не могу не привести высказывание хотя бы одного из руководителей ранее всячески преследуемых и всемерно ограничиваемых религиозных организаций – Адвентистской церкви – Г.И. Лебсака о той ситуации, в которой отныне жила церковь: «Не было околоточных (участковых) надзирателей, отсутствовали чиновники, записывающие все, что происходило на съездах, и составлявшие протоколы, на основании которых можно было ожидать новых циркуляров, еще больше ограничивающих нашу свободу. Мы были свободными гражданами в свободной стране и чувствовали себя, как будто находились на иной планете» [4, с. 310].

Стремясь к исторической правде восприятия нашей истории, мы должны, спустя многие десятилетия замалчивания, передергивания и искажения советских историко-религиоведческих трудов, признать очевидное – велики заслуги Временного правительства в

утверждении свободы совести. И это был первый этап строительства светского государства в России.

Советский период (1917–1991) является вторым этапом строительства светского государства. Драматизм, а порой и трагизм истории нашего Отечества в эти десятилетия предопределили жесткость советской вероисповедной политики. Под этим термином я понимаю совокупность мер и действий государства, направленных непосредственно в отношении различных сторон жизнедеятельности религиозных объединений и обеспечивающих право граждан на свободу вероисповедания. Эта «совокупность» имеет трехчастное деление:

- 1) концептуальная (теоретико-идеологическая) основа;
- 2) правовая база (законодательство о свободе совести);
- 3) государственные организационно-управленческие структуры, в том числе и специальные (прил. 1).

При всей важности каждой из частей все же... все начинается с идеи! Которая затем облекается в правовые формы и претворяется в жизнь через деятельность органов власти и управления.

Концептуальной основой советской вероисповедной политики становятся:

- 1) представления идеологов правящей коммунистической партии о свободе совести (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.И. Скворцов-Степанов, Е.М. Ярославский, И.В. Сталин);
- 2) решения и программные документы высших партийных органов (съезды, политбюро, оргбюро, пленумы, антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)).

Следует отметить, что в партии большевиков самостоятельных и значимых теоретиков по вопросам свободы совести и религиоведения практически не было. Представления большевистских лидеров о российской конфессиональной палитре, особенностях, положении и состоянии дел в различных церквях и деноминациях, как и знания о наиболее видных религиозно-церковных деятелях, были очень и очень ограничены и схематичны. Можно указать лишь на В.Д. Бонч-Бруевича и М.А. Рейснера, которые профессионально занимались данной проблематикой. Недостаток рели-

гиоведческих знаний, подход к оценке религий и церквей исключительно с политико-идеологической точки зрения, классового противостояния в обществе, скажется, очень серьезно и негативно, спустя буквально немногие годы.

Партийная идеология облекалась в нормативные правовые акты. Применительно к нашему периоду это: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви и Инструкция по его применению (1918), Конституции РСФСР (1918) и СССР (1924), постановления, циркуляры, инструкции и т.п. Наркомюста, НКВД, ВЧК-ОГПУ.

Обо всех документах нет времени говорить. Но касаясь первого (Декрета об отделении церкви от государства), считаю, что это был шаг вперед на пути к формированию светского государства и утверждению принципа свободы совести в государственной и общественной жизни России: он создавал правовые, материальные и организационные условия для того, чтобы каждый гражданин мог свободно определить свое отношение к религии и поступать соответственно своим убеждениям; гарантировал не только право на веру, но и право не иметь религиозных убеждений. Нельзя не видеть, что многие положения декрета находились в русле тех идей и требований, что провозглашала демократическая общественность России в начале XX в., борясь за свободу совести и вероисповеданий. К тому же, хотя об этом публично и не говорилось, но фактически в нем подтверждался ряд положений законодательных актов Временного правительства в области регулирования деятельности религиозных объединений. Кто не согласен, приглашаю сравнить 13 пунктов Декрета с нынешней Конституцией России и федеральным законом о свободе совести – вы их там можете и неожиданно для себя, но обнаружите! Можно добавить, что полярность оценок Декрета объясняется тем, что он пришелся как раз на пик разлома «старого» и «нового», а его реализация – на годы Гражданской войны.

Специализированной структурой, призванной на практике реализовывать идеологию правящей партии и государственные акты по вопросам свободы, наряду, естественно, с Совнаркомом и ВЦИК, стал VIII (V) отдел Наркомата юстиции РСФСР (1918–1924).

За ним закрепилось неофициальное название – «ликвидационный отдел», что подразумевало устранение прежних правоотношений в сфере свободы совести, в положении и регулировании деятельности религиозных организаций.

В период с 1917 по 1928 г. советское государство можно характеризовать как светское, но в его внеконфессиональной форме (прил. 3). Свойственное ему отношение к религии и церквям и практику вероисповедной политики большевики восприняли еще в годы Первой мировой войны (1914–1918), ориентируясь во многом на опыт США. А он (опыт) включал в себя: равноудаленность от всех (традиционных и новых) религий и церквей; минимализацию государственного участия в процессе возникновения (формирования) религиозных объединений и в каком-либо специальном регулировании их деятельности; принципиальную «отстраненность» от нужд, забот и интересов собственно церковных организаций; восприятие всего комплекса проблем, связанных с обеспечением религиозных свобод, через призму личных (индивидуальных) прав человека.

К 1921–1922 гг. в РСФСР, а к 1924 г. – в СССР в основном была решена задача замены старого конфессионального государства государством светским. Эта позиция была принята обществом, т.е. верующими и неверующими, а также и целым рядом церквей и религиозных организаций, начиная с Русской православной церкви. Сопутствовали ли этому процессу сопротивление, эксцессы? Да! Но это лишь подтверждает общеевропейский опыт: от старого к новому через борьбу, в которой рождалось и новое государство, и новое общество.

Последующие годы – 1925–1928 гг. – в правящей партии развернулась острая борьба вокруг религиозного вопроса: как быть, что делать далее, каковы ориентиры движения? В 1929 г. она завершилась победой Сталина и его сторонников, что означало «перезагрузку» партийно-советского аппарата на строительство «атеистического государства». На практике такого государства не существовало. Это фантом, сконструированный идеологами партии со ссылками на марксизм. Отличительной особенностью такого государства должно бы-

ло стать введение правового запрета на религиозные убеждения и деятельность религий (церквей), всемерная (правовая, финансовая, идеологическая, организационная и т.д.) поддержка государством одного мировоззренческого выбора – атеистического.

Известно, что нарком юстиции П.И. Стучка летом 1918 г. в ходе обсуждения и принятия Конституции РСФСР публично отвергал статью о свободе совести, включенной в проект Конституции и звучавший так: «В целях обеспечения за трудящимися свободы совести церковь отделяется от государства, религия объявляется делом совести каждого отдельного гражданина, на содержание церкви и ее служителей не отпускается средств из государственной казны, право полной свободы религиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [2].

По его мнению, она копирует программу европейских социал-демократов, не идущих далее буржуазного понимания свободы совести. Он же требовал идти дальше, к «марксистскому» пониманию вопроса, исключая из статьи положения о религии как деле совести каждого отдельного человека и о свободе религиозной пропаганды. «В самом деле, – рассуждал Стучка, – советским юристам придется призадуматься, как соединить некоторые статьи декрета об отделении церкви от государства с этой полной свободой религиозной пропаганды. Мне мерещится (!? – М.О.), что действительная свобода совести, как ее... понимает Маркс, обеспечивается одной свободой антирелигиозной пропаганды, да и только» [6, с. 254].

Такая постановка вопроса не имеет ничего общего с марксизмом, извращает его и дезориентирует людей. Но как бы то ни было фантом был объявлен реальной целью, которая реализовывалась все 1930-е гг., а всякий выражающий свое несогласие и сомнение в ней рисковал карьерой, свободой, а то и жизнью.

Резюмируя, хочу сказать, что светскость государства есть ценность, которая не дается и не существует сама по себе. Она есть результат длительного человеческого опыта, и требует со стороны современного государства своего осознания и защиты постоянно! Ибо только на этой основе можно добиться и поддерживать в обществе консенсус по вопросу бытия мировоззренческого многообразия.

Список литературы

1. Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 517.
2. Известия. 1918. 3 июля.
3. Конституционное государство. СПб., 1905. С. 66.
4. Лебсак Г.И. Великое адвентистское движение и адвентисты седьмого дня в России. Ростов-н/Д., 2006. С. 310.
5. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Государственной думе (1906–1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. М., 2006. Вып. III. С. 53.
6. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистской теории права. Рига, 1964. С. 254.

Приложение 1

Государственная вероисповедная политика

Это религиозоведческий термин; совокупность мер и действий государства (клерикального и светского), основанных на нормативно-правовых актах, которые непосредственно касаются регулирования различных сторон жизнедеятельности религиозных объединений и обеспечивают право граждан на свободу совести (вероисповедания). Его синонимы – «религиозная политика», «церковная политика», «конфессиональная политика».

Как правило, в рамках конфессионального государства конструктивная вероисповедная политика ограничена только взаимоотношениями с государственной и, в лучшем случае, с «разрешенными или терпимыми» религиями и церквями. В отношении ко всем иным мировоззренческим институциям она репрессивна, и они не имеют легальных возможностей к нормальной деятельности. За рамками такой политики остаются, во-первых, граждане, не исповедующие какой-либо религии, относящие себя к атеистам, агностикам, свободомыслящим, не определившиеся в своем мировоззренческом выборе; а во-вторых, общественные объединения,

созданные на основе иных (нерелигиозных) мировоззренческих интересов и убеждений своих членов.

Светское государство тоже проводит вероисповедную политику, и она тоже направлена на религиозное сообщество и верующих граждан. Но в отличие от вероисповедной политики конфессионального государства, она базируется на «отделении» церкви от государства и вытекающих из него принципах отношения к мировоззренческим убеждениям граждан и создаваемым ими объединениям. Кроме того, светское государство «видит» все многообразие поля мировоззренческих убеждений, которые в равной мере признаются государством – отсюда плюрализм религиозный и мировоззренческий, многообразие отношений государства между ним и верующими/неверующими гражданами, с одной стороны, и между государством и мировоззренческими сообществами – с другой. Именно поэтому применительно к характеристике отношений светского государства к субъектам в мировоззренческой сфере правильнее использовать термин – государственная политика в сфере свободы совести, включающий в себя и аспект вероисповедной политики.

В рамках «модели» (исторической формы) государственной вероисповедной политики (или политики в сфере свободы совести) государства выделяются три составные части: 1) концептуальная (теоретико-идеологическая); 2) правовая база (законодательство о свободе совести); 3) государственные организационно-управленческие структуры, в том числе и специальные.

Первая часть – концептуальная (теоретико-идеологическая) основа взаимоотношений государства и религиозных объединений, в выработке которой могут участвовать представители как светских властных институциональных структур, так и церковных. Соответственно, в рамках конфессионального государства в ее основание будет полагаться теология (богословие), а в светском государстве – совокупность различных отраслей знания.

Вторая часть – правовая база: государственные нормативные правовые акты, определяющие содержание понятий «свобода совести» и «свобода вероисповеданий», регулирующие деятельность

религиозных объединений, права и обязанности верующих подданных (граждан), характер взаимоотношений государства и церковных институтов. В конфессиональном государстве к этим составляющим (или взамен них) относятся также «Священные тексты» и богословские каноны, прежде всего господствующей (государственной) церкви.

Третья часть – государственные организационно-управленческие структуры (и церковные в конфессиональном государстве), в том числе и специальные, призванные непосредственно реализовывать политику государства в вопросах свободы совести (вероисповедания); обеспечивать права, свободы и законные интересы граждан и создаваемых ими мировоззренческих объединений.

Приложение 2

Отделение церкви от государства (политико-правовое содержание)

Светское государство:

- *отказывается* от своих былых прерогатив в установлении обязательной для своих граждан вероисповедной принадлежности и контроля за их религиозными убеждениями;

- *исходит из того*, что свобода совести – это не только свобода религиозного (вероисповедного) выбора, но шире – мировоззренческого, в том числе нерелигиозного, выбора. Право этого выбора государство оставляет за человеком (гражданином), обязуясь принимать и защищать его;

- *предполагает* в качестве основного субъекта политики в сфере свободы совести гражданина; граждан, объединяющихся в общественные объединения: религиозные или нерелигиозные, в зависимости от своих мировоззренческих предпочтений;

- *ориентируется* во взаимоотношениях с гражданами, исходя не из их вероисповедной принадлежности и религиозной самоидентификации, а из их гражданско-правового положения, ставя во главу угла принцип гражданства;

- *декларирует* отныне и стремится осуществить на практике принцип правового равенства всех религий (церквей), а также граждан, независимо от их отношения к религии; этот же принцип распространяется и на все общественные объединения, создаваемые гражданами на почве мировоззренческого единства;

- *исключает* церкви (как социальные институты, субъекты публично-правовых отношений) из политической сферы, из непосредственного процесса формирования и проведения государственной политики (то есть намерений и действий, касающихся всех граждан независимо от их отношения к религии), а религиозный вопрос из сферы политической перетекает в сферу общественной жизни (гражданского общества), частной и личной жизни гражданина;

- *полагается* и руководствуется в своих концептуальных основах внутренней и внешней политики не религиозно-теологическими принципами, постулатами и учениями, а совокупностью разнообразных научных данных и положений, выработанной естественными и гуманитарными дисциплинами, а ценность которой (совокупности) определяется не «небесным» предназначением человека и государства, а «земными» интересами государства, общества, человека;

- *разъединяет* государственное (светское) и церковное право, устанавливая примат первого при разрешении вопросов публично-правовой и гражданской сфер, т.е. прав и свобод гражданина. Область действия церковного права ограничивается собственно церковным институтом (межцерковными отношениями), частной жизнью граждан, их внутренними религиозно-мотивированными убеждениями; и признается государством в той мере, в какой оно является фактом свободного выбора верующих граждан и не вступает в противоречие с нормами светского законодательства;

- *не возлагает* на религиозные объединения функций и обязанностей органов государственной власти и органов местного самоуправления и не привлекает непосредственно к своей практической деятельности, предусмотренной законодательством, которая к тому же не должна сопровождаться какими-либо культовыми обрядами, церемониями и т.п.;

- *обеспечивает* светский характер государственного (муниципального) образования; обеспечивает и контролирует выполнение государственного стандарта образования в религиозных учебных заведениях;

- *содействует* диалогу и сотрудничеству государства, общественных организаций и религиозных объединений в рамках гражданского общества, строго сохраняя нейтралитет в отношении каких бы то ни было убеждений, вероучений и культовой практики в любой форме;

- *признает*, соблюдает и защищает права и свободы человека (гражданина) в сфере убеждений в соответствии с нормами национального и международного законодательства;

- *обеспечивает* мировоззренческий плюрализм в обществе; осуществляет контроль за реализацией конституционных принципов свободы совести; способствует диалогу и укреплению сотрудничества различных мировоззренческих групп общества, межконфессиональных связей.

Приложение 3

Исторические формы светского государства

Несмотря на относительную историческую молодость светского государства, сформировались три его формы: 1) «внеконфессиональное» (аконфессиональное) государство, 2) «атеистическое» государство и 3) государство «культурного сотрудничества».

В *аконфессиональном* государстве принцип «отделения» понимается достаточно прямолинейно, жестко и широкомасштабно (особенно в начальный период оформления такого государства). Это понятно, поскольку оно (государство) формировалось в странах, либо не имевших «конфессиональной» истории (например, Соединенные штаты Америки – первый и наиболее яркий образчик), либо там, где формирование светского государства шло в радикальных обстоятельствах противостояния носителей клерикального и

светского (например, Франция, Российская империя). Исторический опыт таких государств постепенно сгладил остроту государственно-церковных отношений. Но ведущим остался принцип равноудаленности всех (традиционных и новых) религиозных объединений от государства; минимализация его участия в процессе возникновения (формирования) религиозных объединений и в каком-либо специальном регулировании их деятельности; принципиальная «отстраненность» государства от нужд, забот и интересов собственно церковных организаций, рассматривавшихся в качестве одного из видов общественных объединений; и, наконец, восприятие всего комплекса проблем, связанных с обеспечением религиозных свобод, через призму личных (индивидуальных) прав человека, при подчеркнутом уважении религиозного/нерелигиозного выбора граждан. В целом такой подход государства можно определить как юридический или формально-правовой.

В *атеистическом государстве*, которое формируется в редчайших случаях в ходе всемирной истории, складывается государство, основным отличительным признаком является правовой запрет на религиозные убеждения, на деятельность религий (церквей) и всемерная (правовая, финансовая, идеологическая, организационная) поддержка государством одного мировоззренческого выбора – атеистического. Определенно можно говорить об Албании, которую ее руководитель Энвер Ходжа (40–80-е гг. XX в.) объявил первым в мире «атеистическим государством»; о государстве «красных кхмеров» 1970-х гг.; о временных тенденциях к формированию такого государства в Китайской Народной Республике (КНР) времен «культурной революции» 1966–1976 гг. и в СССР.

Государство *«культурного сотрудничества»* постепенно формируется в европейских странах со второй половины XIX в. Эта форма взаимоотношений между государством и религиозными объединениями включает в себя безусловное соблюдение обеими сторонами действующего гражданского законодательства, принятие со стороны религиозных объединений современных норм и принципов свободы совести, приоритета прав человека, демокра-

тии и верховенства законов светского государства, а также взаимоуважительное сотрудничество и взаимодействие государства и церковей в сфере гражданского общества, направленные на защиту общенациональных интересов и интересов и прав конкретного человека. Здесь очень важно, что и та, и другая сторона воспринимают себя равноправными субъектами национальной истории; стремятся объективно и на научной основе выявить роль государства, церкви и иных сообществ в формировании национальной культуры; понимают возможность и точно определяют круг взаимных интересов и сферу возможного сотрудничества в рамках гражданского общества; и одновременно соблюдают базовый принцип отделения церкви от государства, не вторгаясь в «не принадлежащую» им сферу жизни и деятельности. Для европейских стран приоритетность этой формы стала очевидной во второй половине XX в. Аналогичные процессы с конца XX в. развиваются особенно активно в ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки. Здесь в круг внимания и политику в сфере свободы совести государства «культурного сотрудничества» включаются не только христианские церкви, но и мусульманские, и буддистские организации.

Применительно к 70–80 гг. XX столетия можно говорить, что переход от клерикального государства к светскому для большинства современных стран состоялся. Именно этот тип государства характерен и для значительного числа государств-членов Организации Объединенных Наций (ООН). По существу, само понятие «демократическое государство» уже предполагает и его «мировозренческий» тип – светское государство.

Нечаев Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь.

Nechaev Mikhail Gennadievich – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor Perm National Research Polytechnic University, Perm.

ХРИСТОЛОГИЯ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ

Статья раскрывает одну из малоизвестных страниц периода Гражданской войны в России, связанной с популярностью, как в коллективном сознании, так и в большевистской пропаганде идеей коммунистического христианства. Большевики на местах воспринимали свою деятельность как воплощение в жизнь христианских идеалов. В той исторической ситуации – в условиях революционной эйфории – это выглядело вполне естественно и закономерно. Вводится в научный оборот большое количество документальных источников, подтверждающих выводы автора.

Ключевые слова: неохристианство; внецерковное христианство; религия и коммунизм; губисполком; губернский комитет РКП(б); поездество; отделение церкви от государства; женсоветы; антирелигиозный диспут.

BOLSHEVIK-STYLE CHRISTOLOGY DURING THE YEARS OF CIVIL WAR IN URAL

The article reveals one of the less known chapters from the period of Civil War in Russia related to the popular appeal both in the collective consciousness and in the Bolshevik propaganda of the ideas of Communist Christianity. The Bolsheviks in Russian provinces perceived their activity as embodiment of Christian ideals. In that historical situation – under conditions of revolution euphoria – this looked quite natural and consistent. Large number of documented sources, confirming author's conclusions, are introduced into scientific discourse.

Key words: neochristianity; churchless Christianity; religion and Communism; Governorate Executive Committee; Governorate Committee of the Russian Communist Party (Bosheviks); priests obliteration; separation of church from the state; female councils; antireligious dispute.

В первом десятилетии XX в. в российской общественной мысли «богоискательство» становится самой обсуждаемой темой. Богоискательство и беспощадная критика существующей церкви объединяло и сторонников «возрождения православия», и последователей «внецерковного христианства», и тех, кто пытался создать «неохристианства». В сборнике «Царь и революция» увидевший свет в Париже в 1907 г. и через год вышедшем в немецком переводе Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и Д.В. Filosoфoв рассматривали первую русскую революцию как религиозный акт: «Русская революция – не только политика, но и религия» [30, с. 60]. Д.С. Мережковский подчеркивает: «...свидетельство о Христе, пришедшем во плоти, – не отвергнуто, а воспринято новым религиозным сознанием; отвергнута только ложь православия и всего исторического христианства – самодержавие» [30, с.190]. В сборнике статей «Вехи» – манифесте русской интеллигенции – С.Н. Булгаков отмечает: «Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни, и платится, вместе со своей родиной, за эту измену, за это религиозное самоубийство. Но странно, она не в силах забыть об этой сердечной ране, восстановить душевное равновесие, успокоиться после произведенного над собой опустошения. Отказавшись от Христа, она носит печать Его на сердце своем и мечется в бессознательной тоске по Нем, не зная утоления своей жажде духовной» [3, с. 73].

Левая интеллигенция также стремилась объединить христианство и коммунизм. Это отразилось в книгах А.В. Луначарского «Религия и социализм» и М. Горького «Исповедь» [56, с. 77–80]. А.В. Луначарский открыто писал в 1908 г.: «Социализм это организованная борьба человечества с природой для полного ее подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил – новая религия. Мы вместе с ап. Павлом можем сказать: “Мы спасены в надежде”. Новая религия не может вести к пассивности, к которой, в сущности, ведет всякая религия, дающая безусловную гарантию в торжестве добра, – новая религия вся уходит

в действие. “Человек рожден не для созерцаний”, говорил Аристотель, “а для действия”, и начало умиленного созерцания изгоняется теперь из религии и заменяется началом неустанной активности. Новая религия, религия человечества, религия труда, не дает гарантий. Но я полагаю, что и без бога и без гарантий – маски того же бога – она остается религией» [29, с. 49–50]. В 1918 г. знаменитый этнограф и левый по своим политическим убеждениям В.Г. Богораз-Тан обозначил большевизм как религию: «И вот перед нами новая религия русского народа, вместо христианства, вместо православия, отмененного ныне, – всероссийский большевизм. Большевизм – это религиозная форма социализма, доступная широким массам <...> Для грамотной России социализм – это политико-экономическая доктрина. Для безграмотной России социализм – это религия, это большевизм» [57, с. 448].

Однако последним камнем, обрушившим лавину коммунистического христианства как массового явления коллективного сознания в годы Гражданской войны, стала поэма А.А. Блока «Двенадцать».

Многим со школьной программы известны последние строчки из поэмы А.А. Блока «Двенадцать»: «В белом венчике из роз – Впереди – Иисус Христос». Стихотворные строчки, написанные великим русским поэтом в январе 1918 г. всегда вызывали ожесточенные дискуссии, делившие участников на две партии. Одни считали, что он принял и возвысил революционные изменения, а другие пытались отделить и «спасти» романтического А.А. Блока от ужасов революции и гражданской войны поисками символических нюансов и особенностями художественного отражения существующих реалий. Однако гениальная поэма, рожденная в апокалиптическом январе 1918 г., на самом деле стало зеркальным отражением эпохи кровопролитного гражданского противостояния.

В этом произведении по Петрограду идут двенадцать человек («большевики» «с красным флагом») «революционным», «мерным», «державным» шагом. Они идут «без креста», «без имени святого» и подбадривают себя:

«Товарищ, винтовку держи, не труть!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!»

На фоне плаката «Вся власть Учредительному собранию!» поэт глазами двенадцати с сарказмом описывает образы «старого мира», сдуваемого «ветром» (видимо революционным), среди которых есть и поп:

«А вон и долгополый –
Стороночкой и за сугроб...
Что нынче не веселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?»

Парадоксальная концовка вызывает до сих пор разные трактовки произведения:

«...Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес.
Впереди – с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос».

С «кровавым флагом» впереди двенадцати апостолов «без креста» идет Иисус Христос! То есть Иисус Христос благословил новую власть – безбожную власть большевиков!!! Эта поэма вызвала переполох в читающей России. От А.А. Блока отвернулась интеллигенция, о которой он также отзывался весьма нелицепри-

ятно. Своему другу Андрею Белому поэт писал: «Мне бы хотелось, чтобы Ты (и все Вы) не пугался “Двенадцати”» [1, с. 514]. Художнику, иллюстрирующему поэму, Ю.П. Анненкову А.А. Блок пытается подсказать, как лучше нарисовать Иисуса Христа, но в результате и сам не знает, как это, по его мнению, должно выглядеть: «О Христе: он совсем не такой: маленький, согнулся, как пес сзади, аккуратно несет флаг и уходит. “Христос с флагом” – это ведь – “и так и не так”. <...> Вообще это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как, может быть, хуже всего сумел сказать и в “Двенадцати” (по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на все критики)» [2, с. 328–329].

Несмотря на то что Христос, шествующий во главе революционеров, казался абсурдом коммунистам и кощунством антикоммунистам [20, с. 121], сама поэма была разорвана на цитаты, а вернее на плакаты. В 1918 г. по всему Петрограду и не только были расклеены плакаты: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем» или «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!» Под каждой из этих строк стояла подпись: «Александр Блок» [25, с. 5].

В своей агитационной работе большевики стали активно использовать образ Христа как первого коммуниста. Другим месседжем было то, что заветы Христа были искажены существующей церковью, и коммунизм реально их воплощает в жизнь. Начало активизации антицерковной пропаганды приходится на весну 1918 г. В постановлении Пленума ЦК РКП(б) от 19 мая 1918 г. в этой связи говорилось: «Выясняется, что в последнее время усилилась агитация духовенства против Советской власти. Решено повести против духовенства усиленную письменную агитацию. Поручить ее издание гг. Сосновскому, Ем. Ярославскому и Демьяну Бедному, ассигновать необходимую сумму из кассы ЦК» [39, с. 147].

В годы Гражданской войны широко распространялись антирелигиозных брошюр и книг. Их было издано в 1918–1920 гг. только в центре более 30 наименований. Их авторами стали видные деятели РКП(б) Е.М. Ярославский, В.В. Воровский, Н.Л. Мещеряков, И.И. Скворцов-Степанов и другие. На антирелигиозные

темы публиковались газетные статьи, проводились беседы, собрания, лекции и диспуты.

На Урале уже в 1918 г. появляются первые брошюры, посвященные вопросам религии. В Перми вышла книжка Г.И. Мясникова «Деяния апостолов или святительская ложь». Издатель этой брошюры Мотовилихинский союз рабочих-металлистов предупреждал читателей, что брошюра была написана «отчасти в одиночке орловской каторжной тюрьмы, отчасти в сумасшедшем доме, куда автор попал из каторги и сослан был за, что подал прошение о исключении его из православных христиан» [31, с. 4]. Г.И. Мясников отмечает воплощение христианских идеалов во власти Советов: «...попы братаются с “безбожной интеллигенцией”, которую они травил и на которую устроили немало погромов. Почему? Все потому же, что власть Советов принесла с собой слепым прозрение, пленным освобождение, униженных и оскорбленных, плачущих и страдающих возвысила и утешила» [31, с. 7].

Завершает свою брошюру автор следующим: «Я понимаю, конечно, что не апостолы столько наврали – рука попов видна, я их понимаю, но ты-то, интеллигенция, глашатаи истины и правды, носитель красоты, ты-то зачем тут? Ты, представительница бесстрастной внеклассовой науки, за сколько сребреников продала народ свой, оплаканный слезами твоими? Ну, оставим интеллигенцию, пусть ее проститует» [31, с. 24].

В Усолье уездный отдел народного образования предполагал опубликовать серию из четырех антирелигиозных брошюр Я. Бурова, Августа Бебеля, профессора Арнольда Доделя и А. Зимины, но в октябре 1918 г. удалось выпустить лишь брошюру А. Зимины «Церковь и государство». Это было переиздание его книги, опубликованной еще в 1907 г. [21, с. 49].

А. Зимин в своей брошюре писал: «... многие привыкли думать, что они и теперь исповедуют веру “отцов и дедов” своих, как оно пошло от самого Христа со времен апостольских, но это не так. То, что зовется теперь именем веры Христовой, очень мало похоже на то, чем была эта вера при своем рождении» [22, с. 1].

Там же говорилось, что жизнь в первых христианских общинах отличалась простотой, чистотой, братской любовью, равенством, взаимной помощью и поддержкой. Появление же союза церкви с государством, заключенного «вовсе не во имя Христа, а ради обоюдных выгод обеих сторон – властей духовных и властей гражданских – ради взаимной помощи и возвеличивания», привело к гонениям на все прогрессивное со стороны церкви и, кроме того, к искажению заветов Христа [22, с. 3]. А. Зимин приходит к выводу: «Итак, союз церкви с государством был заключен вовсе не во имя Христова, а ради обоюдных выгод обеих сторон – властей духовных и властей гражданских ради взаимной помощи и возвеличивания» [22, с. 8]. Таким образом, в брошюре утверждалось, что нынешнее христианство полностью отличается от первоначально-го. Более того, церковь исказила учение Иисуса Христа, а христианство рассматривается как гуманистическое учение.

В 1919 г. в Ижевской типографии Совета рабочих и солдатских депутатов была отпечатана брошюра без автора «Как попы поработили народ учением Христа» [42, л. 12]. Безымянный автор, обращаясь к православным, эмоционально восклицает: «...попы да начальство ваше заставили вас принять под именем Христова то учение, против которого всю жизнь боролся Христос, то учение, для разрушения которого он отдал свою жизнь. И вот, приняв под именем Христова не Христово учение, а учение поповское, вы ищите света и правды там, где кроме тьмы и лжи ничего нет» [42, л. 12].

На страницах уральских газет появились статьи, объясняющие и оправдывающие действия советского государства по отношению к религии и церкви, а также изобличающие «черных воронов», – так с легкой руки Е.М. Ярославского называли в те годы священноцерковнослужителей.

По подсчетам автора, таких статей в «Известиях Пермского губисполкома» за январь – декабрь 1918 г. было опубликовано около 24, а в газете «Вятская правда» только за январь – март 1918 г. – 18. На страницах газет выступали Я. Буров, С. Данилов, Л.С. Сосновский, И.И. Степанов, Е.М. Ярославский и другие.

Большое внимание антицерковной пропаганде уделялось в красноармейских газетах. Так, только за октябрь 1918 г. в газете политотдела 3-й Красной армии «Красный набат» было опубликовано четыре заметки и одно стихотворение. А в газете политотдела 5-й Армии напечатан юмористический рассказ писателя Ярослава Гашека, автора знаменитой книги про Швейка, «Трагедия одного попа», а также его фельетон «Дневник попа Малюты из полка Иисуса Христа» [7, с. 246–250].

После взятия Перми армией Колчака многие советские и партийные работники эвакуировались в Вятку. Несколько месяцев органом Уральского областного комитета была вятская газета «Деревенский коммунист». За 1919 г. на ее страницах было опубликовано около 90 статей, заметок и стихов на антирелигиозную тему. В газете имелась специальная рубрика «Попы и народ», где помещались материалы, призванные иллюстрировать жадность, пьянство и другие нравственные пороки попов, а также их враждебность к советской власти и народу. Критика направлялась на личность того или иного священнослужителя. Отсюда и характерные названия заметок: «Ненасытная утроба поповская»; «Жадный поп»; «Поп-спекулянт»; «Поп-торгаш»; «Поп да кулак – два друга»; «Не поп, а полицейский крючок»; «Поповские проделки»; «Святые отцы объедаются, а дети голодают» и т.д. и т.п.

О содержании подобных публикаций можно судить по такому характерному стихотворению, как «Поповское житье»:

«Жил да был во время она
Жадный к деньгам – поп Иона.
Завсегда бывал он пьян,
Околпачивал крестьян,
Жил себе, не зная горя,
Всем известна ихня доля!» [13, с. 2].

Подобная критика впоследствии получила меткое и точное название – «попедство».

В газетных публикациях на Урале также много внимания уделялось тому, как искажается христианство церковью, а Иисус Христос рассматривался как первый коммунист.

Так в августе – сентябре 1918 г. в разгар красного террора сразу в трех газетах – («Известия Балашевского Исполнительного Комитета», «Вечерние Известия» в Москве и «Известия Пермского Губернского исполнительного Комитета Советов рабочих Солдатских и Крестьянских депутатов в Перми») было опубликовано заявление в Балашевский комитет партии коммунистов «священника-коммуниста» Ивана Алексинского: «Товарищи-коммунисты! Я думаю, что ваша партия вернет назад учение Христа. Я уверен, что коммунисты на фундаменте Иисуса, развалив современную церковь, построят крепкое, светлое, чистое здание, где будут чистые люди, в счастье и довольстве, где не будет слез, ибо не будет обиды, где не будет суммы, ибо не будет богатого, где раздастся могучая песнь свободного братского народа» [23, с. 1].

Осенью 1918 г. в «Известиях Чердынско-Печорского края» была опубликована статья А. Михайлова «Евангелия и Гражданская война». В статье автор утверждает: «В Евангелие есть немало мыслей, которые могут объяснить многое из происходящего в наше время на русской земле... на смену ему (старому храму) строится народом новый храм, тот самый храм, который упоминается в Евангелие. Разве это всеобщая перестройка жизни делается не во имя всеобщей любви к людям? Не во имя освобождения человека, не во имя равенства людей и братства? И этот новый храм должен скоро построиться на нашей земле... В наше время, когда борцы за свободу народа провозглашают коммунистические истины, многие говорят, что это не от Христа, а от злого духа. Нет, это от Христа, потому что Христос сам был коммунист, только не все люди осознают это. Когда же наступит наконец-то царствие Божие на земле, о котором много веков мечтает человечество? Ответ дает та же книга (Евангелие), где изложено учение Христа. Когда истинное учение (т.е. учение коммунистов) распространится во всех людях, тогда и наступит конец зла и соблазнов» [24, с. 146–147].

В «Известиях Вятского губисполкома» в праздник Рождества Христова напечатали передовицу «Первый коммунист». Им, по мнению автора, являлся Иисус Христос, «родившийся» 1919 лет тому назад и «пострадавший за народ» [5, с. 69].

Эта же тема ярко звучала и в стихотворной форме. Стихи публиковали уральские газеты. В своем стихотворении «Духовенству» Евдоким Веселый писал:

«Часто бога вспоминали
Ваши лживые уста,
А на деле оплевали
Вы пресветлый лик Христа.
И с крестом в руках, злодеи,
Шли на помощь палачам,
И с жандармами ходили
На расстрелы по ночам.
Но теперь конец приходит
Ваш, прислужники царей,
Солнце правды уж восходит,
Прогоняет звонарей» [17, с. 3].

В стихотворениях красноармейца А. Эйнемана «Насолил: (Легенда о Христе)» [19, с. 3] и И. Логинова «Христос-большевик» [28, с. 3] излагаются различные мифологические версии о Христе-коммунисте. В этих неуклюжих стихах, как в зеркале, отражается смена парадигм в период революционных потрясений.

В стихах «Насолил: (Легенда о Христе)» «Владыка небесный – Господь Саваоф» спускается на землю и с осуждением размышляет по поводу новых советских порядков:

«Порядки ввели!
Не нужно царя им и бога
Создать собираются царство земли
Шатка моя власть – и убога...»

Он полагает, что главным виновником «победы низов» был его «милый сынок, что распят за мир на Голгофе», а «в Советах – идея Христова».

«И думает старый: сынок не дорос:
Для мира он рано родился –
Когда-б за оружие взялся Христос,
Тогда-б он свободы добился...»

Но все же, идея в конечном пути:
В ней равенство, братство – основа,
Пожалуй, престола и мне не снести
В Советах – идея Христова.

И горькие слезы старик уронил:
“О Небо! Ты видишь, внимаешь!”
“О! Как ты, Иисус, отцу насолил;
Рабов у отца отнимаешь!”».

И заканчивается это стихотворение тем, что революция произошла не только на земле, но и на небе, где власть взял его сын:

«И грузно поднялся Господь Саваоф.
На небо, вдруг (батюшки, светы!)
Он видит повсюду победу низов:
На небе повсюду Советы.
Господь задрожал, как осиновый лист,
Случился обморок со старым,
Когда он узнал, что Христос-коммунист
Народным избран Комиссаром».

В стихотворении «Христос-большевик» речь идет о том, что Христос, благославляя красных, которые воплощают его идеи в жизнь, отдает землю в руки людей:

«Христос летит на небеса,
Бросая белым словеса:
“Аминь, аминь, глаголю вам,
Конец приходит всем попам,
Монаху, дьякону, дьячку
И мировому Колчаку”.

Христос летит на небеса,
Бросая красным словеса:
“Аминь, аминь, глаголю вам,
Вся власть на свете беднякам
Лишь власть мозолистой руки
Перекует в серпы штыки”.

Христос летит на небеса,
Бросая миру словеса:
“Лечу в заоблачную синь,
Навек...
Землей пусть правит человек.
Аминь”».

В концертных программах и спектаклях также пользовались большой популярностью стихи собственного сочинения. В 1919 г. на Омутнинском заводе Глазовского уезда в Народном доме Ф.Г. Сорокин, А.И. Осколков и электротехник Тресвятский играли спектакли и давали концерты с антирелигиозным содержанием, на которых декламировали следующие стихи:

«К богу прибыл делегат и указ читает:
Ваш земной протекторат нынче отпадает.
Потрудитесь сообщить: званье, чин и лета:
Также паспорт предъявить иль мандат Совета» [10, л. 40].

В дальнейшей декламации «уничтожались святые угодники» вместе с Богом, торжествовали правда и наука [10, л. 40].

В устной пропаганде также Христос становился союзником большевиков. В Екатеринбургской губернии, образованной в 1919 г., многие агитаторы, критикуя церковь, в то же время называли Иисуса Христа «нашим учителем» а его учение – социализмом [43, л. 105; 44, л. 60]. В Екатеринбурге и в Екатеринбургском уезде за три месяца – с октября по декабрь 1919 г. – было организовано всего лишь семь лекций и митингов на темы: «Религия и коммунизм», «О происхождении религии», «Отделение церкви от государства», «Религия и церковь в Советском государстве». Эти лекции и митинги проводили Подкорытов, Войнов, Шаврин, Сапожников. Рабочие и крестьяне вообще впервые слышали публичные выступления на антирелигиозные темы. Интерес к ним был чрезвычайно большой [45, л. 105; 46, л. 60, 62; 47, л. 102, 106; 48, л. 50; 49, л. 117–118; 50, л. 26; 51, л. 34].

Агитационно-просветительский отдел Екатеринбургского губернского комитета РКП(б) издал в конце 1919 г. тезисы доклада на

беспартийных рабоче-крестьянских конференциях под названием «Религия и коммунизм» [42, л. 5–6]. Основным смыслом этих публикаций сводился к тому, что авторы рассматривали первоначальное христианство как гуманистическое учение, но считали, что позднее церковь в союзе с государством использовало его для укрепления власти имущих классов. На основании этих тезисов 29 декабря 1919 г. на общем собрании коммунистов и сочувствующих завода «Герта» в Екатеринбурге выступал с лекцией «Религия и коммунизм» секретарь заводской парторганизации Василий Васильевич Подкорытов [52, л. 33]. В своей лекции он особо подчеркнул, что «наш учитель Иисус Христос во время своей жизни за свои коммунистические идеи был схвачен и распят книжниками и фарисеями» [45, л. 105]. Собрание постановило: «Лекцию т. Подкорытова о религии и коммунизме принять к сведению» [45, л. 105].

Для подготовки пропагандистов 18 ноября 1919 г. в Екатеринбурге открылась партийно-советская школа. Партийные работники со стажем и преподаватели читали в этой школе такие курсы, как «Религия, ее возникновение и развитие», «Религия и коммунизм» и другие. Вторую половину учебного курса слушатели должны были проводить занятия по секциям. Открылись курсы для рабочих Полевского завода Екатеринбургского уезда, на которые записалось до 100 человек. На них читали среди прочих и антирелигиозные лекции [48, л. 4, 38].

Для ведения пропагандистской работы в декабре 1919 г. создали лекторское бюро и агитколлегию. Секретарь губкома обратился ко всем партийным организациям с предложением создавать лекторские бюро на местах [53, л. 25, 46]. Губернское лекторское бюро предполагало выпустить 14 конспектов лекций. Первые опубликованные конспекты были на такие темы: «Религия и коммунизм» и «Отделение церкви от государства». По этим конспектам в лекторской группе опробовалась примерная лекция, и лишь затем с ней выходили на массовую аудиторию [54, л. 13, 17, 22]. На общегородской партийной конференции отмечали, что за месяц существования лекторского бюро в Екатеринбурге было прочитано 14 лекций [55, л. 22].

В начале 1919 г. агитатор Обухов в деревне Абекшанка, Шубенской волости Котельничского уезда по просьбе Комитета бедноты провел разъяснительную беседу всей деревне, в которой в частности объяснил, «каким орудием была церковь для капиталистов» [12, с. 2]. Агитатор настаивал, что именно при советской власти сбудутся христианские идеалы. В заключение заметки отмечалось: «Крестьяне меня слушали с большим вниманием. А один вышел и говорит – все это правда, товарищи. Тогда будет у нас любовь к ближнему, когда мы не будем иметь собственности...» [12, с. 2]. Такие же беседы были проведены в деревне Полякова и других деревнях Котельничского уезда.

В этот период в Вятском уезде Вятской губернии действовала группа Особого Коммунистического отряда губернского военного революционного комитета. Этот отряд осуществлял карательные функции. Весной 1919 г. его послали в село Кумены Вятского уезда для того, чтобы подавить крестьянское выступление, направленное против политики государства по отношению к церкви. Однако вместо карательных мер члены отряда устроили в селе собрание на тему, связанную с реализацией декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, при участии сельского духовенства. Слушателей собралось около 150 человек. Собрание продолжалось четыре часа и постепенно переросло в диспут, по окончании которого «собравшиеся были ознакомлены: 1) с сущностью настоящего христианского учения; 2) Богом библейским; 3) с догматической ересью православной веры; 4) с историей развития христианства вообще и у нас в России в частности; 5) с сущностью учения церкви, о таинствах, иконах, молебнах, рае, аде, мощей и др.» [14, с. 2]. Основным лектором был В.А. Соловьев. К нему подошел местный дьякон и заявил: «Ну и ошпарили вы нас. Хуже пулемета всякого» [14, с. 2].

11 мая 1919 г. на диспут, организованный этим же особым коммунистическим отрядом в селе Рябинове Нагорской волости Вятского уезда, пришло уже около 900 человек: «...Все здание школы, коридор, классы, лестница и площадь около школы были переполнены народом. Народ теснился к окнам и жадно слушал спор» [16, с. 4].

Перед собравшимися также выступил коммунист В.А. Соловьев, а его оппонентом оказался священник с высшим образованием. Как пишет корреспондент: «Член отряда тов. Соловьев много говорил о той лжи и тумане, которыми затемняют попы головы своих прихожан, и его речь произвела на слушателей сильное впечатление. Видно, что они ее верят» [15, с. 3]. Спор продолжался более пяти часов, как писали в газете «Деревенский коммунист», «доводы В.А. Соловьева оказали большое впечатление» [16, с. 4].

Именно в селах Вятского уезда зарождались первые на Урале антирелигиозные диспуты. Они свидетельствовали о смене форм политического давления на церковь. Происходил отход от запугивания, арестов и расстрелов к идеологическому противостоянию. В губернской Вятке только 8 июня 1919 г. состоялся диспут на тему «Религия и отделение церкви от государства», организованный губернским военно-революционным комитетом. В нем принимали участие председатель губвоенревкома В.Ф. Сивков и В.А. Соловьев, а от духовенства – причт кафедрального собора [8, л. 34]. В объявлении было оговорено: «Духовенству гарантируется полная безопасность и безнаказанность за высказанные ими на диспуте взгляды и убеждения, и неявка их на диспут будет рассматриваться как их собственное неверие и несостоятельность проповедуемых ими религий и обрядов» [8, л. 34].

Среди женщин также находили полное понимание идеи, связанные с тем, что коммунисты проводят в жизнь идеалы Иисуса Христа. 28 апреля 1919 г. на общем собрании женщин села Малых Рожков Малмыжского уезда (в количестве 50 женщин среди которых было 40 русских и 10 черемис) внесли предложение рассказать про отделение церкви от государства и школы от церкви [11, л. 35]. Слово взяла представительница от Бюро работниц при Малмыжском комитете Тупоногова. Она говорила, что советская власть положила конец государственной религии, которую насильно внедрили в сознание человека, и завершила свою речь следующим: «Но напрасно товарищи говорят, что коммунисты безбожники, но нет они ни у кого религию или веру не отнимают лишь проводят свободную религию без насильства. Говорят, что коммунисты прово-

дят идеал Христа и запрещают торговлю божеством. Известно всем, что Христос сказал, что царствие небесное только бедноте. А у нас по молитвам попов только царство богачам, потому что есть капитал дать попу как помер богач, то поп молит бога, чтобы он попал в царство даст ему богач копейку, а помер бедный нет копейки, то он попал в самый ад, но нет по проповеданию Христа наоборот он стоял не за богача, а за бедняка значит денег нет, то царства нет, деньги есть царство получишь и вот! Товарищи! Где же правда, правда Христа или попов»¹ [11, л. 35–36].

В августе 1919 г. начал свой путь по Каме агитационно-пропагандистский пароход «Красная звезда». Коллектив агитпарохода, который возглавила Н.К. Крупская, состоял из 18 инструкторов и агитаторов [33, с. 11, 59–60]. На «Красной звезде» имелись антицерковные и антирелигиозные листовки: «Наука или икона», «Отцы духовные перед судом народным» и другие. Они были изданы Российским телеграфным агентством специально для этого парохода [42, л. 7–8]. Эта литература щедро распределялась в городах и селах Прикамья «по ячейкам, культурно-просветительным кружкам, союзам молодежи» [35, л. 21].

С приездом «Красной звезды» в Перми в Красных казармах организовали грандиозный красноармейский митинг, где присутствовало 6 тысяч человек. На митинге выступила Н.К. Крупская, а после произнес речь агитатор 2-й Красной армии А.К. Попов, бывший до октябрьских событий 1917 г. священником. Н.К. Крупская вспоминала, что его речь произвела громадное впечатление, особенно когда он касался вопросов, связанных с религией: «Недавний поп, – писала она, – был незаурядным оратором. Хотя и употреблял он поповские сравнения, вроде того, что большевики подобно апостолам пошли в народ, чтобы понести им “свет истины”, но говорил в общем дельно, и ясно было, какое громадное значение имело его выступление. “А как насчет крещения”? – задал вопрос один красноармеец. – “Насчет крещения? Подробно

¹ Здесь и далее сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

говорить надо бы часа два, а коротко сказать – один обман”. Масса молча слушала: кому же и знать лучше, как не бывшему попу? И ясно было, какое громадное агитационное значение имели речи этого попа-агитатора» [33, с. 51].

В данный период большинство поддержавших новый советский государственный строй считало, что коммунизм и христианство имеет одну общечеловеческую основу – стремление к братству, равенству, справедливости. Эти идеи оказались наиболее популярными в общественном сознании. В то же время «противобольшевистская» пропаганда оценивала коммунизм как искушение – «учение антихриста», а идеологи «военного коммунизма» рассматривали христианство в качестве антипода коммунистического учения. В частности, Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский в «Азбуке коммунизма», написанной осенью 1919 г., об этом довольно четко заявили: «Между директивами коммунистической тактики и заповедями религии в огромном большинстве оказывается непримиримое противоречие» [54, с. 136].

Против отождествления христианства и коммунизма также горячо и бескомпромиссно выступали некоторые большевистские публицисты. Так, Гудин на страницах газеты «Деревенский коммунист» писал: «Многие объединяют учение Христа с коммунизмом, совершенно забывая, что христианство по своему духу совершенно противоположно коммунизму и общего с ним ничего не имеет. Не нужно говорить, что мы идем по следам Христа. Мы идем своей собственной дорогой, которая нисколько не хуже отжившего учения Христа. Не нужно забывать, что христианство – это поклонение бессилию, лицемерию и рабству, а коммунизм – мощь и открытое возмущение несправедливости. Христианство – это религия смиренного философа-раба, плачущего над грехами ближнего, эксплуатирующего бедных. Коммунизм это гордость рабочего-борца, гордого делом рук своих, уверенного в своей силе и диктующего законы равенства своим недавним эксплуататорам» [18, с. 2].

Несомненно, огромную роль в становлении системы антицерковной и антирелигиозной пропаганды на Урале сыграл Е.М. Яро-

славский, который с сентября 1919 г. по март 1920 г. был секретарем губернского комитета партии большевиков. 8 ноября 1919 г. на заседании бюро Пермского губкома приняли план работы агитационно-пропагандистского отдела, предложенный им [40, л. 48]. На Пермской уездной конференции РКП(б), которая открылась 6 декабря 1919 г., в будущий план работы по инициативе Е.М. Ярославского был вынесен такой пункт: «После основательной подготовки по вопросу самих членов комячейки, организовать публичные диспуты (собеседования, споры) с попами по вопросам религии об отделении церкви от государства и т.п.» [36, л. 3].

С участием Е.М. Ярославского в Перми, Мотовилихе, Чусовом прошли антирелигиозные диспуты. 11 января 1920 г. прошел первый антирелигиозный диспут в Перми на тему «Религия и коммунисты». Диспут длился шесть с половиной часов. Интерес к разбираемым вопросам был велик [26, с. 2].

Второй диспут состоялся в воскресенье 18 января 1920 г. На нем народу присутствовало еще больше, чем на первом. Городской театр не смог вместить всех желающих. В своем выступлении Е.М. Ярославский отвечал на аргументы оппонентов, высказанные на первом диспуте. Когда он стал опровергать утверждение управляющего Пермской епархией Варлаама, что духовенство всегда стояло вне политики, то показал кружку, в которую при церквях собирали деньги. На кружке было написано: «На устройство храма в память освобождения от большевиков». Со всех сторон раздались крики: «Позор! Позор!». После этого диспута Варлаам не пришел на второй, а вместо него присутствовали два священника. Один из них приводил аргументы в пользу тезиса о неоспоримых исторических заслугах церкви перед российским обществом, о которых русский народ должен помнить. Другой пытался примирить коммунизм с христианством. Этот священник высказал следующую мысль: «Христианство занимается жизнью духа, а социализм – материальной жизнью. Это два течения в пользу материи и духа. Поэтому необходимо перекинуть мостик между ними, и христианину и коммунисту жить в дружбе и согласии» [27, с. 4]. В ходе

диспута единогласно признали, что декрет об отделении церкви от государства и его осуществление является событием величайшей исторической важности.

Впоследствии сам Е.М. Ярославский вспоминал об этом диспуте: «Один из священников, выступавший против меня, заявил: “Зачем вам вмешиваться в дело религии, вы возьмите себе материальную сторону, материальное переустройство жизни, а нам оставьте душу человека”. Мы никак не могли согласиться на такое разделение функций между духовенством и Советской властью» [41, с. 19].

Идеи коммунистического христианства продолжали жить, завоевывая популярность и обретая новые, в том числе политические, формы. Еще в апреле 1917 г. священник П. Кремлевский предлагал создать «Союз христианских рабочих» [6, с. 2]. Неоднократно заявлял об этом и уфимский епископ Андрей. По его инициативе в августе 1918 г. было решено организовать в Уфе христианскую рабочую партию [38, с. 61]. Но эти идеи не нашли отклик.

Христианско-социалистическая рабоче-крестьянская партия была создана в Москве в конце 1918 г. В уставе этой партии записали, что советская власть «является единственной формой государственного правления, при которой возможно наиболее широкое и успешное создание частно-коммунистического трудового хозяйства и вообще построение жизни на христианско-социальных началах» [9, л. 15].

Вскоре и в Уфе появляется группа последователей этой новой партии. Президиум уфимского губкома РКП(б) на своем заседании от 11 сентября 1919 г., рассмотрев вопрос о легализации христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии, постановил зарегистрировать ее. В ноябре 1919 г. основатель этой партии Ф.И. Жилкин приезжал из Москвы в Уфу с целью организации здесь филиала. До этого в Уфе с разрешения властей 9 сентября 1919 г. собрание представителей духовенства рассматривало устав партии и ее цели. Обсуждение привело к жарким спорам. Часть собравшихся высказалась против создания этой партии [32, с. 89–90]. Несмотря на усилия организаторов этой партии, она просуществовала недолго. Уже 30 сентября 1919 г. Московский пролетарский

суд признал ее буржуазной, а в 1920 г. VIII отделом НКЮ она была ликвидирована. Тем не менее ее краткая история свидетельствовала о многом, в частности, о существующих глубинных интенциях к социализму в общественном сознании.

Есть много косвенных свидетельств того, что в 1918–1919 гг. существовала не только объективная тенденция, но и политика, формируемая, если так можно выразиться, «снизу» – со стороны рядовых большевиков и «низшего молодого белого духовенства» – создания «красной церкви» с идеологией «коммунистического христианства». Однако как церковные, так и большевистские верхи ожесточенно боролись с подобными настроениями.

Так, на заседании Пермского губкома от 11 февраля 1920 г., которое проходило под председательством небезызвестного «специалиста» по религии Ем. Ярославского, члены бюро при рассмотрении вопроса «О церкви», сославшись на решение от 9 января 1919 г. о создании «советской церкви», признали неприемлемым проявление инициативы по ее формированию, так как считали необходимым, чтобы большевистская партия открыто и публично боролась прежде всего пропагандистскими методами с христианством в целом и с православной церковью в частности [37, л. 6, 35–36].

Идея о создании «советской церкви» принадлежала ВЧК, пытавшейся учесть массовые настроения, а также проводить прокрестьянскую политику, которую демонстрировало советское руководство в конце 1918–1919 гг., чтобы привлечь крестьян на свою сторону. Но уже к концу 1920 г. руководство ВЧК отказывается от этих замыслов. Об этом пишет председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский заведующему отделом М.Я. Лацису: «Мое мнение: церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели разложения попов. Связь, какая бы то ни было, с попами других органов бросит на партию тень – это опаснейшая вещь, хватит нам одних спецов» [34, с. 24–25].

Таким образом, в годы Гражданской войны, во всяком случае на Урале, в коллективном сознании общества стали формироваться вполне устойчивые базовые элементы конструкции образа Иисуса Христа как первого коммуниста и революционера, выступающего против существующей церкви и благословляющего новый формирующийся советский порядок. Необходимо отметить, что антирелигиозная пропаганда в этот период была чрезвычайно выборочной и носила ярко выраженный антицерковный характер. Можно говорить совершенно определенно, что единственным объектом критики была русская православная церковь. В антирелигиозной пропаганде, которую большевики вели энергично и последовательно, широко используя, в том числе, и средства массовой информации, внецерковный и большевистский статус Иисуса Христа стал важнейшим аргументом в диалоге с верующими. Впоследствии власти отказываются от этой составляющей своей политики, и на первый план выдвигается нетерпимое отношение к религии вообще и к верующим в частности.

Список литературы

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
2. Блок А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. Письма 1898–1921. М: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 355 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 27–73.
4. Бухарин Н. и Преображенский Е. Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. Тип. Изд. Политотдела III Армии, 1919. 224 с.
5. Ворончихин А.Е. У истоков атеистического воспитания (по материалам Вятской губернской парторганизации // Учен. зап. кафедры истории КПСС, философии и научного коммунизма. Киров, 1969. Вып. 36. Т. 2. С. 66–79.

6. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 4. 11 апреля.
7. Гашек Я. Крестный ход: атеистические сатиры и юморески. М.: Изд-во политической литературы, 1964. С. 295.
8. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.878. Оп.1. Д.15.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1235. Оп.93. Д.236.
10. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф.1. Оп.19. Д.252 а.
11. ГАСПИ КО. Ф.8. Оп.1. Д. 33.
12. Деревенский коммунист. 1919. № 39. 26 февраля.
13. Деревенский коммунист. 1919. № 42. 1 марта.
14. Деревенский коммунист. 1919. № 94. 8 мая.
15. Деревенский коммунист. 1919. № 105. 21 мая.
16. Деревенский коммунист. 1919. № 113. 31 мая.
17. Деревенский коммунист. 1919. № 124. 14 июня.
18. Деревенский коммунист. 1919. № 116. 4 июля.
19. Деревенский коммунист. 1919. № 142. 5 июля.
20. Дудкин В.В. Символика поэмы А. Блока «Двенадцать» (на материале зарубежных исследований) // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. С. 115–127.
21. Зимин А. Церковь и Государство. СПб.: Верный Путь, 1907. 49 с.
22. Зимин А. Церковь и государство. Усолье: Изд. Усольского Уездного Отдела Народного Просвещения, 1918. 29 с.
23. Известия Пермского Губернского исполнительного Комитета Советов рабочих Солдатских и Крестьянских депутатов. 1918. № 170. 5 сентября.
24. Копытова И.Н. Религиозная жизнь населения Чердынско-го уезда на страницах первых чердынских большевистских газет в 1918 г. // ГУЛАГ. НАЧАЛО: материалы всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2017. С. 141–148.

25. Кошарная С.А. «Двенадцать» как ключевой концепт поэмы А. Блока // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177). Вып. 21. С. 5–12.
26. Красный Урал. 1920. № 153. 13 января.
27. Красный Урал. 1920. № 166. 24 января.
28. Красный Урал. 1919. № 34. 14 августа.
29. Луначарский А. Религия и социализм. СПб.: Шиповник, 1908. Ч. 1. 228 с.
30. Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция: сб. 1-е рус. изд. / под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. 224 с.
31. Мясников Г. Деяния апостолов или святительская ложь. Изд. Мотовилихинского Союза рабочих металлистов. Пермь: Четвертая Государственная Типография, 1918. 24 с.
32. Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: история проблемы, уроки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 251 с.
33. Н.К. Крупская и Прикамье: сб. документов и воспоминаний. Пермь: Кн. изд., 1969. 260 с.
34. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 63 с.
35. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф.557. Оп.1. Д.7.
36. ПермГАСПИ. Ф.580. Оп.1. Д.1.
37. ПермГАСПИ. Ф.557. Оп.1. Д.30.
38. Постановления Уфимского епархиального собрания августовской сессии 1918 года // Журналы Епархиального собрания духовенства и мирян Уфимской епархии. Уфа, 1918. № 1–20. 96 с.
39. Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 13, 18, 19 мая 1918 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 143–147.
40. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.6. Д.222.
41. Савельев С.Н. Емельян Ярославский – пропагандист марксистского атеизма. Л., 1976. 104 с.
42. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф.41. Оп.1. Д.117.

43. ЦДООСО. Ф.96. Оп.1. Д.18.
44. ЦДООСО. Ф.96. Оп.1. Д.20.
45. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.18.
46. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.20.
47. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.27.
48. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.41.
49. ЦДООСО. Ф.225. Оп.1. Д.3.
50. ЦДООСО. Ф.225. Оп.1. Д.11.
51. ЦДООСО. Ф.225. Оп.1. Д.18.
52. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.19.
53. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.4.
54. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.5.
55. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.69. Л.22.

56. Чемодуров К. В. «Исповедь» М. Горького как пример художественной исповеди богостроительства // Вестник Курганского государственного университета. 2016. № 1. С. 77–80.

57. Шахнович М.М. В.Г. Богораз о религии и большевизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. С. 441–453.

Кантор Юлия Зораховна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, научный руководитель Мемориального комплекса политических репрессий, г. Санкт-Петербург.

Kantor Yulia Zorakhovna – Doctor of Historical Sciences, Chief Research Scientist of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Scientific director of the Memorial complex of political repressions, Saint-Petersburg.

«ВЗГЛЯНУТЬ НА ВОПРОС ТЕРРОРА В БОЛЕЕ ШИРОКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ»

Карательная политика большевиков изначально была направлена против идеологических оппонентов – партий, еще в недавнем прошлом союзниц по борьбе с царским самодержавием. Затем физический и моральный террор был экстраполирован на общество в целом, в первую очередь – на мыслящую его часть – интеллигенцию. Воззрения В.И. Ленина и других руководителей большевистской партии, захватившей власть в России 25 октября 1917 г., подразумевали тотальный контроль государства за всеми сферами общественно-политической и духовной жизни страны. Статья посвящена анализу документов, касающихся проблематики формирования системы борьбы с инакомыслием в первые годы советской власти.

Ключевые слова: оппоненты; политические партии; интеллигенция; большевики; ВЧК; элита; террор; высылка.

«CONSIDER THE ISSUE OF TERROR IN A WIDER PERSPECTIVE»

The penal policy of the Bolsheviks was initially aimed against ideological opponents – parties that had recently been their allies in struggle with Tsar supremacy. Then physical and moral terror was extrapolated onto the society as a whole and in the first turn onto its thinking part – intellectuals. The view of V.I. Lenin and other leaders of the Bolshevik party which seized power in Russia on October 25, 1917 presupposed total control of the state over all spheres of social and political and spiritual life of the country. The article is dedicated to the analysis of documents related to the problematic of forming the system of struggle against dissidence during the first years of the Soviet rule.

Key words: opponents; political parties; intellectuals; the Bolsheviks; All-Russian Extraordinary Commission; elite; terror; exile.

Карательная политика большевиков изначально была направлена против идеологических оппонентов – партий, еще в недавнем прошлом союзниц по борьбе с царским самодержавием. Затем физический и моральный террор был экстраполирован на общество в целом, в первую очередь – на мыслящую его часть – интеллигенцию. Воззрения В.И. Ленина и других руководителей большевистской партии, захватившей власть в России путем переворота 25 октября 1917 г., подразумевали тотальный контроль государства за всеми сферами общественно-политической и духовной жизни страны.

Документы позволяют увидеть «опорные точки» этой борьбы и источник, эту борьбу инициировавший, – партию большевиков. Так, в «совершенно секретном» циркуляре ВЧК, датированном 21 апреля 1921 г. и написанном, как указано в документе, «в ответ на задание Владимира Ильича» [9, л. 8], секретный отдел ВЧК предложил план работы на год. Поскольку выступления меньшевиков и эсеров, а также других социалистических и буржуазных партий приурочены к октябрьским праздникам, в «начале августа провести массовые операции по всем партиям в государственном масштабе». Указанные операции рекомендовалось проводить с «большим тактом и осторожностью, дабы не вносить дезорганизацию в наши хозорганы», для чего ГУБЧК совместно с губкомами и губисполкомами было предписано заранее подготовить заместителей из ответственных сотрудников советской власти.

«В летний период до сбора урожая операций государственного масштаба не производить, а бить персонально активистов всех партий вплоть до губернского и краевого масштаба» [9, л. 9]. Иными словами, «чистки» проходили по партийному принципу даже без формальных попыток доказательно уличить тех или иных лиц в антисоветскости. И карательно-политический аспект государственного строительства превалировал над социально-экономическим. Операции по «нейтрализации» буржуазных партий – кадетов, монархистов, октябристов и т.д. – рекомендовалось проводить «беспощадно и массово» [9, л. 10], ликвидировать к первой половине октября 1921 г. В документе есть еще один при-

мечательный пункт: произвести массовые операции с одновременным закрытием их органов печати [9, л. 11].

Через некоторое время ЦК РКП(б) с удовлетворением констатировал, что «партии меньшевиков и эсеров, различных монархистов фактически в настоящее время находятся на нелегальном положении» [10, л. 57]. В связи с выборами в 1921 г. в Московский совет рабочих и крестьянских депутатов, которые должны были стать образцовыми для всей страны, возникла дискуссия о возможности предоставления «нашим политическим врагам известную свободу выбора». Подобный либерализм – само обсуждение такой возможности – был вызван причинами вполне прагматическими: сторонники «известной свободы» полагали, что «бороться с врагами легче, когда они находятся на виду, а не загнаны в подполье» [10, л. 57]. И, что не менее важно, утверждается в циркулярном письме «Об отношении к партиям мелкой буржуазии»: «Оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции раскола и расхождений в рядах враждебных нам партий», ибо находясь на нелегальном положении, они только сплачиваются и объединяются против общего врага [10, л. 59].

Когда с политическими оппонентами – некоммунистическими партиями – было покончено, на повестку дня был поставлен тезис о борьбе с мыслящей частью общества – интеллигенцией. Дворянин с университетским образованием, председатель совнаркома Ленин был откровенен: «...Вообще к интеллигенции... я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая. Только и всего» [1, с. 269–270].

Просматривая в 1922 г. проект Уголовного кодекса, дипломированный юрист Ленин не церемонился с формулировками: «Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революци-

онным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания – расстрела... По-моему, надо расширить применение расстрела» [2, с. 563]. В сопроводительном письме к предложенному им проекту дополнений к Уголовному кодексу РСФСР председатель Совнаркома 7 мая 1922 г. писал: «Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор – обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально» [6, с. 99].

Именно Ленин сделал заявление о полной поддержке и защите ВЧК, «подвергшейся, за некоторые свои действия, несправедливым обвинениям со стороны ограниченной интеллигенции, ... неспособной взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе» [3, с. 122] А ЦК РКП(б) по его предложению издало Постановление от 19 декабря 1918 г., юридически закрепив запрет любой критики в отношении деятельности ВЧК.

Из интеллигентов новую власть поддержали немногие. Большинство же готово было сосуществовать с этой властью, но сохранив за собой право на собственное мнение и чувство ответственности за происходящее. Власть это не устраивало. В мае 1921 г. ГПУ, введенное в состав ВЧК, издало «совершенно секретную» Инструкцию об организации Бюро содействия: «Во всех центральных государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях, а также в Вуз и там, где предоставится возможность наличием коммунистов, организуются Бюро содействия Секретному Отделу ОГПУ» [11, л. 9]. К работе в этом освещенном аппарате, который должен был пронизать все сферы общественной жизнедеятельности, привлекались, только члены РКП, работающие в порядке партдисциплины со стажем не менее трех лет. Бюро содействия структурировались с таким расчетом, чтобы через отдельных своих членов охватывать учреждение в целом. Обязанности членов бюро содействия формулировались пре-

дельно внятно: «Заниматься систематическим собиранием сведений о всякого рода явлениях антисоветского характера, а также выявлением контрреволюционного элемента в данном учреждении или предприятии» [11, л. 10]. Разумеется, при таком подходе в категорию врагов и контрреволюционеров мог попасть любой.

Первыми на «главной арене борьбы против Советской власти антисоветской интеллигенции» названы высшие учебные заведения, потому «положение в высшей школе требует принятия ряда решительных мероприятий по прекращению и предупреждению контрреволюционных выступлений профессуры» [5, с. 121–122]. Реакция Политбюро была немедленной – уже через неделю предложения чекистов были оформлены, расширены и усилены в специальном постановлении. Работа по устранению неугодного профессорско-преподавательского состава в буквальном смысле была работой «на будущее» – у вузовских педагогов могли возникнуть последователи среди студентов, и «связь времен», а точнее, интеллектов, могла бы не прерваться, чего новая власть принять не могла. Потому чистками профессуры не ограничилась: в вузах прошли и массовые чистки студентов, слушавших неугодных профессоров или разделявших их взгляды¹ [13, л. 168].

Летом 1922 г. у Ленина случился инсульт. Но даже тяжелая болезнь не отвлекла его от злободневных проблем: в стране еще остались тысячи нежелательных – свободомыслящих – граждан. Их участь необходимо было решить. В сентябре в Горки был вызван Ф.Э. Дзержинский за получением директив вождя по борьбе с интеллигенцией. Председатель ГПУ законспектировал тезисы и развил их, разработав стройную систему: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля,

¹ См. также: Письмо Ф.Э. Дзержинского В.Р. Менжинскому о мероприятиях в связи с настроениями студенчества // «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 100.

д) кооперация и т. д.); 4) Техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т.д.); 5) Профессора и преподаватели; и т.д. и т.д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно... Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов был без оговорок поддерживать Советскую власть» [4, с. 24]. С особо неблагонадежными решили справиться, как сформулировал Троцкий, путем «предусмотрительной гуманности» – насильственной высылкой [8]. 17 октября 1922 г. ГПУ за подписью Ф.Э. Дзержинского выпустило приказ с «инструкциями по выполнению постановления ВЦИК об административной высылке». Этот документ предоставлял власти неограниченную свободу по изоляции инакомыслящих. Формулировка его всеобъемлюща. «Административная высылка применяется к лицам, пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка опасным» [12, л. 4]. Высылать стали из столиц, из мест, где неуютный был укоренен, в иные регионы, включая Соловки и, наконец, за границу. Ленин писал генсеку ЦК РКП(б) Сталину: «Розанов (которого к тому времени уже не было в живых – прим. авт.), Вигдорчик, Франк... надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их – вон из России. Делать это надо сразу. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа! Чистить надо быстро» [7, с. 162]. Так возник беспрецедентный эксцесс, вошедший в историю как «Философский пароход». Тися-

чам оставшихся предстояли ссылки, лагеря и расстрелы. Большевики, создавшие разветвленную и иерархическую в своей жестокости систему подавления и искоренения инакомыслия, пытались довести российскую интеллигенцию до социальной недееспособности и тем самым обезопасить себя от нравственной оппозиции.

В течение первых пяти лет советской власти карательные механизмы борьбы с инакомыслием, инициированной, законодательно разработанной и утвержденной большевистской партией и воплощаемой с помощью ВЧК-ОГПУ, были полностью сформированы и тотально опробованы на практике. Нейтрализация духовной элиты давала возможность безнаказанно манипулировать массовым сознанием, в чем власть и преуспела в последующие десятилетия. А парадигма «инакомыслящий – оппозиционер – враг» оказалась чрезвычайно живучей в массовом сознании и сознании политической элиты, пережив даже само советское время.

Список литературы

1. Анненков Ю.П. Владимир Ленин // Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2.
2. В.И. Ленин и ВЧК: сб. документов (1917–1922 гг.). М., 1975.
3. В.И. Ленин и ВЧК: сб. документов (1917–1922 гг.). М., 1987.
4. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005.
5. Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 1 июня 1922 г. // «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008.
6. «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008.
7. Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину об ускорении высылки представителей интеллигенции от 16 июля 1922 г. // «Очистим

Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008.

8. Троцкий Л.Д. Предусмотрительная гуманность // Правда. 1922 г. № 193. 30 августа.

9. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф.1. Оп.5. Д.192.

10. ЦА ФСБ России. Ф.1. Оп.5. Д.321.

11. ЦА ФСБ России. Ф.1. Оп.6. Д.8.

12. ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп.1. Д.885.

13. ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп.2. Д.85.

Пonomarev Сергей Анатольевич – заместитель директора – главный хранитель Мемориального комплекса политических репрессий, г. Пермь.

Ponomarev Sergey Anatolievich – Deputy director – Head of conservation Memorial Complex of Political Repressions, Perm.

МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВО: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТОВ ПО ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ

В выступлении представлен опыт создания музеем выставок по истории Пермской епархии на основе уникальных документов и предметов из частных архивов и коллекций. Посетителям выставки были представлены подлинные предметы и документы, свидетельствующие о репрессиях в отношении духовенства в период Гражданской войны и Большого террора 1937–1938 гг.

Ключевые слова: Пермская епархия; духовенство; террор; репрессии.

MUSEUM AND SOCIETY: EXPERIENCE OF IMPLEMENTING EXHIBITION PROJECTS DEDICATED TO THE HISTORY OF THE PERM EPARCHY

The report comprises experience of exhibitions created by the museum that are dedicated to the history of the Perm eparchy based on unique documents and articles from private archives and collections. Visitors of the exhibition were presented with authentic articles and documents related to the purges against clergy during the period of the Civil War and the Great Purge in 1937–1938.

Key words: Perm eparchy; clergy; terror; purges.

За период 2017–2018 гг. музеем было подготовлено две выставки непосредственно связанные с историей Пермской епархии. Каждая из этих выставок может служить примером удачного «государственного и частного партнерства». В данном случае партнерство состояло в том, что комплекс предметов и документов, находящийся на хранении у хранителей – физических лиц, с одной

стороны, и потенциал государственного музея, с другой стороны, дали определенный результат, который получил высокую оценку со стороны общественности.

Инициатива создания совместными усилиями выставки, повествующей о периоде возрождения Пермской епархии в 1940-е гг., принадлежала одному из хранителей комплекса предметов и документов журналисту Вячеславу Дегтярникову. Тогда в нашем музее впервые узнали, что существует уникальный комплекс артефактов: фотографий, предметов и документов, бережно собранный и сохраненный Валентиной Николаевной Поповой, прихожанкой одного из пермских храмов. Так, в год празднования столетия Белогорского монастыря родилась идея выставочного проекта «Всем невзгодам вопреки...». Авторский коллектив поставил перед собой задачу не только рассказать о страницах истории Пермской епархии (начиная с ее расцвета в начале XX в., последующего периода жестоких репрессий и гонений на священнослужителей и возрождения епархии в середине прошлого столетия), но и сделать это при помощи уникальных артефактов, многие из которых широкой общественности были не известны.

Всего на выставке было представлено порядка сорока подлинных предметов и документов. Особенно следует выделить келейный иконостас священномученика архиепископа Андроника, чудесным образом сохранившийся до наших дней. Иконостас был подарен Андронику в 1914 г. монахами Белогорского монастыря после его вступления в должность епископа Пермского и Соликамского, состоит из трех образов: Николая Чудотворца, Стефана Великопермского и последнего, достаточно редкого, – Анны Кашинской. По имеющимся сведениям, в июне 1918 г. после ареста архиепископ Андроник попросил священника, находящегося с ним в одной камере, спасти иконы. После освобождения священник, выполняя последнюю волю владыки, тайно вывез иконостас в гробу после отпевания умершего прихожанина из Митрофаново-Воронежского храма и укрыл его в Феодосиевской церкви города

Перми. Когда же эту церковь закрыли, хранительницей икон стала жительница Перми Татяна Пайнова.

Следующий уникальный экспонат – икона Святого Николая (по предположению ряда краеведов – единственный сохранившийся список с утерянной иконы из с. Николо-Березовка Уфимской губернии). Далее посетители выставки могли увидеть литургический комплект – покровцы и воздух с пятнами крови. Известно, что данные предметы не выносятся из алтаря и используются настоятелем храма только во время проведения литургии. Наличие на них пятен человеческой крови может свидетельствовать о том, что нападение на храм произошло во время проведения церковного обряда. Высока вероятность, что трагические события, на которые указывают представленные предметы, произошли в 1918 г., когда нападения на церкви и их разграбления сторонниками светской власти были не редкостью. Исследователям еще придется установить, какой храм подвергся варварскому нападению, пока же имеется только предположение, что литургический комплект может иметь отношение к трагическим событиям в селе Дворец Осинского уезда Пермской губернии, когда красноармейцы во время службы ворвались в храм и убили священника.

В период активной подготовки выставки летом 2017 г. в ходе земляных работ на эспланаде в центре города Перми (на месте, где в начале XX в. располагался Иоанно-Златоустовский храм подворья Белогорского монастыря, разграбленного красноармейцами летом 1918 г.) были обнаружены подсвечник, гильзы и пуля от винтовки системы Мосина. Предположительно эти предметы были обнаружены в том месте, где находилась алтарная часть храма. Обнаруженные предметы также нашли свое место на нашей выставке.

Выставка была открыта для посетителей в августе 2017 г. в конференц-зале выставочного центра «Пермская ярмарка» во время проведения межрегиональной выставки «Православная Русь – 2017». По окончании экспонирования на Пермской ярмарке выставка переместилась в Мемориальный комплекс политических репрессий (д. Кучино Чусовского района), где продолжила свою работу до

ноября 2017 г. По свидетельству сотрудников музея, проводивших экскурсии по выставке, представленные экспонаты вызвали большой интерес у посетителей. Тогда и возникла идея создания более мобильного варианта выставки, чтобы с ней могли познакомиться и в городах Пермского края.

Осенью 2017 г. музей подал заявку на грантовый конкурс «Православная инициатива 2017–2018» с проектом «Сохраняя веру: трагические судьбы Пермской епархии». Проект приурочили к 100-летию начала красного террора и известным трагическим событиям в истории Пермской епархии. В своей заявке мы указали, что выставка будет подготовлена с использованием предметов и документов преимущественно из частных коллекций (или коллекций общественных музеев) и затем будет организовано ее экспонирование в Перми, Соликамске и Кунгуре.

Став победителем Международного конкурса проектов «Православная инициатива», музей организовал работу по наработанной схеме. Первоначально был определен круг возможных источников информации. За основу был взят комплекс предметов и документов Валентины Поповой (по договоренности с хранителями артефактов). Кроме того мы располагали информацией, что в коллекции общественного музея ИК-35 имеется простреленный настенный латунный крест, и договорились с создателем и хранителем музея Владимиром Кирилловичем Кургузовым о передаче нам этого экспоната на временное хранение сроком на один год. Пожалуй, данный экспонат и стал одним из ключевых в созданной выставке. По оценке посетителей выставки именно он задавал эмоциональный фон, будучи красноречивым свидетелем трагических событий. К сожалению, установить, в каком храме и где это произошло, не удалось. Известно только, что шесть-семь лет назад, этот крест был передан настоятелю Камасинской церкви о. Сергию внуком, который, разбирая имущество умершей бабушки, натолкнулся на данный артефакт. Ни имени, ни фамилии внука о. Сергей не записал, а крест передал на хранение в общественный музей.

Еще ряд документов и фотографий для создания выставки передали пермский историк Сергей Шевырин (документы из семейного архива расстрелянного в 1937 г. настоятеля Култаевской церкви Михаила Козмина) и краевед Татьяна Морозова (редкий снимок после проведения хиротонии епископа Феофана). Параллельно сотрудники музея проводили консультации со специалистами по истории религии, краеведами. В частности, при определении концепции выставки мы обращались за консультацией к Михаилу Геннадьевичу Нечаеву. В результате было решено не ограничиваться событиями 1918 г., а показать полную линейку гонений на священнослужителей: физическое уничтожение периода Гражданской войны, массовые репрессии 1930-х гг. и различного рода ограничения и запреты середины XX в. Кроме того, для воссоздания более объемной картины событий и реализации задуманного мы обратились к фондам государственных архивов и на выставке также представлены документы из прекращенных архивно-следственных дел, находящихся на хранении в ПермГАСПИ.

Мобильный вариант выставки состоит из двух трехстворчатых стендов-ширм и двух витрин для экспонирования подлинных предметов. Открытие выставки состоялось 17 августа, в день начала работы на Пермской ярмарке межрегиональной выставки «Православная Русь – 2018». Затем выставка отправилась в г. Соликамск, где посетители краеведческого музея могли с ней ознакомиться в зале экспонирования древнерусского искусства (Богоявленская церковь). После Соликамска выставка была перевезена в г. Кунгур, где экспонировалась до конца октября. В Соликамске и Кунгуре в общей сложности выставку посетило почти 3000 человек.

Подводя итоги, следует отметить, что музеем было успешно реализовано два выставочных проекта в тесном сотрудничестве с частными хранителями уникального комплекса артефактов. Важно, что посетителям выставок были представлены уникальные, а также ранее малоизвестные для широкого круга обывателей предметы и фотографии, указывающие на трагические события

вековой давности, и что мобильный вариант выставки экспонировался за пределами города Перми, а также получены положительные отзывы от посетителей.

И все же есть ощущение, что кое-какие моменты можно было реализовать по-другому. Возможно, чтобы выставки на такую сложную тему были интересны не только взрослому поколению, но и молодежи, следовало при их создании использовать современные технологические приемы, например, усилить эмоционально-визуальное восприятие стендов и предметов, возможностью прослушать аудиовоспоминания. Музею есть над чем работать, и мы будем в дальнейшем развивать успешный опыт «государственного и частного» музейного партнерства.

Сушко Алексей Владимирович – профессор, доктор исторических наук Омского государственного технического университета, заведующий кафедрой «Отечественная история», г. Омск.

Suchko Alexei Vladimirovich – Professor, Doctor of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Head of the Chair «National History», Omsk.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В БЕЛОМ ОМСКЕ: К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОМСКОЙ ГУБЧК ПОСЛЕ КРАХА КОЛЧАКОВСКОГО РЕЖИМА

На основе анализа работ историков, воспоминаний чекистов, а также известных, но должным образом не интерпретированных данных из сводок Омской ГубЧК, дана оценка масштабов красного террора в бывшей столице Белой России, проводимого ГубЧК после взятия Омска частями Красной армии.

Ключевые слова: ВЧК, красный террор, политические репрессии, белые офицеры, Омск.

RED TERROR IN WHITE OMSK: REGARDING ISSUE OF REPRESSIVE ACTIVITY OF OMSK EXTRAORDINARY EXECUTIVE GOVERNORATE COMMISSION AFTER COLLAPSE OF KOLCHAK REGIME

Based on the analysis of historians' works, recollections of the public security officers (chekists), as well as known data that were not duly interpreted from the reports of Omsk Extraordinary Governorate Commission, the scale of the Red Terror in the former capital of the White Russia is assessed; the Red Terror was held by the Extraordinary Commission after Omsk had been captured by Red army troops.

Key words: All-Russian Extraordinary Commission, Red Terror, political purges, white officers, Omsk.

В исторической науке вопрос о «красном терроре», проводимом органами ВЧК в годы Гражданской войны, вызывает острые дискуссии. При его освещении историки разделились на два лагеря. Одни в своих работах обвиняют правящую партию и органы

ВЧК в ужасных преступлениях и бесчисленных жертвах. Другие при исследовании репрессий обращают внимание на условия, в которых органы безопасности советского государства осуществляли карательную политику и настаивают на точных подсчетах жертв красного террора, основанных на документальных источниках. Несмотря на разнице в оценках, историки сходятся во мнении, что, несмотря на официальное прекращение 6 ноября 1918 г., «к политике красного террора в ходе Гражданской войны большевики прибегали еще не раз, не объявляя об этом» [4, с. 233].

14 ноября 1919 г. войсками 5-й Армии была захвачена столица белой Сибири – Омск. Падение белого Омска случилось в результате стремительного наступления Красной армии, поэтому из города и окрестных районов не успели уйти десятки тысяч противников большевиков, многие из которых не оставляли надежд на вооруженное свержение их власти. Особенно веские основания были у советской власти для репрессий в отношении бывших белых контрразведчиков и офицеров, а также представителей сибирского казачества, с оружием в руках боровшихся против нее. Поэтому историк советских органов безопасности А.Г. Тепляков вполне справедливо отмечает, что после победы над А.В. Колчаком «богатая Сибирь воспринималась как завоеванная территория, население которой подлежало масштабной чистке» [7, с. 114].

Цель данной работы – оценить масштабы и характер красного террора в столице белой России, проводимого Омской ГубЧК после взятия Омска частями Красной армии.

В условиях локализации Гражданской войны на территории Омской губернии для борьбы с противниками советской власти зимой 1920 г. создавалась Омская ГубЧК, по законам военного времени правомочная проводить политику красного террора. Кадры для нее были направлены из особого отдела 5-й Армии и присланы из европейской части страны. Следует подчеркнуть, что первые чекисты, оказавшиеся в Омске, вполне адекватно воспринимали окружающую их социальную среду как враждебную. О своих первых впечатлениях о городе приехавшая в Омск из По-

волжья А.Ф. Ворозенец вспоминала: «Сибирь. Омск. Высаживаемся. В первые дни пребывания Омск произвел неприглядное впечатление: пыльный, душный город, со скудной растительностью, частными домами-мазанками, с их угрюмыми, враждебно настроенными хозяевами – остатками кулачества, не успевшими убежать с белогвардейцами; базары, кишашие спекулянтами со всевозможной снедью, и рядом оборванные, падающие от истощенья люди... Все это произвело на нас удручающее впечатленье» [1, л. 228]. Известный борец за советскую власть А.Н. Дианов, некоторое время послуживший в Омске в органах ВЧК, оставил аналогичное описание социально-политической атмосферы Омска 1920 г.: «Омск был переполнен бежавшими с запада и с востока буржуями, офицерством, населением окрестных казачьих станиц настроенным монархически, враждебно к Советской власти» [3, с. 27].

Исходя из наличия в Омске огромного количества врагов большевистской власти, закономерно было бы ожидать от нее немедленной, беспощадной расправы с ними. Ведь, как отмечает исследователь В.С. Христофоров, «в наиболее напряженные моменты Гражданской войны органам безопасности предоставлялось право расстрелов, взятия заложников, изоляции в концентрационные лагеря лиц, подозревавшихся во враждебной деятельности против советской власти, и “классово-чуждых” элементов» [14, с. 29]. В таких условиях особенно важен вопрос о числе жертв красного террора после разгрома белой армии адмирала А.В. Колчака войсками Красной армии.

Точные данные о деятельности Омской ГубЧК в первые недели после ее создания ввел в научный оборот в своей монографии новосибирский историк А.Г. Тепляков. Согласно данным из обнаруженного им «Обзора деятельности всех Чрезвычайных комиссий Омской губернии с 7 декабря 1919 по 1 февраля 1920 г.» во «враждебном» советской власти Омске и в его уездах ГубЧК было произведено 577 арестов, в том числе за контрреволюционную деятельность – 378, за антисоветскую агитацию – 16, за спекуляцию – 25, за хулиганство – 26, за хранение оружия – 16, за шпионаж – де-

вать. 48 человек были задержаны с целью выяснения личности, пятеро – за убийство, четверо – за бандитизм, четверо – за саботаж, трое – за «провокацию», по одному – за побег, дезертирство и грабеж, а одного арестовали в качестве заложника. Из этих арестованных 290 были освобождены. Были расстреляно 53 человека, из которых 13 – за шпионаж, 13 – за контрреволюционную деятельность, 13 – за участие в расстрелах советских работников при белых, 10 – за службу в карательных отрядах, двое – за умышленное хранение оружия, по одному – за хищения и бандитизм. В концлагерь было заключено 40 человек и в тюрьму – 14 [7, с. 52]. А.Г. Тепляков, приводя эти показательные данные, не дал к ним никакого комментария.

На наш взгляд, приведенные цифры свидетельствуют об имевших место фактах красного террора в Омской губернии. Но они плохо соотносятся с атмосферой ненависти и насилия эпохи Гражданской войны в России. Эти данные опровергают ныне популярный и широко тиражируемый миф о том, что «захватив Сибирь, красные немедленно приступили к созданию широкой сети ЧК, начался массовый произвол против всякого отклонившегося в политической лояльности. Большая часть попадавших в ЧК оттуда не возвращалась» [2, с. 278]. Приведенные цифры из «Обзора деятельности всех Чрезвычайных комиссий Омской губернии с 7 декабря 1919 по 1 февраля 1920 г.» свидетельствуют, что в первые месяцы после захвата Красной армией белого Омска в целом советская власть достаточно миролюбиво относилась к своим разгромленным противникам. Еще раз подчеркнем, что это был город – столица противника, где во власти органов ВЧК остались десятки тысяч активных и пассивных противников большевиков. В подавляющем большинстве случаев в начале 1920 г. расстрелы в Омске практиковались по отношению либо к публичным врагам большевиков, либо применялись в ответ на антисоветский белый или «зеленый» террор и не носили массового характера. В этом отношении для Сибири показательно возникновение «красного бандитизма». Как справедливо отмечает из-

вестный новосибирский историк В.И. Шишкин, красный бандитизм «возник как реакция участников революционного подполья и партизанского движения на репрессии колчаковцев и выражение недовольства мягкой карательной политикой советской власти по отношению к бывшим контрреволюционерам» [12, с. 184].

Об оперативной обстановке на омской земле в начале 1920-х гг. и, соответственно, динамике красного террора чекист П.П. Зутис вспоминал, что «если в первый год советской власти было сравнительно спокойно, так как наши противники от испуга притихли и растерялись, то уже в середине 1920 г. они начали проявлять активность, началась со стороны их организаторская работа. Помню, в середине 1920 г. была раскрыта большая организация по сбору денег для контрреволюционно настроенных офицеров и сбор оружия, но эта организация быстро была ликвидирована, так нам удалось получить список пожертвовавших местных буржуев, и это ускорило ее ликвидацию» [13, с. 91].

С самого начала Гражданской войны офицерский корпус играл в антибольшевистском движении в Сибири ведущую роль. Подпольные офицерские организации в Сибири сыграли значительную роль в свержении советской власти в мае – июне 1918 г. Осенью офицерство оказалось не удовлетворено политикой коалиционного правительства Директории и в ноябре 1918 г. ее свергло, установив «свою» власть в форме диктатуры адмирала А.В. Колчака. После поражения белого движения оставшиеся в крае офицеры белой армии в значительном большинстве вызывали опасение у победивших большевиков, не без оснований ожидавших с их стороны создания новых антибольшевистских организаций. В то же время офицерство являлось значимой частью российской интеллигенции. Большевики прекрасно понимали, что без него у них не будет боеспособной армии. Знания офицеров требовались новой власти и в различных отраслях народного хозяйства. В своем отношении к бывшим колчаковским офицерам чекисты руководствовались указаниями, полученными в телеграмме от Ф.Э. Дзержинского и Э.М. Склянского от 7 марта 1920 г. В ней

говорилось следующее: «Все офицеры колчаковцы должны быть немедленно изъяты из войск ВОХРА и сосредоточены в концентрационных лагерях и впредь приниматься не должны. Особому отделу в целях использования этих лиц для нужд Красной армии тщательно установить в каждом отдельном случае пассивный или активный, добровольный или принудительный характер службы у Колчака, его прошлое. Всех могущих служить в Красной армии снова, в первую очередь добровольно желающих этого и значительным служебным стажем специальных родов войск: генштаба, артиллерии, технических, кавалерии, небольшими партиями направлять со всеми анкетами и материалами расследования в Москву в Особый отдел ВЧК для заключения в концентрационные лагеря. Оттуда они поступают после тщательной фильтрации во Всеросглавштаб для соответствующего использования» [5, л. 1]. В Сибири, в отличие от Крыма, победившие большевики не устраивали тотального террора против бывших белых офицеров. В первые месяцы после установления советской власти органы ВЧК репрессировали преимущественно бывших колчаковских контрразведчиков и карателей. При этом они активно привлекали остальные категории бывших белых офицеров к службе в Красной армии и к работе по восстановлению экономики страны. Применительно к Омску это разносторонне описано в многочисленных статьях омского исследователя Д.И. Петина, изучившего множество судеб бывших белых офицеров в советском Омске [8; 9; 10 и др.].

Заключительный всплеск красного террора на омской земле был связан с новой вспышкой Гражданской войны в крае: с ожесточенными выступлениями «зеленых» (крестьян) против политики военного коммунизма. В 1920–1921 гг. омские чекисты принимали участие в продолжавшихся боях локализованной, но не завершенной Гражданской войны. Сотрудник Омской ГубЧК П.П. Зутис вспоминал об этом времени: «Территория Омской губернии была значительно больше, чем сейчас, в нее входили Атбасарский, Асмолинский, Кокчетавский, Петропавловский, Татарский уезды, и это обстоятельство увеличивало нашу работу, особенно в южных

уездах, где осталось много колчаковского офицерства и зажиточное казачество, которые организовали многочисленные восстания и грабежи, при ликвидации которых шли настоящие бои. Так, в середине 1920 г. при ликвидации банд в Славгородском уезде, где погибли наши сотрудники и много работников милиции, было взято около сотни винтовок, револьверы, шашки, седла и много патронов...» [4, с. 91].

В первые месяцы после установления советской власти в Омске гибель ее активистов, и в том числе чекистов, от рук ее противников не была редкостью. А.Ф. Ворозенец об одном таком эпизоде вспоминала: «В один из дней, придя утром на работу, я в комендатуре увидела трупы трех наших товарищей. Щемящая боль пронзила сердце. Ненавистью и злобой закипело ко всем отпрыскам старого буржуазного строя, жаждущим вернуть обратно свою власть, свое богатство и ради этого идущих на подлые, гнусные преступления» [1, л. 230]. Ненависть и жестокость, господствовавшие в России в годы Гражданской войны, не могли одновременно исчезнуть с завершением крупных сражений. Они еще долго присутствовали в обществе, проявляясь в локальных схватках, где чекисты находились на передовой борьбы с противниками коммунистического режима.

На территории Омской губернии был целый ряд разномастных крестьянских выступлений, самым крупным из которых было Западно-Сибирское (Ишимское) крестьянское восстание. Их подавление сопровождалось боевыми действиями и расстрелами взятых в плен или арестованных впоследствии участников. При этом восставшие также отличались крайней жестокостью по отношению к сторонникам советской власти. Чекистка П.К. Федосеева в своих воспоминаниях привела особенно яркий эпизод, показывавший накал борьбы, продолжавшейся после разгрома регулярных колчаковских войск, между красными и «зелеными» (сибирским крестьянством). В воспоминаниях был рассказан такой случай: «В с. Локти были зверски убиты наши продотрядчики. Выехали чекисты совместно с сотрудниками ЧОН и обнаружили в

колодцах убитых продотрядчиков, человека четыре. При чем были у всех разрезаны животы, набиты пшеницей и сделана надпись: “Ешь, ненажорная собака”. Банда убийц была раскрыта и по решению трибунала была расстреляна. Хоронили наших убитых товарищей на городской площади, где был организован укомом большой митинг. Здесь же под конвоем находились и убийцы, которым было уже известно решение трибунала – расстрел. Похоронный марш потряс всех, много было слез и рыданий. С ненавистью и презрением некоторые плевали в лицо убийцам. Проявить гуманность к ним было невозможно. Сама обстановка делала наших чекистов суровыми и жестокими, хотя эта жестокость проявлялась исключительно к контрреволюционерам» [13, с. 79].

О подавлении Западно-Сибирского восстания В.И. Шишкин пишет: «Мятеж временно лишил руководство советской республики сибирского продовольствия и поставил коммунистический режим на край пропасти. Поэтому он был подавлен преимущественно вооруженным путем и самым кровавым образом» [11, с. 583–584]. После силового подавления Западно-Сибирского восстания и еще целого ряда крестьянских выступлений и начала НЭПа обстановка в сельской местности стабилизировалась, и красный террор пошел на спад. Летом 1921 г. красный террор, проводившийся органами ВЧК в Омской губернии, существенно снизился даже по сравнению с началом 1920 г. Если в 1920 г. менее чем за два месяца омские чекисты расстреляли 53 человека, то за июль – август 1921 г. в ОмгубЧК были расстреляны 26 человек, из них 14 – за контрреволюционную деятельность, двое – за преступления по должности, 10 – за уголовные преступления [6, с. 91].

Оценивая репрессивную политику Омской ГубЧК, следует подчеркнуть, что она проводилась в условиях продолжавшейся локальной Гражданской войны в регионе, где было огромное количество противников советской власти. На ее этапе 1920–1921 гг. особенным ожесточением отличались «зеленые», крестьянские, антисоветские выступления, и красный террор как ответная мера против них был также особенно жесток. По отношению же к ос-

тальным категориям своих противников, в частности к бывшим белым офицерам, чекисты по указанию власти применяли террор достаточно умеренно и старались привлечь своих побежденных противников на службу в Красную армию и к восстановлению экономики страны. Сказанное позволяет утверждать, что масштабы красного террора в отдельных регионах советской России зависели главным образом от двух обстоятельств: во-первых, от интенсивности антикоммунистических выступлений в регионе; во-вторых, от личных качеств и взглядов руководства местных чекистских органов, непосредственно проводивших красный террор по отношению к реальным и мнимым противникам советской власти.

Список литературы

1. Архив УФСБ по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 1596.
2. Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М.: Посев, 2006. 384 с.
3. Василевский В.П. Деятельность органов ГПУ–ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 27–30.
4. ВЧК. 1917–1922: энциклопедия / авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. 3-е изд., доп., испр. М.: Вече, 2017. 528 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 2.
6. Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М.: Вече, 2018. 480 с.
7. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. 288 с.
8. Петин Д.И. Генерал-майор А.М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 386–396.
9. Петин Д.И. «Пароход тронулся, заиграла музыка...»: сын военспца РККА М.Н. Артамонов о путешествии из Омска в Об-

дорск (1922 г.) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 34–43.

10. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.

11. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1. С. 582–584.

12. Шишкин В.И. Красный бандитизм // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 183–184.

13. Щит и меч Омского Прииртышья. Омск: Золотой тираж, 2018. 420 с.

14. Христофоров В.С. Создание, правовое положение и полномочия ВЧК–ОГПУ (1917–1922 гг.) // ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания: сб. ст. и док. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 15–40.

Шевырин Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, Мемориальный комплекс политических репрессий; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь.

Shevyrin Sergei Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Memorial Complex of Political Repressions; Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm.

ПЕРВЫЕ РЕПРЕССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В Г. ПЕРМИ

Рассматриваются история первых репрессий советской власти по политическим мотивам и вопросы становления специализированных репрессивных органов. Первые репрессии были направлены на представителей оппозиционных партий и духовенства. После возникновения ЧК репрессии становятся все более и более массовыми, и для проведения этих репрессий создаются воинские формирования.

Ключевые слова: репрессии, советская власть, ВЧК, церковь, Пермь, расстрелы, архиепископ.

FIRST POLITICALLY MOTIVATED PURGES IN PERM

The paper considers history of the first politically motivated purges of the Soviet power and issues of emergence of specialized repressive bodies. The first purges aimed at and were directed against representatives of opposition parties and the clergy. When the Extraordinary Commission appeared, purges were becoming more and more widespread and military units were established to perform these purges.

Key words: purges, Soviet power, All-Russian Extraordinary Commission, church, Perm, shootings, archbishop.

23 ноября 1917 г. состоялось объединенное заседание трех Советов, где было принято решение о слиянии Пермского Мотовилихинского и Балашихинского советов в один Совет, председателем которого был избран большевик Александр Лукич Борчанинов. Объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, где теперь большевики имели перевес сил над блоком соглашателей, объявил о переходе власти в руки Совета и приступил к слому старого буржуазно-помещичьего государственного аппарата и созда-

нию своих органов власти. До создания ЧК репрессиями по политическим мотивам руководили сами Советы и губисполком. Так, 25 января 1918 г. только что созданный губисполком издал циркуляр для уездных Советов: «...как можно бдительнее стоять на страже против контрреволюции, а в случае обнаружения таковых приступать к энергичным мерам, вплоть до ареста, о чем сообщать в Губернский исполнительный комитет» [10, с. 57].

23 января 1918 г. Совет народных комиссаров издал Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, содержание которого шло гораздо дальше названия: церковные и религиозные общества лишались прав юридических лиц, все их имущество объявлялось «народным достоянием». В ответ в г. Перми 25 января 1918 г. архиепископ Пермский и Соликамский Андроник издал воззвание: «Всем притчам и православным прихожанам и равно обиженным Пермской епархии» о действиях в ответ на предполагаемый захват церковного имущества», в котором говорилось: «Возможно ожидать нападения разбойников или разных захватчиков церковного или монастырского имущества, а равно и самих церквей и обителей. Надо теперь же подготовить население к такой опасности и клятвенно призывать всех как православных к защите церквей и монастырей от насильников и захватчиков, чтобы за попустительство вместе с ними не подвергнуться вечному осуждению от Бога. Предупредить население, что в случае нападения захватчиков будет дан набатный звон колоколов, на который православные должны спешить». Верующие встали на защиту от расхищения церковного имущества, созданного трудами и жертвованиями многих поколений православных. 8 февраля 1918 г. в подворье Белогорского монастыря в Перми явилась комиссия для описи запасов продовольствия. Монахи ударили в набат, собралась тысячная толпа, которая не только не допустила комиссию в помещения подворья, но и разоружила отряд из тридцати красноармейцев, посланный для ее усмирения. На подавление стихийного выступления властям пришлось бросить более крупные силы. В столкновении погибло более десяти человек. Архимандрит и

семь монахов, объявленные «главарями восстания», были схвачены и расстреляны [14, с. 70–74].

В октябре 1917 г. в Кунгуре был создан ВРК (военно-революционный комитет) для борьбы с контрреволюцией. Комитет распустил городскую думу. В феврале 1918 г. борьба за власть обострилась – городское население, недовольное политикой новой власти, создало нелегальную организацию. Из Перми пришел карательный отряд во главе с председателем Совета рабочих и крестьянских и солдатских депутатов А.Л. Борчаниновым. Расстреляли тех, кто выступал против советской власти. Например, в Кунгуре в ночь на 6 февраля 1918 г. видного местного земского и городского деятеля, председателя Кунгурского комитета кадетской партии А.Г. Агеева и его жену Т.В. Агееву арестовали, предъявили обвинение: «Участие в заговоре против Советской власти», и расстреляли. Убийство было тайным, тела утопили в проруби [9, с. 89].

15 марта 1918 г. пермским губернским Советом рабочих, крестьянских и армейских депутатов была создан пермский окружной Чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Первоначально комитет состоял из двух-трех человек. Председателем комитета был назначен Федор Николаевич Лукоянов, его помощником – Павел Иванович Малков. О полноте власти, данной этим людям, свидетельствует удостоверение Малкова, полученное в начале его работы: «Предъявитель сего удостоверения Павел Иванович Малков состоит членом Пермского окружного чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем и имеет право в любое время по собственной инициативе производить обыски, аресты лиц, реквизиции и конфискации товаров и имущества. Все организации обязаны оказывать ему содействие, предоставляя в его распоряжение нужные средства и технические силы. Все милиционеры и красноармейцы обязаны подчиняться всем распоряжениям товарища Малкова...» [18, с. 15]. Одними из первых дел комитета стал разгон городской думы, объявленной «контрреволюционным гнездом местных толстосумов-кулаков», аресты лидеров оппозиционных партий и «других контр-

революционеров» [16, с. 110–111]. С 22 марта по 1 мая 1918 г. по распоряжению пермского ЧК было арестовано 73 человека, в основном за «агитацию против советской власти» [3, л. 73].

Первое здание ЧК располагалось на углу улиц Петропавловской и Оханской (сейчас – Газеты «Звезда»). Сохранилось предписание от 20 мая 1918 г. Михаилу Романову о гласном надзоре: «Гражданину Романову М.А. (Королёвские номера). Предлагаем Вам ежедневно в 11 часов утра являться в Чрезвычайный комитет, по адресу: Петропавловская-Оханская, д. № 33 – Пермякова. Председатель комитета Ф. Лукоянов. Заведующий отделом борьбы с контрреволюцией А. Трофимов» [22, с.92]. Методы работы ЧК и подвальную тюрьму описал в 1919 г. пермяк А. Пономарев в белогвардейской газете «Свободная Пермь»: «Полночь. Стук в ворота. Топот каблуков. Смотрю в окно: винтовки, сабли, револьверы. Людей как будто не замечаешь, видишь только грозное вооружение. – Отворяйте! Скорее! Обычные обыск, перевертывающий все вверх дном в квартире под вопли жены и детей, а затем арест. Немая, не говорящая по-русски стража внедрила меня в подземелье чрезвычайки, что на углу Оханской и Петропавловской улиц. Попавших в подземелье в пьяном виде, мелких воришек, картежников и т.п. утром выпустили. Буржуев же «копили». Мы оставались в подземелье шесть суток, спали на голом цементном полу, не получая пищи. Стража, охранявшая нас, состояла из латышей, финнов, эстонцев, совершенно не говоривших по-русски» [20].

До апреля ЧК имело всего один отдел, специализирующийся на аресте контрреволюционеров. В апреле 1918 г. штат чрезвычайного комитета был увеличен, появились новые отделы. В связи с этим комитет был переименован в Пермскую губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В состав ЧК был введен представитель от Главного дорожного комитета Пермской железной дороги. Вскоре на железнодорожных вокзалах Пермь-I и Пермь-II появились отделения дорожно-транспортной ЧК. В их задачу входила борьба со спекуляцией и выявление подозрительных приезжих.

К началу лета 1918 г. отделы ЧК возглавляли: Г.И. Мясников (отдел борьбы с контрреволюцией), после ухода Г. Мясникова из ЧК этот отдел возглавил Г.Ф. Воробцов; П.П. Ивонин (дорожно-транспортный отдел); П.И. Малков (отдел борьбы со спекуляцией). Мясников активно участвовал в похищении Михаила Романова. Михаил Александрович Романов (1878–1918) был отправлен в ссылку в Пермь в марте 1918 г. С 17 по 25 марта Михаил и его спутники содержались под арестом в больнице Пермской губернской тюрьмы и слали телеграммы Бонч-Бруевичу и Луначарскому с жалобами на местные власти. 25 марта пришел ответ от Бонч-Бруевича. В телеграмме указывалось, что Михаил Романов и его секретарь Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной советской власти. После этого Михаилу и его спутникам выделили помещения для проживания в бывшем доме Благородного собрания, позднее он переехал в Королёвские номера. За несколько дней до смерти он просил власти об еще одном переезде, на Екатерининскую улицу, в дом Тупициных, но ему отказали. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. он был тайно вывезен из гостиницы пермскими большевиками и расстрелян без предъявления обвинения и суда. Место его казни точно не установлено.

Через несколько дней – в ночь с 15 на 16 июня 1918 г. – пермские чекисты арестовали архиепископа Пермского и Соликамского. По словам участников ареста, «Андроник держал себя великолепно, вполне мужественно говоря открыто, что он противник советской власти и будет бороться с ней до самого последнего дня» [17, с. 163]. Из воспоминаний начальника пермского гарнизона Степана Окулова, записанных в 1930 г., можно узнать, как развивались события. Военный комиссариат находился напротив Кафедрального собора и дома архиерея – в реквизированном здании Пермской духовной семинарии. «Епископ Андроник открыто выступил с призывом свергнуть советскую власть и этих нечестивцев, хулиганов, гонителей веры христовой. Помню, ко мне пришла женщина – агент ЧК, взволнованная, и говорит: “Что вы смотрите, т. Окулов, рядом с вами происходят такие факты, а вы сидите в своем кабинете и ничего

не делаете”. На совете было постановлено арестовать епископа, чтобы прекратить его пропаганду. Арест был возложен на председателя губернского ЧК Павла Ивановича Малкова. Я предвидел, что может вспыхнуть восстание темных масс... Я вызвал из Мотовилихи дружину рабочих в количестве 400 человек, дал приказ образцовой роте из 150 человек у военкомата собраться к 10 часам. Когда все собрались, мы заметили, что на колокольне кафедрального собора поставлен часовой. И вот часов в 12 ночи, когда приехал из ЧК Малков и еще товарищи, когда они подошли к церкви, то там оказалось полно старушек и старичков, но двери не отворяли, и пришлось взламывать двери. Когда стали ломать двери, ударили в набат. В 12 часов ночи получилась жуткая картина для нас. Люди разбежались по площади, началась беспорядочная стрельба без всякого приказа по собору и по колокольне... Епископа увезли в Мотовилиху, что они там делали, я не знаю» [4].

Еще до постановления Совнаркома «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. пермские чекисты начали арестовывать политических и общественных деятелей Перми в качестве заложников. Так, в июле было арестовано 80 человек, в августе – 140 [15, с. 215]. Железнодорожным отделением был арестован горный инженер Николай Николаевич Приемских, направленный на Урал в поисках полезных ископаемых. На вокзале Пермь-II он возмущался советскими порядками и был расстрелян в начале августа 1918 г. «за монархические убеждения» [2]. 15 августа тем же отделением был арестован эстонский пастор Август Карлович Ниголь, приехавший в Пермь «для совершения богослужения, организации и устройства культурно-просветительных учреждений» среди эстонских колонистов. В своем письме в следственную комиссию при Пермской ЧК он писал: «По убеждению я умеренный и не большевик, я считаю для себя первым долгом быть христианином, то есть относиться совершенно одинаково ко всем, без различия их национальности и религии... Я недоволен нападками большевиков на церковь и неустойчивостью некоторых обещаний защищать идеи социализма... Так как я прибыл к эстонским колонистам, то думал пока отдаться только этой работе и

заботиться не только как пастор, а главным образом о культурно-просветительских учреждениях, а именно, чтобы колонии получили бы школы, народные дома, хоры певческие, оркестры музыки, библиотеки, читальные залы и т.д. Убежден и уверен, что такая работа будет признана и большевиками правильной».

17 августа 1918 г. пермская Губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и преступлениями по должности постановила: «Пастора Ниголь объявить вне закона и как врага Советской республики и трудового народа расстрелять. Приговор привести в исполнение 17 августа сего года» [1].

Хотя эти расстрелы были произведены до постановления Совнаркома «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., имена жертв имеются в списках расстрелянных заложников. В сентябре были опубликованы списки расстрелянных заложников. Первый список появился в газете «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов» 11 сентября 1918 г. и включал 42 фамилии. Расстрелянными были бывшие офицеры, полицейские, служащие тюрем. Среди имен расстрелянных заложников можно встретить такие имена, как Гендрикова и Шнейдер. А.В. Гендрикова была фрейлиной двора императрицы Александры Федоровны, а Е.А. Шнейдер – гофлектрисой двора императрицы. 4 сентября (по новому стилю) 1918 г. они были расстреляны вместе с другими заложниками [8, с. 167–169].

В то время расстрелы выполняли пропагандистскую и устрашающую роль, поэтому списки расстрелянных по политическим мотивам публиковались в официальной газете власти «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов». 9 октября был опубликован еще один список из 37 расстрелянных заложников. Это были бывшие жандармы и полицейские, священники, крестьяне, представители оппозиционных партий.

Странной выглядит причина включения в списки заложников и расстрела Серафимы Семеновны Лебедевой – как «соучастница в побеге Михаила Романова». Вероятно, это объясняется тем, что

расстрел Романова был произведен местными чекистами без санкции вышестоящих органов и даже без особого согласования с председателем ЧК Лукояновым. На следующий день после убийства Михаила Романова Пермской ЧК было возбуждено следствие по факту исчезновения Романова. Следователь по борьбе с контрреволюцией П. Меньшиков начал допросы и аресты тех, кто был близок с Романовым в его пермский период жизни [22, с. 105–110]. Знал ли он, что один из организаторов убийства – Г. Мясников – сидит в соседнем кабинете – пока остается загадкой.

Осенью 1918 г. в связи с объявлением красного террора и активным подавлением недовольства политикой советской власти сфера деятельности и объемы этой деятельности у ЧК значительно расширились. Новые отделы и сотрудники уже не вмещались в маленькое здание из четырех кабинетов и тюремного подвала на Петропавловской, 33. В октябре 1918 г. Пермской ЧК выделили более просторное здание, о чем было сообщено в газете: «Пермская ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности ставит в известность все правительственные, общественные учреждения и заведения и всех граждан города Перми и Пермской губернии, что названная комиссия из дому № 33 – Пермякова, находящаяся на Петропавловской улице, угол Оханской, переведена в дом бывшего Земельного банка – Петропавловская улица, угол Обвинской» [11] (современная – ул. 25 Октября, угол Петропавловской, 24, и ул. 25 Октября, 14).

Значительное ухудшение уровня жизни, нехватка продовольствия, грабительские действия продотрядов в деревне вызывали вспышки недовольства, иногда переходящие в восстания. Для подавления восстаний и недовольства летом 1918 г. были созданы войсковые части ВЧК. Летом 1918 г. была создана рота ВЧК, а 23 сентября 1918 г. рота была реорганизована в батальон при Пермской губЧК [12, с. 141]. Так, крупное крестьянское восстание в Оханском уезде Пермской губернии в июне – июле 1918 г. подавлялось воинскими отрядами, организованными ЧК. На подавление Сепычевского восстания 18–22 августа 1918 г. прибыл начальник отдела по борьбе с

контрреволюцией Георгий Федорович Воробцов с отрядом в 120 человек с двумя пулеметами [21, с. 96–98]. Из воспоминаний Г.Я. Кормелькова – ветерана служб госбезопасности – можно узнать, что в июне – июле 1918 г. солдаты пермского батальона ЧК участвовали в реквизициях имущества и домов пермских купцов [18, с. 16–17]. Командиром батальона был назначен бывший начальник пермской городской милиции, комиссар по охране Перми М.Ф. Барандохин.

Батальон пермской ЧК участвовал в боях против армии Колчака на подступах к Перми, где понес большие потери. При штурме белыми войсками города предполагалось силами батальона ЧК и пермского гарнизона сдержать противника и дать Красной армии организованно отступить. Командир пермского гарнизона Степан Окулов в телефонном разговоре с председателем Уралсовета Белобородовым обещал продержаться город пять часов при любом количестве противника. Окулов ограничился тем, что послал в Мотовилиху – навстречу врагу – ударный батальон «Красных орлов» (подразделение 3-й Армии), а сам двинулся в противоположную сторону под охраной тысячного гарнизонного отряда. Так же поступили две роты батальона ЧК. Белобородов расценил это так: «Ушли “прикрывать обоз”, ... попросту сбежали» [13, л. 71–72]. Другие роты чекистского батальона принимали участие в сдерживании белых войск. Вот как описывает бой за Пермь ветеран силовых ведомств Н. Козьма: «... в этой, казалось, безвыходной ситуации Малков до конца оставался на своем посту. При наступлении колчаковских войск на Пермь он вместе с другими товарищами и батальоном ГубЧК организовал заслон, чтобы дать возможность эвакуировать учреждения и гражданское население» [18, с. 23].

Известно, что быстрое наступление белых и переход на их сторону нескольких красных воинских частей, в том числе – артиллерийской, вызвали панику у большинства представителей советской власти. Быстрое отступление Красной армии и гарнизона Перми привели к тому, что белым достались несколько составов с боеприпасами, девять бронепоездов, вагоны с ранеными красно-

армейцами и даже – знамена. Дзержинский и другие члены комиссии, созданной Советом обороны, назвали этот эпизод Гражданской войны «Пермской катастрофой».

Летом 1919 г. в Перми была восстановлена советская власть, и ЧК во главе с П.И. Малковым возобновила свою деятельность в том же здании бывшего Крестьянского поземельного банка. Из «Обзора деятельности ЧК за первую половину 1919 г.» можно узнать, что 8 июля был организован секретно-оперативный отдел под руководством т. Патрушева, приехавшего из Вятской ГЧК. Из этого же документа можно узнать, что до 23 июля этот отдел подчинялся не только председателю ЧК Малкову, но и особому отделу 3-й Армии. 22 июля в Пермь прибыли еще 23 вятских чекиста, а особый отдел 3-й Армии сдал дела и заключенных Пермской ЧК и уехал в Екатеринбург. Штат ЧК был значительно расширен за счет создания в каждом районе отделения с уполномоченным, помощниками, информаторами и осведомителями. Кроме того было создано семь контрольно-пропускных пунктов при станциях и пристанях реки Камы и Особый экспедиционный отряд для зачистки территории «от дезертиров и бандитов». В итоге в декабре штат Пермской ЧК составил 508 человек. Особый экспедиционный отряд передвигался по территории губернии, арестовывал дезертиров, людей без документов, контрреволюционеров и отправлял их в распоряжение следственных отрядов. Следственных отрядов было семь, по шесть сотрудников в каждом. За четыре месяца было арестовано более 1000 человек, рассмотрено около 3000 дел, расстреляно 135 человек, в концлагерь заключен 631 человек.

В это же время для борьбы с «классовыми врагами» создавались концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ. Организатором лагерей была ВЧК, затем они передавались в ведение НКВД. В лагеря заключенные обычно направлялись во внесудебном порядке. В Пермской губернии первый лагерь был создан в сентябре 1919 г. в Перми, затем в Кунгуре и Оханске. Специализацией концлагеря ЧК были контрреволюционеры, «подлежащие по постановлению ВЧК к заключению в особые лагеря на все время

гражданской войны». Лагеря принудработ предназначались для более широкого круга заключенных – от политических до уголовников, дезертиров и самогонщиков [19, с. 36–40]. Известно, что в Перми существовал лагерь принудработ, часто в документах именованный концлагерем, располагавшийся на территории бывшего Батальонного двора.

В июле 1920 г. количество заключенных в лагере принудительного труда составило 348 человек. На 6 августа 1921 г. в концлагере было 228 заключенных, которые работали в разных учреждениях города и в сапожной, столярной и лапотной мастерских. Кормили заключенных только хлебом и капустой [6, л. 88]. На 22 февраля 1920 г. в лагере числилось 293 человека, из них за ГубЧК – 238, за Ревтрибуналом – 35, остальные – за милицией, судом. Из них 167 человек осуждены от пяти суток до года, 48 – до конца Гражданской войны [5, л. 22–32].

Уже с осени 1919 г. пермским карательным отделом велись переговоры с правлением Кизеловских копей об открытии Кизеловского ИРД для использования труда заключенных в угольных шахтах, т.е. возобновления еще царского каторжного отряда [7, л. 182]. В итоге в октябре 1920 г. был организован при пермском ИРД № 2 рабочий отряд и отправлен в г. Кизел. В этот отряд были зачислены заключенные по контрреволюционным обвинениям – бывшие священники и монахи, офицеры и солдаты белой армии, крестьяне за вооруженные восстания против советской власти. В феврале 1921 г. отряд насчитывал 92 человека, а в августе этого же года – 283 человека.

Таким образом, репрессии по политическим мотивам начались с самого установления советской власти в Перми и проводились сначала органами советской власти, чуть позже были созданы специальные карательные органы – ЧК, военизированные части, приданные ЧК. Причем по мере увеличения количества репрессий увеличивалось количество сотрудников ЧК и воинских формирований.

Список литературы

1. Архивно-следственное дело А.К. Ниголь // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф.643/2. Оп.1. Д.11919.
2. Архивно-следственное дело Н.Н. Приемских // ПермГАСПИ. Ф.643/2. Оп.1. Д.19117.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.Р-301. Оп.1. Д.11.
4. ГАПК. Ф.Р-1580. Оп.1. Д.16. Л.1–2.
5. ГАПК. Ф.Р-301. Оп.1. Д.104. Л.22–32.
6. ГАПК. Ф.Р-301. Оп.1. Д.74. Л.88.
7. ГАПК. Ф.Р-320. Оп.2. Д.2. Л.182.
8. Гладышев В. «Молиться кротко за врагов...» // Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 2011. Т. 3, ч. 6. 412 с.
9. Елтышева Л.Ю. Кунгур 1918–1919 гг. Красная и белая страницы истории // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2016. 364 с.
10. Из Циркуляра административного отдела Пермского губисполкома уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о немедленной организации Советской власти на местах. 25 янв.1918 г. // Упрочение советской власти в Пермской губернии. Пермь, 1966.
11. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов. 1918 г. 1 октября.
12. Кобелева Е.А. Военные функции органов государственной безопасности Урала в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России. Пермь, 2008. 344 с.
13. Копия расшифровки телефонных переговоров (оригинал хранится в ЦГОАР. Ф. 393. Оп.5. Д.125. Л.53) // ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2. Д.О-4а. Л.71–72.

14. Костогрызов П.И. Участие православной церкви в антибольшевистском сопротивлении в 1917–1918 гг. на Урале // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2008. № 59. Вып. 16.

15. Обухов Л.А. Прикамье в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России. Пермь, 2008. 344 с.

16. Отчет Пермской губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем президиуму исполнительного комитета Пермского губернского Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов о своей деятельности с марта по октябрь 1918 г. // Упрочение советской власти в Пермской губернии. Пермь, 1966. С. 110–111.

17. Пермь от основания до наших дней. Пермь, 2000. 393 с.

18. Подвиг пермских чекистов. Пермь, 1982. 64 с.

19. Рубинов М.В. Становление советской пенитенциарной системы 1918–1921 гг. (по материалам Пермской губернии) // Политические репрессии в истории России: тез. науч.-практ. конф. 13 ноября 1999 г. Пермь, 2000.

20. Свободная Пермь. 1919. № 26. 13 февраля.

21. Ситников М.Г. Восстание в Сепычевской волости (новые документы) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал. 2014. № 7 (24).

22. Скорбный путь Михаила Романова: от престола до голофы. Пермь, 1996. 283 с.

Владимирова Анастасия Евгеньевна – студентка I курса магистратуры Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Vladimirova Anastasiya Evgenievna – 1st year student of the master course Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЛИШЕНЦА- КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАСО)

Предпринимается попытка исследования лишенцев-контрреволюционеров. Основным источником являются личные дела ходатайствующих о восстановлении избирательных прав в 1920–1930-е гг. Изучены состав и особенности личных дел, что позволило выявить причины ограничения в политических правах конкретных категорий советских граждан, социальное положение лишенцев, а также их место в новом советском обществе.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что ограничение избирательных прав, изначально рассматриваемое как вынужденная и временная мера защиты социалистической революции, на деле становилось инструментом для сведения личных счетов и разделения общества на полноправных членов советского государства и «бывших» граждан.

Ключевые слова: лишенцы; репрессии, история Урала, контрреволюционеры, избирательные права.

SOCIAL PORTRAIT OF DISENFRANCHISED- COUNTERREVOLUTIONARY (BASED ON MATERIALS FROM THE STATE ARCHIVE OF SVERDLOV REGION)

In this paper an attempt is made to research disenfranchised-counterrevolutionary people. The main source is personal files of those who applied for restoration of electoral rights in 1920–1930ss. Study of composition and peculiarities of personal files allowed to reveal reasons for restricting political rights of the specific categories of Soviet citizens, social situation of the disenfranchised as well as their place in the new Soviet society.

The conducted research brought to conclusion that restriction of electoral rights, that was initially considered as forced and temporary measure for protection of socialist revolution, in fact became a tool for settling personal scores and cleavage of the society into full-fledged members of the Soviet state and «former» citizens.

Key words: disenfranchised, purges, history of Ural, counterrevolutionaries, electoral rights.

«Диктатура пролетариата», провозглашенная в России после Октябрьской революции, взяла курс на построение социализма, при котором на смену классовому угнетению придет всеобщее равенство и справедливость. Для достижения своих целей большевикам необходимо было избавиться от явных и потенциальных врагов. Методы борьбы с «противниками революции» были разными: от денежного штрафа до высшей меры наказания – расстрела.

Лиц, не совершивших серьезных проступков перед советской властью, но считающихся неблагонадежными в силу своего прошлого или собственных политических убеждений зачастую лишали избирательных прав, дабы они не смогли воспользоваться ими «в ущерб интересам социалистической революции» [12]. Так, в Конституции 1918 г. была закреплена категория лишенцев, к которой относились лица, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, монахи и духовные служители церквей, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также душевнобольные и заключенные [7].

Лишение избирательных прав, как считают исследователи [10], на практике было скорее методом социального конструирования, нежели стремлением не допустить к выборам враждебные элементы. Об этом свидетельствует и тот факт, что помимо лишения избирательных прав, данная категория людей вместе со своими семьями теряла место работы и становилась объектом для экономической эксплуатации государства путем обложения сельскохозяйственным налогом, а также привлечением к принудительным лесозаготовкам. Все это приводило, как утверждает С.А. Красильников, к маргинализации и нисходящей социальной мобильности [9, с. 3]. Выйти из данной категории и восстановиться в избирательных правах можно было лишь доказав свою лояльность новой власти, занимаясь общественно полезным трудом. Поэтому с начала 1920-х гг. в избирательные комиссии начинают поступать ходатайства о восстановлении в избирательных правах, из которых

позже комплектовались личные дела, где наряду с официальными документами, подтверждающими, например, трудовой стаж, прилагались и документы личного происхождения – заявления, жалобы, письма, в которых ходатайствующие могли в более неформальной форме обратиться к властям.

Кампания по лишению избирательных прав была прекращена с выходом новой Конституции 1936 г., провозглашавшей всеобщее избирательное право. Тогда же все личные дела и материалы работы избирательных комиссий поступили на хранение в Государственный архив Свердловской области, где находятся и по сей день. Они размещены в фонде Исполнительного комитета Свердловского областного совета народных депутатов трудящихся. Документы личных дел ходатайствующих лишенцев помещены в описи № 6, 7, 8 и 9, в составе которых находится 15 001 единица хранения: 3956 личных дел крестьян и членов их семей, 6873 – торговцев и их семей, 1051 – служителей религиозного культа и их семей, 1362 – чиновников, 1631 – контрреволюционеров и членов их семей.

Исследование процесса лишения избирательных прав начинается в 1990-е гг. – именно на этот период приходится основная масса научных публикаций по данной теме, затрагивающая как общие, так и частные вопросы. Тогда же впервые в научных исследованиях начинают использоваться архивные документы – личные дела ходатайствующих о восстановлении в избирательных правах, резолюции и постановления избирательных комиссий и т.д. На их основе появляются исследования, посвященные отдельным категориям лишенцев. Например, в 1994 и 1997 г. выходят сборники тезисов научной конференции «История репрессий на Урале», где рассматривается законодательное обеспечение репрессивной политики СССР, практика лишения избирательных прав. Более детально отдельные категории лишенцев были рассмотрены коллективом уральских исследователей (И.И. Алексеенко, Е.В. Байда, Л.А. Коноплева, Л.Н. Мазур, Ю.А. Русина, Т.И. Славко, Л.А. Фофанова, Л.В. Хохлова) в сборнике «Социальный портрет лишенца (на материалах Урала)», изданном в 1996 г., где проанализированы и опубликованы документы из личных

дел ходатайствующих о восстановлении в избирательных правах (торговцев, священнослужителей, кулаков и т.д.) [14].

В 2000-е гг. появляются исследования, направленные на изучение не только социально-демографических характеристик данной категории, но и на более глубокое изучение их положения в иерархии советского общества и возможности социальной адаптации. В этом направлении большинство исследований принадлежит сибирским ученым – Д.В. Валуеву, С.А. Красильникову, Д.Н. Москаленской [1; 9; 10].

Данная работа вписывается в общую проблематику ранее сделанных исследований социального облика лишенцев – предпринята попытка изучения социального состава лишенцев-контрреволюционеров на материалах их ходатайств о восстановлении в избирательных правах. Из 1631 личного дела лишенцев изучаемой категории, находящихся на хранении в фондах ГАСО, для анализа путем научно обоснованной выборки было отобрано 163 дела. В этот массив попали не только сами лишенцы, но и члены их семей.

Личные дела ходатайствующих о восстановлении в избирательных правах представляют собой сложный комплекс документов: анкеты, автобиографии, характеристики, жалобы, квитанции об уплате сельхозналога, выписки из протоколов заседаний Уральского областной исполнительный комитет (далее – Уралоблик), поэтому являются источником с высоким информационным потенциалом.

При проведении исследования в связи с неоднозначным определением данной категории одним из главных был вопрос: кто причислялся к категории контрреволюционеров-лишенцев и всегда ли обвинение в контрреволюции было реально обосновано? Ответить на него можно, рассмотрев, с одной стороны, законодательные источники и то, как в них определялось контрреволюционное действие, с другой – как оно, законодательство, применялось на практике.

Впервые о том, что представляет собой контрреволюционное преступление, было указано в Уголовном кодексе 1922 г.:

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [15]. Вышедший в 1926 г. новый Уголовный кодекс в уже «нарисованный» портрет контрреволюционера значительных изменений не вносил: было лишь уточнено, что высшая мера наказания является мерой социальной защиты населения от «врагов народа». Таким образом, в законодательстве говорилось о действиях без конкретизации социальной принадлежности нарушителей, что позволяло причислить к категории контрреволюционеров людей любого социального статуса.

При изучении документов выборки было выяснено, что зачастую формулировка «участие в контрреволюции» была лишь ширмой для настоящей причины наказания. Особенно ярко это проявилось после окончательной ликвидации НЭПа и начала коллективизации. В новых условиях в качестве причины лишения избирательных прав все чаще в документах личных дел появлялись формулировки «за злостную неспаску хлеба», «за невыход на лесозаготовки», «за укрывательство хлеба» и др.

Анализ документов выборки позволил выявить, что основными поводами к лишению прав за контрреволюционную деятельность являлись служба в белой армии, прохождение обучения в школе прапорщиков, участие в следственной комиссии Колчака, принятие участия в организации контрреволюционных банд. Причем, если участие в белой армии могло действительно служить серьезным доказательством нелояльности, то обучение в школе прапорщиков не являлось весомым фактом для доказательства ви-

ны, потому что зачастую обучение в ней проводилось еще в годы Первой мировой войны.

Узнать о неподобающем прошлом помогали соседи и «однодеревцы», которые таким образом сводили личные счеты. Одним из примеров этого может служить выдержка из личной жалобы в областной избирком: «Добиваясь источника лишения меня избирательных прав, я заподозрил и определил, что лишен благодаря сведению со мной личных счетов. Со стороны моего однодеревенца <...>, на которого я, как лесохранник, за то что он пропивал гражданский лес, заявил <...> и его за это сняли с работы. Он очевидно сказал кто на него пожаловался. Стремление отомстить мне было предполагать поддержано его родственником шурином (впоследствии председатель с/совета, у которого была запрошена на меня характеристика) и я оказался лишенец» [5, с. 5].

Также лишались прав голоса за контрреволюцию бывшие кулаки, бывшие работники колхозов, чья деятельность была признана «вредительской». Так, житель деревни Усть-Иньва был лишен избирательных прав, как сам он указывает в личном деле, за то, что: «1. будучи бригадиром в 1931 г. заморозил в колхозе картошку и вывалил семенную в овраг. 2. Якобы я служил в рядах белой армии и за активное участие попал в школу прапоров в г. Перми» [6, с. 3]. Вопрос о лишении его избирательных прав после произошедшего инцидента рассматривал местный сельсовет. Информации о том, последовало ли еще какое-либо наказание для бывшего бригадира, нет.

Говоря о социально-демографических характеристиках лишенцев, можно отметить, что по возрастному составу среди ходатайствующих преобладали люди 1880–1890-х гг. рождения. Средний возраст лишенцев – около 44 лет, что говорит о том, что за плечами этих людей долгий жизненный путь. Почти четверть (24 %) лишенцев-контрреволюционеров были неграмотными и 20 % – малограмотными. Чаще всего к этой группе относились крестьяне. Люди, имеющие высшее образование, составляющие 15 %, чаще всего

служили счетоводами, помощниками юристов. Высшее образование получали в МГУ, Пермском педагогическом университете, Петербургской академии художеств, Симбирском технологическом институте. Начальное образование было получено 16 % ходатайствующих, а 25 % помимо этого окончили еще и народное или реальное училище, гимназию или духовную семинарию.

Угнетенное положение лишенцев в новом обществе, их социальный статус «неблагонадежных» во многом был для них стимулом восстановить права, особенно если учитывать тот факт, что вместе с ними подвергались репрессивным мерам и семьи. Узнать о психологическом состоянии таких людей можно благодаря личным документам – жалобам, письмам, заявлениям, которые отправлялись не только в областные и всероссийские ЦИКи, но и лично товарищу Калинину, что также может быть свидетельством разочарованности в помощи местных советов. Например, свой новый статус в обществе описывает бывший доброволец белой армии, который до 1930 г. работал председателем сельсовета: «В своем с/совете мне казалось, что все смотрели на меня как на отщепенца, стал форменно больным мнением, что я лишенный человек» [5, с. 7].

Политика, проводимая государством в отношении лишенцев, была направлена и на ограничение социальных возможностей. Причем это распространялось и на детей лишенцев. Так, дочь лишенного избирательных прав за контрреволюционную деятельность, находившаяся два года в составе ВЛКСМ, была лишена своего партийного билета «как дочь лишенца» [2, с. 8].

О том, что лишение прав голоса в корне изменяло социально-экономический статус в обществе, приравнивало человека к «людям второго сорта», свидетельствует и тот факт, что в постановлении Президиума ЦИКа «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» от 22 марта 1930 г. делается акцент на необходимость принятия мер к «безусловному устранению имевших место отдельных случаев дополнительных ограничений в

отношении лиц, лишенных избирательных прав, и членов их семей, как то: выселение из квартир и городов, огульное лишение заборных книжек, лишение медицинской помощи, лишение права застройки, исключение детей из школ, лишение избирательных прав членов семей лиц, лишенных избирательных прав, не находящихся на их иждивении» [13]. Наличие такого документа говорит, с одной стороны, о масштабах подобных нарушений, а с другой – о заигрывании власти со своими гражданами. Но и после принятия этого постановления на практике не всегда осуществлялось его выполнение. Приведем пример – выдержку из личного дела одного из лишенцев в 1933 г.: «Затем в Октябре 1931 г. как у лишенца у меня отобрали корову и сено и также на мои просьбы о возвращении не обращали никакого внимания, таким образом в течение двух лет мне пришлось перенести при семье из 11 человек голод, мучения и разные оскорбления» [3, с. 7].

Таким образом, конструируя социальный портрет лишенца-контрреволюционера, необходимо подчеркнуть, что зачастую к данной категории причислялись те, кто на самом деле контрреволюционерами не был – используя неоднозначность законодательных формулировок, на практике возможность «вспомнить» о неудобном прошлом человека служила скорее методом сведения личных счетов, чем стремлением ограничить от участия в выборах враждебные элементы. Это доказывается как личными обращениями лишенцев в избирательные комиссии, так и тем, что в «социалистическом государстве рабочих и крестьян» около 70 % ходоатайствующих-контрреволюционеров были крестьянами, имеющими средняцкие и бедняцкие хозяйства.

Создание нового сословия «бывших» людей, которое противопоставлялось главенствующему классу – пролетариату, было необходимо государству для доказательства, во-первых, подтверждения тезиса об «обострении классовой борьбы в период построения социализма», а во-вторых, для создания базы для экономической эксплуатации и, как утверждают исследователи [16], для дальнейших политических репрессий.

Список литературы

1. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.
2. ГАСО. Оп. 7. Д. 1652.
3. ГАСО. Р-88. Оп. 6. Д. 112.
4. ГАСО. Р-88. Оп. 8. Д. 181.
5. ГАСО. Ф. Р-88 Оп. 8. Д. 676.
6. История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. науч. конф.: 25–26 октября 1994 г. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. 140 с.
7. Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. Раздел 4. Глава 13. Ст. 65 [Электронный ресурс] // Гарант-сервис. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/13/#block_4500 (дата обращения: 05.04.2017).
8. Конституция СССР 1936 г. [Электронный ресурс]: сайт конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/11/#block_1011 (дата обращения 12.04.2017).
9. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917-й – конец 1930-х гг.). Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета. 1998. 178 с.
10. Москаленская Д.Н. «...Отрекаюсь от всего старого» : мотивы и возможности отстаивания священно- и церковнослужителями Западной Сибири своих гражданских прав (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Сибирь. Деревня. Город: сб. науч. ст. Новосибирск, 2011. С. 34–44.
11. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» от 19.12.1917 [Электронный ресурс] // ИСТорические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/28274> (дата обращения: 10.10.2018).

12. Постановление ВЦИК от 2 декабря 1918 г. о порядке перевыборов волостных и сельских советов // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917 – 1918. № 86.

13. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» [Электронный ресурс] // ИСТОрические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/49581> (дата обращения: 10.10.2018).

14. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): сб. документов / отв. ред. Т.И. Славко. Екатеринбург: УрГУ, 1996. 256 с.

15. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#0> (дата обращения: 01.10.2018).

16. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Конивец Анна Валентиновна – старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Konyvets Anna Valentinovna – Senior Scientific Officer of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg.

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО «ДВОРЦЕ ТИРАНОВ И ДЕСПОТОВ»

На основе архивных документов и материалов прессы говорится о создании в Зимнем дворце, бывшей императорской резиденции, Музея Революции, о формировании его фондов, об экспозициях и о его взаимоотношениях с Государственным Эрмитажем.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, Государственный Эрмитаж, Зимний дворец, императорская резиденция, Дворец искусств, Музей Революции.

MUSEUM OF REVOLUTION IN THE «PALACE OF TYRANTS AND DESPOTS»

Based on archive documents and published materials, the article describes creation of the Museum of Revolution in the Winter Palace, the former emperor's residency, foundation of holdings of the museum, its exhibits and about its relations with the State Hermitage Museum.

Key words: Saint Petersburg; Petrograd; Leningrad; the State Hermitage; Winter Palace; emperor's residency; Palace of Arts; Museum of Revolution.

После Октябрьской революции главная императорская резиденция – Зимний дворец, в котором 25 октября 1917 г. было арестовано Временное правительство, был объявлен музеем и получил название Дворца искусств.

На протяжении почти двух лет функции дворца вполне соответствовали его новому названию. В парадных залах, где раньше проходили придворные балы, а с октября 1915 г. и вплоть до Октябрьской революции находился госпиталь для нижних чинов, теперь работал пользовавшийся большой популярностью кинемато-

граф, давались концерты классической музыки и устраивались спектакли. В первые годы советской власти дворец использовался и для других целей. Так, некоторое время в комнатах третьего этажа размещалась Детская трудовая колония Дворца искусств и Детский эвакуационный пункт для детей беженцев.

В это время Эрмитаж тщетно пытался получить в свое распоряжение хотя бы часть помещений Зимнего дворца, столь необходимых музею для устройства выставок и для размещения предметов, в огромном количестве поступающих из национализированных частных собраний. Также требовалось место для размещения ценных коллекций, которые музей принимал на хранение (Совет Эрмитажа решился на этот шаг в целях спасения художественных ценностей от разграбления, а иногда и от полного их уничтожения).

В канун первой годовщины Октябрьской революции в Петроград съехались делегаты Первого съезда крестьянской бедноты Северной области. В город прибыло пять тысяч человек. 250 представителей крестьянства разместили в Зимнем дворце – в бывших фрейлинских комнатах, а руководство съезда – в роскошных гостиных второго этажа, где до революции останавливались монаршие особы, прибывавшие с визитами к Высочайшему двору. Делегаты, впервые приехав в столичный город и оказавшись в бывшей императорской резиденции или, как писали тогда в газетах, «во дворце тиранов и деспотов», преисполнились такой классовой ненависти, что выразили ее довольно своеобразно: они «употребляли» ценнейшие северские, саксонские и восточные вазы в качестве ночных горшков. М. Горький, описавший сей факт в «Несвоевременных мыслях», считал, что это было сделано из желания опорочить прекрасное. Если бы такие слова исходили не из уст великого пролетарского писателя и «буревестника революции», то в их достоверности можно было бы усомниться.

Столь откровенному выражению своих чувств ненависти к проклятому прошлому способствовала, наверное, и общая атмосфера, созданная художником Натаном Альтманом к первой годовщине Октябрьской революции. Его проект оформления главной площади города в виде футуристических композиций говорил о грандиозных

исторических переменах. И Зимний дворец, и Главный штаб, и Штаб гвардейского корпуса, т.е. весь ансамбль Дворцовой площади с Александровской колонной в центре, предстали перед делегатами в необычном виде. На зданиях, задрапированных кумачовыми полотнищами, красовались лозунги: «Земля – трудящимся», «Заводы – трудящимся», «Стройте Красную армию», «Власть – трудящимся», «Свобода – трудящимся», «Знания – трудящимся», «Кто был ничем, тот станет всем». Александровская колонна – знаменитый Александровский столп, памятник, установленный в честь победы русского народа над Наполеоном, был превращен Альтманом в полыхающий революционным пламенем костер, который должен был символизировать победу пролетарской революции над старым миром. По углам колонны были установлены четыре куба красного цвета, внутри которых горели прожекторы, подсвечивая всю огромную конструкцию и делая фигуру ангела, венчающую колонну, почти невидимой в темном ноябрьском небе. Здесь нужно заметить, что Дворцовая площадь уже носила имя М.С. Урицкого, председателя Петроградской ЧК, застреленного 30 августа 1918 г. в вестибюле восточного крыла Главного штаба (в котором сейчас расположены экспозиции Эрмитажа), а Невский проспект к первой годовщине революции был переименован в Проспект 25-го Октября. Лишь Зимний, хоть и переименованный во Дворец искусств, своими роскошными залами все еще напоминал о «проклятом прошлом». Совет Эрмитажа периодически возвращался к вопросу о возможности передачи ему дворцовых залов, но пока безуспешно. Комиссар по делам музеев Г.С. Ятманов даже ратовал за то, чтобы устроить в бывшей царской резиденции общежитие для военнопленных. К счастью, до этого не дошло.

Не успели закончиться праздничные торжества, как 24 ноября 1918 г. в Зимнем дворце состоялось еще одно событие, в чем-то, может быть, предопределившее судьбу бывшей императорской резиденции. В этот день огромное количество народа пришло на митинг под названием «Храм или завод» послушать ораторов, рассуждавших о том, какие музеи и какое искусство нужно народу. Это был митинг «для широких трудовых народных масс», на кото-

ром выступил только что назначенный комиссаром Эрмитажа Н.Н. Пунин. Он говорил, что в Зимнем дворце сосредоточились остатки прежней культуры, тогда как время требует нового, пролетарского искусства, которое должно вскоре появиться, а потом поведет собравшимся в зале солдатам и рабочим краткую историю Великой французской революции [5, с. 86].

Владимир Маяковский прочитал свое новое стихотворение «Радоваться рано»:

«Старье охраняем искусства именем

или

зуб революции ступился о короны.

Скорее!

Дым развейте над Зимним –

фабрики макаронной».

Выступил на митинге и Осип Брик, представитель так называемой «формальной школы», закончил свою речь призывом «вселить в буржуазные квартиры не только новых людей, но и новый дух» [6, с. 2]. Может быть, призыв О.М. Брика был понят дословно, а может сам эта идея уже витала в воздухе, но очень скоро, уже в 1919 г., Петроградский Совет принимает решение об учреждении нового музея – Музея Революции, и предоставляет для него помещения в Зимнем дворце. За короткий срок поставленная Петросоветом задача была выполнена.

11 января 1920 года Музей Революции торжественно открылся.

Газета «Петроградская правда» сообщала, что в новом музее будет собрано все о «пионерах революции, которые вели подпольную борьбу с угнетателями, скрутившими в эпоху самодержавия класс трудящихся в бараний рог». Поэтому не случайно музей открывается «в бывших покоях кровавых императоров <...>» [7, с. 2]. Приглашенные входили во дворец через Иорданский подъезд и поднимались на второй этаж в Николаевский зал, который теперь назывался просто Большим залом, по лестнице, поражавшей своей роскошью. В приветственной речи председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев говорил о необходимости примирения народа с ин-

телигенцией и о том, что главная задача нового музея – показать массам, как рабоче-крестьянская власть чтит память предшествующих поколений [4, с. 1]. И не случайно, что первая выставка рассказывала о декабристах. В ее подготовке деятельное участие принимал известный пушкинист П.Е. Щеголев, после Февральской революции служивший в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по делам бывших министров. Директором музея был назначен один из его создателей М.Б. Каплан. Экспозиции расположились на втором этаже, в парадных залах Невской анфилады, выходящих окнами на Неву.

Отдав дань декабристам, 21 января 1920 г. сотрудники музея (их кабинеты располагались на третьем этаже) провели в Николаевском зале заседание памяти А.И. Герцена. Позднее в этом же зале будет устроена постоянная экспозиция «1905 год» и «Ходынка», а в Ротонде, которую до революции украшали портреты монархов, – выставка под названием «Белый террор». Посетители входили на выставки с Салтыковского подъезда, выходящего в Собственный садик (с фонтаном). Музей Революции занял западную половину дворца (от центральных ворот в сторону Адмиралтейства) [3, л. 7,8]. Глядя на монументальное дворцовое здание, кажется, что музей стал обладателем какого-то несметного количества комнат, залов и коридоров (всего во дворце насчитывалось 1050 комнат). На самом же деле многие помещения в то время были совершенно непригодны для использования их в качестве музейных залов. Особенно это касалось первого и третьего этажей. На первом располагались кухни и маленькие квартирки для подсобных рабочих. Широкая и светлая сейчас галерея Растрелли, именовавшаяся тогда Кухонным коридором (тянется от Иорданского вестибюля, со стороны Невы до Комендантского, выходящего на Дворцовую площадь), была двухэтажной, поделенной на множество разного рода кладовок. Так же дело обстояло и с помещениями третьего этажа, где раньше жили фрейлины, занимавшие «комнаты с удобствами» или небольшие квартирки, состоящие из двух-трех комнат. Переделка этих помещений начнется

только во второй половине 1920-х гг. и продлится до конца 1930-х. Музей Революции использовал, главным образом, бывшие покои Александра III, расположенные в северо-западном углу дворца, – их окна выходят на Неву и на Адмиралтейство.

1 декабря 1922 г. Дворец искусств был передан в ведение Эрмитажа. Но к этому времени Эрмитаж использовал только часть парадных гостиных второго этажа (Вторая запасная половина). В этих комнатах к пятой годовщине Октябрьской революции была открыта выставка французского искусства XVII–XVIII вв. В 1923 г. в залах второго этажа, выходящих окнами на площадь и во двор (Первая запасная половина), была выставлена итальянская живопись, в Александровском зале, разделяющим Первую и Вторую запасные половины, и в соседнем с ним Пикетном – западноевропейское оружие. Еще через год Эрмитаж подготовил экспозиции в Георгиевском (Большом тронном) зале и в Гербовом. В это же время Музей Революции, уже основательно укоренившийся в бывшей императорской резиденции, не только продолжал занимать парадные залы Невской анфилады, но и открыл еще несколько отделов.

Коллекция Музея Революции была очень обширна, и она постоянно пополнялась, о чем говорят документы, хранящиеся в эрмитажном архиве. Помимо исторических полотен, изображающих различные сцены из истории революций в странах Европы и в России, портретов революционеров и их скульптурных изображений, в собрании Музея Революции было большое количество писем и мемориальных вещей, принадлежавших борцам за народное счастье. По сохранившимся документам – это разрешения на выдачу предметов из Музейного фонда, акты о приемке вещей, мандаты на их получение, переписка с другими музеями и учреждениями, можно судить о том, что поступало в собрание музея. Как мы видим из документов, многие предметы не имели прямого отношения к освободительному движению в той или иной стране, но они давали представление и о политической обстановке, о быте и об искусстве этих стран в различные исторические периоды. Например, из Музейного фонда были переданы: «Севрская мануфактура Времени 1-го рес-

публиканского периода от 21/IX-1792 до конца 1800 г. 2 чайника, сливочник, передача бутылочная, 2 тарелки с росписью, 2 тарелки с живописью» [1, л. 90]. И таких примеров можно привести множество. В 1922 г. в Музей Революции из Мариинского дворца поступило монументальное полотно И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (в 1938 г. картина передана в Русский музей). В этом же году Музеем Революции «получено от Отдела охраны памятников искусства и старины 22 портрета Министров Внутренних дел» [1, л. 14]. «Получены предметы: портрет Волконского в золоченой раме. П. Богданов. Студент и молодая девушка у стола. х[олст], м[асло], дуб. рама. Макаров. Александр III с семьей слушает проповедь Христа. м.[асло] х.[олст], золоченая рама. Макаров. Иоанн Креститель проповедующий в пустыне. м.[асло] х.[олст], без рамы» [1, л. 90]. «Государственный Музей Революции просит разрешения на получение из Музейного Фонда масонского (так в тексте – *прим. авт.*) передника Юсупова и ночной вазы с изображением Наполеона. 14 марта 1927. М. Каплан» [1, л. 71]. К письму с просьбой о выдаче вещей приложен мандат на имя сотрудника музея Соломона Моисеевича Гершова на их получение [1, л. 72] и письмо М.Б. Каплана в Государственный музейный фонд, в котором он «с благодарностью подтверждает получение по акту передника Юсупова и ночной вазы с изображением Наполеона, которые занесены в книгу поступлений» [1, л. 73]. Иногда инициатива передачи вещей исходила не от музея: «Народный Комиссариат Просвещения предлагает передать Государственному Музею Революции письменный стол американской системы Александра III, а также находящиеся на нем предметы. За Уполномоченного НКП [подписал] Ятманов» [1, л. 86]. Григорий Степанович Ятманов – с 1917 г. – комиссар Эрмитажа и Зимнего дворца, в 1919–1926 гг. – заведующий музейным отделом, председатель Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины. На многих документах стоит его подпись. Приведем еще один любопытный документ: «Из собрания б.[ывшего] Зимнего дворца получен для охраны

дворца искусства револьвер(арт.236) в деревянном ящике с 16-ю патронами инв.№25661 (сист. Лефоше) 24.VIII.1921. Принял Г. Ятманов. Выдано 24 Августа 1921. Инспектор РКИ (подпись)» [1, л. 12].

Были случаи, когда в музей передавали экспонаты и частные лица. Например, 18 мая 1921 г. антиквар Б.К. Чекато «желает пожертвовать в музей картину художника Грабовского “Эпизод из революции 1905 года”», о чем сообщает в своем письме «гражданину комиссару В.П. Ерыкалову». Василий Иванович Ерыкалов – зам. зав. административно-хозяйственными делами Отдела имуществ Республики, позднее заведующий Музейным фондом в Ленинграде. Письмо антиквара заканчивается словами: «Извиняюсь за беспокойство, с совершенным почтением, Б. Чекато» [1, л. 5].

Музей Революции существовал в Зимнем дворце уже не первый год, но все работы по обслуживанию и текущему ремонту здания дворца проводились силами эрмитажных служащих, а все расходы оплачивались Эрмитажем, который должен был заботиться о своевременной закупке дров (в то время дворец еще отапливался Амосовскими печами), вывозе мусора и уборке внутренних дворов и прилегающей территории от снега. Правление Эрмитажа такая ситуация не устраивала. Но впервые вопрос о размежевании возник только в декабре 1926 г., когда Эрмитаж пересмотрел занимаемые обоими музеями площади, а также стал настаивать на том, чтобы Музей Революции взял на себя часть расходов по содержанию дворца. Директор Музея Революции М.Б. Каплан в принципе готов был оплачивать часть расходов, но только «с момента размежевания, когда у него будет возможность ходатайствовать перед Наркомпросом о выделении на это денег». При этом предлагаемое Эрмитажем соотношение оплаты расходов 1:5 Каплана не устраивало, и он даже предложил Эрмитажу перемерить крышу, чтобы точно установить площадь, занимаемую каждым из музеев [3, л. 9]. Для определения доли расходов на электричество было решено установить в Музее Революции отдельные счетчики.

По «Плану размежевания помещений Зимнего дворца между Государственным Эрмитажем и Музеем Революции», подписанно-

му 27 декабря 1926 г. архитектором А.В. Сивковым, к Эрмитажу должен был отойти Иорданский вестибюль со стороны набережной и подъезд Ея Величества (Октябрьский – с площади, через него в 25 октября 1917 г. вошли во дворец большевики). Самой существенной в этом «Плане...» была передача Эрмитажу парадных залов Невской анфилады. Основные аргументы Эрмитажа в пользу передачи ему этих залов сводились к тому, что «вклинившиеся три зала (Аванзал, Николаевский, Концертный), занятые Музеем Революции, нарушают правильную циркуляцию посетителей и не дают правильно использовать Иорданский подъезд» [2, л. 8]. Эрмитаж добивался получения всего второго этажа, чтобы посетители могли осматривать выставки, обходя дворец большим кругом. Помимо залов Невской анфилады Эрмитаж претендовал и на вестибюль Иорданский лестницы. Еще до подписания «Плана размежевания...» начались переговоры с Капланом. Эрмитаж предлагал взамен «другие, только что отремонтированные помещения», но такая перспектива Каплану не понравилась. В Музее Революции было устроено заседание, чтобы обсудить поступившее предложение, а протокол с вынесенным решением 9 декабря 1926 г. был направлен в Эрмитаж: «...Обмен территорией признан невозможным. С товарищеским приветом, М. Каплан». Это решение было обусловлено тем, что «количество посетителей музея значительно увеличится к 10-летию революции, и что юбилейные выставки должны быть связаны с отделом Коминтерна, размещенным в б[ы]вшем]. Николаевском зале» [2, л. 9]. Вскоре после подписания «Плана размежевания...», в январе 1927 г., на совещании по урегулированию расходов и размежеванию было решено, что Музей Революции будет «участвовать в расходах Эрмитажа лишь в денежной форме, так как самостоятельное обслуживание части дворца, занимаемое Музеем Революции, обойдется ему гораздо дороже» [2, л. 7, 8]. Фактически же до февраля 1927 г. все расходы оплачивал Эрмитаж.

К десятилетию Октября в Музее Революции было открыто две выставки: «Империалистическая война» и «Февральские дни», развернутые в вестибюле Иорданского подъезда. Таким образом «План размежевания...» выполнен не был. Музей Революции не торопился

расставаться со своими «территориями», а в сентябре 1928 г. Каплан обратился в Эрмитаж с просьбой о передаче Музею Революции Большой церкви, необходимой ему для устройства в ней лектория. Правление Эрмитажа оставило эту просьбу «без последствий» [2, л. 34].

Свои грандиозные выставочные планы Музей Революции полностью выполнил. В отчете за несколько лет работы, направленном в Ленсовет, говорилось: «1935. К 30-ой годовщине революции 1905–1907 гг. заново построен III отдел – “Меньшевики и большевики в период Русско-японской войны и Первой русской революции”».

IV – “Меньшевики и большевики в период столыпенской реакции”. V – “Партия большевиков в годы подъема рабочего движения”. VI – “Большевики в годы революционного движения в России – в годы империалистической войны и второй русской революции”.

В 1937 г. были открыты: VII отдел – “Партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции”. VIII – “Партия большевиков в период гражданской войны”.

Готовится отдел “Социалистическое строительство с 1921 по 1938–39 гг.” 1939 г. – “20 лет с момента обороны Петрограда от Юденича. Создание панорамы”» [8, л. 3]. Из названий этих отделов видно, что по прошествии полутора десятков лет изначальная концепция Музея Революции изменилась. Теперь все внимание было направлено, чтобы подчеркнуть решающую роль большевистской партии в истории советской России.

Тянувшиеся больше десяти лет переговоры о помещениях в районе Иорданского подъезда ни к чему и не привели, и Эрмитаж обратился за помощью в Ленсовет. Музей Революции ответил на официальный запрос следующим письмом: «25 апреля 1941 г. Зам. Председателя Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся тов. Федоровой На Ваше предложение проверить возможность передачи Государственному Эрмитажу помещений Музея Революции, расположенных между Иорданским и Детским подъездами [находился рядом с Иорданским, выходящим на Неву, сейчас этого подъезда не существует] Зимнего дворца, сообщаем, что передача этих помещений невозможна, так как сорвет возможности нор-

мальной работы Музея Революции, хранение фондов редчайших листовок и плакатов. <...> Закрытие доступа в Иорданский подъезд будет означать ликвидацию школьной комнаты Музея Революции, столярной мастерской и лишит Музей Революции уборных. <...> Поэтому при всем моем горячем желании помочь Государственному Эрмитажу, я не могу пойти на уступки площади без нанесения серьезнейшего ущерба Музею Революции. Директор Музея Революции Шунденко». [9, л. 2]. Больше попыток получить дополнительные площади во дворце Эрмитаж не предпринимал. Через два месяца после получения этого ответа началась война, и вопрос о спорных «территориях» отпал сам собой.

Музей Революции выехал из Зимнего дворца в 1947 г. Сейчас он расположен в особняке Кшесинской и носит название Государственного музея политической истории России.

Список литературы

1. Архив ГЭ (Государственного Эрмитажа). Ф.4. Оп. 1. Д. 60.
2. Архив ГЭ. Ф.1. Оп. 5. Д. 662.
3. Архив ГЭ. Ф.1. Оп. 5. Д.745 (77). 1927–28.
4. Жизнь искусства. 1920. № 341. 13 января.
5. Изобразительное искусство. 1919. № 1.
6. Искусство коммуны. 1918. № 1. 7 декабря.
7. Петроградская правда. 1920. № 7. 11 января.
8. Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 285. Оп. 1. Д. 19.
9. ЦГАЛИ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 30.

Селянинова Гульсина Дагирьяновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь.

Selyaninova Gulsina Dagiryanovna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Chair of State Management and History, Perm National Research Polytechnic University, Perm.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ УРАЛА В БОРЬБЕ ЗА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В 1917 Г.

Рассматривается вопрос борьбы интеллигенции Урала за Учредительное собрание в 1917 – начале 1918 г. Новые политические свободы и возможности активировали интеллигенцию на разные формы борьбы за Учредительное собрание – от участия в политической борьбе до руководства политическими партиями.

Ключевые слова: Учредительное собрание, интеллигенция, выборы, большевики, кадеты, советы.

URAL INTELLECTUALS IN THE STRUGGLE FOR THE CONSTITUENT ASSEMBLY IN 1917

The article considers issues of Ural intellectuals struggle for the Constituent Assembly in 1917 – early 1918. New political freedoms and opportunities activated the intellectuals for various forms of struggle for the Constituent Assembly – from participation in political struggle to leadership in political parties.

Key words: Constituent Assembly, intellectuals, elections, the Bolsheviks, kadets, the Soviets.

Осенью 1917 г. активизировалась политическая деятельность уральской интеллигенции в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание.

Российская интеллигенция жила идеей созыва Учредительного собрания, идеей, ставшей в 1917 г. одновременно и рычагом, и тормозом общественных перемен. Как отмечает историк Л.Г. Протасов, «идея Учредительного собрания долго оставалась элитарной из-за глубокого разрыва в уровнях, а возможно, и типах политиче-

ской культуры сравнительно тонкого образованного, интеллектуального слоя общества и толщи социальных низов. Она стала частью менталитета российской либерально-радикальной интеллигенции, ее «синей птицей», обобщенным выражением таких ее качеств, как «небуржуазность», неприятие самодержавно-бюрократического произвола (В.К. Плеве определял образ поведения интеллигенции именно как постоянное дискредитирование власти), традиционное народолюбие, включавшее и комплекс собственной вины перед народом» [7, с. 136].

Знаменательно, что и сама власть невольно служила распространению идеи: Временное правительство, проводя либеральные реформы, способствовало росту конституционных настроений, а впоследствии большевики, преследуя движение за Учредительное собрание, усилили его романтический ореол жертвенности и подвижничества [7, с. 136].

Но общее настроение осенью 1917 г. в отношении идеи Учредительного собрания стало апатичным, поскольку для интеллигенции «торжество демократии обернулось... торжеством охлократии, и даже искренние приверженцы парламентаризма на время отвернулись от него, предпочтя твердую, авторитарную власть» [7, с. 145].

Отношение к процессу подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание претерпело изменение с февраля по октябрь 1917 г. Как отмечает историк Л.Г. Протасов, «по результатам выборов интеллигенция, больше других ратовавшая за Учредительное собрание, первой уклонилась от выборов...» [7, с. 254]. Современников «наиболее обескураживало широкое уклонение интеллигенции, которая, инициировав лозунг Учредительного собрания, в решающий момент заняла созерцательную позицию, выразив тем свое разочарование в возможности народоправства в России. Торжество демократии обернулось для нее торжеством охлократии, и даже искренние приверженцы парламентаризма на время отвернулись от него, предпочтя твердую, авторитарную власть» [7, с. 145].

«Мартовские настроения» очень быстро иссякли, и продолжавшаяся война, а также общая нестабильность революционного

времени, сопровождавшиеся продовольственными трудностями, инфляцией, ростом преступности, привели к политической апатии интеллигенции.

Как справедливо отмечает С.В. Леонов, «партии России складывались не столько “снизу”, на основе различных социальных общностей, групп, корпораций, как на Западе, или позднее, в Китае, сколько “сверху”, привносились интеллигенцией, которая “обслуживала” все партии, как бы компенсируя отсутствие класса, который мог бы взять на себя лидирующую роль в выражении общественных потребностей»¹.

В 1917 г. произошел переход интеллигенции с традиционных форм самовыражения – митинговой оппозиционности – к участию в политической борьбе и в руководстве политическими партиями.

Общеизвестно, что главным противоречием ситуации 1917 г. стала потребность в решении назревших в России проблем, не реализованная из-за формулы «непредрешения» – ожидания созыва Учредительного собрания, которое должно было решить главные вопросы государственной жизни, включая определение формы правления, круг и границы своих задач [7, с. 138].

Известия о событиях в Петрограде активизировали процесс политического размежевания в далеких «медвежьих углах» российской провинции. Причем процесс этот принял характер противопоставления интеллигенции рабочим, в данном случае было налицо стремление рабочих с социал-демократической ориентацией политически размежеваться с интеллигенцией, настроенной на кадетскую партию. Ситуация весны 1917 г. была такова, что деятельность различных фракций одной партии не слишком сильно была дифференцирована, и большевики и меньшевики в провинции зачастую выступали единым фронтом.

Провозглашение советской власти положило начало новому этапу социально-политической дифференциации интеллигенции Урала.

¹ Выступление С.В. Леонова в дискуссии.

Утверждение власти большевиков шло с разной степенью интенсивности в разных местностях. В Челябинске, например, «новая власть начала напоминать о себе с февраля, хотя сначала довольно безобидно, – воззваниями по самым разнообразным сторонам жизни» [9, с. 318]. В крупных административных центрах Урала советская власть была установлена в основном мирно, исключение составило Оренбуржье. Но установление большевистского режима было встречено с разочарованием многими представителями уральской интеллигенции.

Процесс утверждения советской власти не был простым, он столкнулся с ожесточенным сопротивлением той части интеллигенции, которая была вовлечена в деятельность партий, выступивших против октябрьского переворота.

Это вполне объяснимо, поскольку в течение 1917 г. интеллигенция России идее Учредительного собрания отводила исключительную роль в решении судьбы страны. Большевики оказались той силой, которая, игнорируя идею непредрежденчества, взялась определять путь развития России по-своему.

Утверждение власти большевиков на Урале столкнулось с противодействием кадетов, эсеров и меньшевиков, поддерживавших идею Учредительного собрания, которая не могла быть ликвидирована в одночасье. Пермский городской голова А.Е. Ширяев обратился 12 ноября с призывом к гражданам города об участии в выборах, заявив, что «только Учредительное Собрание способно вывести нашу Родину из тяжелого положения» [3, л. 57].

Собрание представителей общественных организаций, состоявшееся в Перми 26 октября 1917 г., осудило большевистский переворот. Кроме того, созданный тогда же Совет общественных самоуправлений и организаций объявил о том, что берет в свои руки управление губернией «до организации власти на местах Учредительным Собранием», сохраняя полномочия губернского комиссара Временного правительства Б.А. Турчевича [4, л. 3].

В состав Совета вошли пять представителей губернского земства, пять – губернского Крестьянского совета, два – Уралсовета, два – Почтово-телеграфного союза и представители всех социалистических

партий без большевиков. В качестве задач деятельности были объявлены: «Охрана Учредительного Собрания, борьба [с] анархией, контрреволюцией, сохранение административно-хозяйственного строя губернии» [4, л. 3]. Затем, 30 ноября 1917 г., данный Совет был преобразован в антибольшевистский Совет по управлению губернией, который «главной задачей своей деятельности ставит защиту Учредительного Собрания как единственного правомочного избранника и носителя всенародной власти», а также «защиту неприкосновенности всех выборных лиц, демократических организаций их учреждений и их деловой работы от всякого рода попыток контроля и вмешательства разного рода «Комиссаров», расстраивающих деятельность самих организаций» [4, л. 4–4об.]. Большевики добились его закрытия 4 января 1918 г., объявив контрреволюционной организацией [6].

Идея создания «однородного социалистического правительства» при участии и сохранении местных органов Временного правительства распространялась телеграммой Викжеля. В Екатеринбурге меньшевики и эсеры, поддержанные почтово-телеграфными работниками, прервавшими связь Екатеринбурга с Петроградом, начали действовать.

Выборы в Учредительное собрание, как известно, состоявшиеся в ноябре 1918 г., нашли живейший отклик в произведениях уральских поэтов и писателей. Политические ориентации многих из них нашли выражение в частности в стихотворных строках В. Чекина, ратовавшего за передачу большевиками власти Учредительному собранию:

«Спешите, граждане! В последний этот день	Над бездной не спасете – готова гибель ей
Забудьте все, дела все отложите.	Собрание – последняя опора,
Коль Родины великое Собрание	За урнами – последней веры край» [10].

Имело место понимание того, что это последний шанс для демократического развития России:

«Спешите, граждане! Спасайте от надзора
Русь беззащитную! Уж рвется черных свора
Не за горами новый Николай» [10].

Интеллигенция отождествляла сохранение столь недолго существовавших (только в 1917 г.) демократических свобод с сохранением традиций и ценностей культуры. Поэтому она придавала большое значение такому событию в политической жизни, как созыв Учредительного собрания.

В своих резолюциях Пермская губернская конференция ПСР призвала все организации и членов партии немедленно перейти к активной поддержке Учредительного собрания [13, л. 186]. По вопросу об организации власти в Пермской губернии резолюции конференции ориентировались на включение в Совет по управлению губернией представителей всех социалистических партий – от большевиков до народных социалистов включительно – и общественно-демократических организаций: губернского Совета крестьянских депутатов, губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, губернского земства, Викжеля и Союза служащих и рабочих почты и телеграфа. В основу платформы, выработанной этим форумом, была заложена идея защиты Учредительного собрания. Кроме того, конференция выразила категорический протест против «насилия над членами партии», проявляющегося в принятом советом запрете на ношение оружия [13, л. 186].

В поддержку Учредительного собрания выступил ижевский комитет партии эсеров, опубликовавший в начале декабря 1917 г. под лозунгом «В борьбе обрешь ты право свое» «Письмо депутатов Учредительного собрания к народу»: «В Таврическом дворце (28 ноября) депутаты открыли свое заседание. Председателем был избран В.М. Чернов. Депутатов оказалось всего 40 человек... 28 ноября вечером большевики нарушили неприкосновенность Учредительного Собрания, начав арест членов Учредительного Собрания из кадетской партии. 3 декабря, вечером, был арестован депутат Учредительного Собрания с.-р. Филипповский, избранный армиями юго-западного фронта... Всем ясно, что назревает столкновение между народными избранниками и новыми насильниками. Мы не боимся этого столкновения. Когда нас съедет достаточное число, мы снова войдем в Таврический дворец и откроем

работу Учредительного Собрания. Насильникам мы не уступим. Одни мы, однако, победить не в силах. Мы призываем народ всеми мерами и способами поддерживать своих избранников. Мы зовем всех к борьбе с новыми насильниками над народной волей, иначе у народа не будет ни мира, ни земли, ни воли, ни порядка; иначе нищета, гнет, голод, грозит измученному трудовому народу» [12, с. 23–24]. Письмо подписали эсеровские лидеры: Булат, Чернов, Брешко-Брешковская, Гизетти, Макеев, Соколов, Маслов, Со рокин, Коган-Бернштейн, Огановский, Постников, Смирнов, Руднев – всего 109 подписей [12, с. 24].

В списке кандидатов в Учредительное собрание от партии социалистов-революционеров в Пермской губернии был С.И. Бондарев², один из авторов «Письма пермских депутатов» к избирателям от 27 декабря 1917 г., в котором эсеры-депутаты от Пермской губернии призвали массы встать на защиту Учредительного собрания и объявили, что «большевики Россию погубят»³. Кроме того, в список эсеровских депутатов Учредительного собрания были включены А.И. Зисман, С.И. Бондарев, Л.В. Затейщиков, Н.В. Здобнов, М.А. Сигов, С.К. Тарабукин (Тарин). Практически все они были авторами «Письма пермских депутатов».

Уральские эсеры имели большое влияние на населения края. Екатеринбургская газета эсеров «Вольный Урал» критически оценивала «Декрет о земле», призывая крестьянство к неповиновению при его проведении в жизнь до момента одобрения декрета Учредительным собранием [2].

Но раскол партии, произошедший в связи с поддержкой левыми эсерами большевиков, проявился вскоре и в провинции.

² Бондарев Сергей Иванович, родился в 1872 г., весной 1891 г. окончил учительский институт в Оренбурге. Учительствовал в селе Верхнечусовские городки, был членом I Государственной думы от Саратовской губернии. В дни членства в думе был редактором газеты «Известия крестьянских депутатов». За публикации в газете был привлечен к суду и осужден на один год.

³ Более подробно см.: Бугров Д.В. Оппоненты большевизма на Урале в 1917 г. (Опыт политического портрета). Вып. 1: Умеренные социалисты Пермской губернии. Свердловск, 1991. С. 5.

Левые эсеры организационно выделились из местных эсеровских кругов, и IV Пермская губернская конференция партии социалистов-революционеров 19–21 декабря 1917 г. избрала на 4-й Всероссийский съезд левых эсеров (интернационалистов) своим делегатом Муксунова [13, л. 185].

В начале января 1918 г. из Екатеринбургской организации партии социалистов-революционеров выделилась левая организация интернационалистов, которая, «считаясь с тем, что ЦКСР интернационалистов в Петрограде решил разделить власть вместе с народными комиссарами из Смольного..., и здесь отныне, будет участвовать в органической работе вместе с большевиками» [14, л. 107].

Что же касается правых эсеров и эсеров-центристов, то они объявили октябрьский переворот «преступлением перед Родиной, Демократией и Революцией» [2].

Эсеры поддержали саботаж интеллигенции, не желавшей сотрудничать с большевиками. Отколовшаяся часть партии эсеров назначила в товарищи председателя городской думы Горина, а членом управы – Павловского. Раскол выразился и в решении организационных вопросов: было объявлено, что к созываемой в первых числах января 1918 г. левыми эсерами в г. Екатеринбурге областной конференции Екатеринбургская организация ПСР отношения не имеет [14, л. 107].

В списке меньшевистских кандидатов в Учредительное собрание, как отмечал оренбургский историк В.М. Войнов, в подавляющем большинстве были представлены представители интеллигентных профессий [1, с. 19].

Кадетская интеллигенция Перми возлагала надежды на «быстрое образование борющегося интеллигентско-буржуазного класса, который поймет, что свое право на существование он может купить лишь ценою непрестанной борьбы за свои интересы – борьбы всеми средствами, но, главное, работой в народных массах» [5].

У некоторых кадетов проявился «комплекс вины» за произошедший переворот. Один из членов пермского комитета партии народной свободы М. Ростовцев писал: «Одно из самых тяжких

крушений – это разочарование в том, что мы привыкли называть русской интеллигенцией. Интеллигенция наша, за исключением сравнительно небольшой группы людей, оказалась неспособной ни к творческой работе, ни к планомерному строительству, ни к подвигу и жертве» [5]⁴.

Пермский губернский комитет партии народной свободы 30 октября 1917 г. заявил о непризнании власти Советов [11]. Екатеринбургский уездный комитет партии кадетов призывал бороться с новой властью, распространяя листовку с этими призывами [11].

Большевики быстро отреагировали на кадетскую оппозиционность, издав 28 ноября 1917 г. декрет, объявляющий кадетов партией врагов народа; тем самым была запрещена деятельность партии, а сами ее члены были поставлены вне закона и вынуждены были уйти в подполье. После разгона Учредительного собрания репрессии против кадетов ужесточились. Еще до принятия этого декрета исполнительный комитет Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов, опиравшийся на отряды Красной гвардии и революционных солдат, отдал приказ об аресте руководителей кадетской организации. В здании, где находился кадетский комитет, не оказалось никого, за исключением одного человека – кадета Лазарева, но начальник милиции эсер Старцев отказался его арестовать. По распоряжению исполкома совета Старцев был отстранен от должности, а Лазарев арестован⁵.

В период подготовки к выборам в Учредительное собрание в Пермской губернии Партией народной свободы был составлен

⁴ Далее М. Ростовцев писал в этой статье: «Интеллигенция – высшей ее силой являются лица, имеющие дипломы университетов, ...но ничтожное меньшинство относилось и относится к университету и науке серьезно... В результате – нагромождение обрывочных, заученных формул, полное отсутствие навыка к научному и критическому мышлению... Такими же качествами отличаются и те, кому их политические воззрения и их политическая деятельность не позволили закончить цикл своего обучения в России».

⁵ Более подробно об этом см.: Александров Ф.А. Победа пролетарской революции в Пермской губернии // 1917 год на Урале: сб. статей. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1957. С. 223.

список из 26 кандидатов. Среди них был лишь один крестьянин, остальные представляли интеллигенцию. Кандидатами от губернской организации партии были избраны: Л.А. Кроль – видный местный общественный деятель, В.И. Сумароков – инженер, А.М. Спасский – военный врач, Н.А. Несслер – преподаватель реального училища, Н.Н. Бегишев – юрист, Н.П. Чистосердов – редактор «Зауральского края», А.Е. Кузнецов – доктор медицины, В.Ф. Матвеев – декан юридического факультета Пермского университета и другие [11]. Данный список – еще одно наглядное подтверждение того, что членами партии народной свободы были наиболее авторитетные представители интеллигенции.

В Перми кадеты получили первое место без солдатских голосов, а учитывая солдатских выборщиков – второе, набрав 7909 голосов (25,9 %). У большевиков было 8226 голосов (27,0 %) [6]. В Екатеринбургe – 8637 (31,3 %) и 11827 (42,8 %) соответственно [9, с. 131]. Но в целом по Пермскому избирательному округу список партии народной свободы набрал значительно меньше голосов (111 241, или 8,9 %), чем список большевиков (268 293, или 21,4 %) [9, с. 131].

Большинство голосов Партии народной свободы удалось собрать в крупных городах, поскольку ее поддержали городские средние слои, напуганные революционными событиями октября 1917 г. и привлеченные проводимой силами местной интеллигенции агитацией за стабильность существующих порядков. Любопытно, что если в муниципальных выборах летом 1917 г. по городу Перми кадеты получили 2425 голосов [6], то на выборах в Учредительное собрание – больше в три раза. Это противоречит бытовавшему среди советских историков мнению, что осенью 1917 г. Партия народной свободы утратила поддержку широких слоев населения. В центре Пермской губернии во всяком случае это было не так.

Если же смотреть на общие итоги выборов по Пермской и Оренбургской губерниям, то получается следующая картина [8, с. 364] (таблица).

Партия	Оренбургская губерния	Пермская губерния
Эсеры	15,9	52
Энесы	0,9	–
Меньшевики	1, 35	2, 1
Большевики	23,5	20,9
Кадеты	3,5	8,7

Очевидно, что приведенные данные иллюстрируют абсолютное доминирование симпатий населения Урала к партии эсеров.

После разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. многие представители уральской интеллигенции высказывали свое возмущение по поводу примененного насилия.

Надежды, возлагавшиеся интеллигенцией Урала, прежде всего, литераторами и журналистами, не оправдались. Разгон Учредительного собрания развеял последние иллюзии о возможности возвращения большевиков к демократическому пути развития.

Список литературы

1. Войнов В.М. Интеллигенция Урала в годы революций и гражданской войны (март 1917–1920 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.
2. Вольный Урал (Екатеринбург). 1917. 17 ноября.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 36. Л. 57.
4. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 34. Л. 3.
5. Народная свобода. (Пермь). 1917. 28 ноября.
6. Пролетарское знамя. (Пермь). 1917. 13 декабря.
7. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть: матер. коллоквиума 11–15 января 1993 г. СПб.: Глагол, 1994.
8. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне России. М.: Мысль, 1968.

9. Теплоухов К.Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001.
10. Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 28 ноября.
11. Уральский рабочий (Екатеринбург). 1917. 8 ноября.
12. Хрестоматия по истории Удмуртии: в 2 т. Т. 2. Документы и материалы. 1917 – 2007/ Комитет по делам архивов при Правительстве УР. Ижевск, 2007.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 63. Л. 186.
14. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 77. Л. 107.

Неплюев Петр Андреевич – научный сотрудник отдела истории Пермского краеведческого музея, г. Пермь.

Neplyuev Petr Andreevich – Research Scientist of the History Department, Regional Public Cultural Institution «Perm Local History Museum», Perm.

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 1920 – НАЧАЛА 1930-Х ГГ.

Предпринимается попытка провести анализ советского исторического дискурса 1920–1930-х гг. с целью выявления репрезентации антиковедения советскими историками. В рамках статьи рассматриваются взгляды ряда ученых-антиковедов, основные государственные идеологические установки на историческом фронте, а также работа государственных институтов на примере Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК).

Ключевые слова: историография, советские антиковеды, теория «революции рабов», ГАИМК, сталинизм, античность.

RECEPTION OF ANTIQUE HISTORY IN THE SOVIET HISTORICAL DISCOURSE OF 1920 – EARLY 1930S

In the presented article an it is attempted to perform analysis of the Soviet historical discourse of 1920–1930ss with the purpose of revealing representation of antiquity studies by Soviet historians. Views of some antiquity scientists, key state ideological directives in the field of history as well as work of state institutions through the example of the State Academy of Material Culture (SAMC) are considered within the framework of the article.

Key words: historiography, Soviet antiquity researchers, theory of «slaves revolution», SAMC, Stalinism, antiquity.

Формирование образа Античности, или древней истории, никогда не находилось на передовой ни советской исторической науке, ни советского государства в целом. Намного больший интерес представляли исторические события недавней революции, российской истории или хотя бы новейшей истории зарубежных буржуазных стран. Особое внимание, конечно же, привлекали революционные события. Тем не менее одним из основных руководств к

действию для всей исторической науки СССР была необходимость создать свою собственную, правильную, марксистскую версию истории. В программных для советских антиковедов статьях отмечается, что западная историческая наука «не знает не только закономерности социальных явлений, но даже предмета своих изысканий. Она не совсем еще отказалась от устарелого приема древних хронистов, которые историю целых эпох заполняли последовательным описанием жизни и деятельности отдельных правителей. Подобная историография полностью игнорирует подлинное содержание всякой истории, борьбу классов и, в связи с нею, – смену государственных и общественных форм» [13, с. 5].

По версии официальной советской исторической науки, на основании высказывания Ф. Энгельса, «историю следовало изучать сызнова». История «сызнова», должна была быть написана в интересах широких масс, основываясь на методах исторического материализма. Согласно этим методам, причину изменений и развития исторического процесса следует искать не в людях, а в развитии средств производства и обмена [13, с. 6–7]. Зарубежные исследователи, какими бы талантливыми они ни были, являлись всего лишь учениками, в работах которых марксистские учителя непременно найдут ошибки [5, с. 282].

В одном из самых первых историографических очерков по древней истории в советской науке редактор «Вестника древней истории» А.В. Мишулин выделял несколько этапов развития отечественного антиковедения. Первый этап, с 1917 по 1924 г., проходил по старым идеологическим установкам и был идеалистическим по характеру. В этот период основную часть работ составляли переиздания зарубежных авторов и дореволюционные труды отечественных историков: Эд. Мейера, М. Вебера, Зелинского, Фармаковского и других [9, с. 6]. Примечательно, что Мишулин не упоминает труды эмигрировавшего в 1918 г. М.И. Ростовцева, у которого еще в 1925 г., в Ленинграде выходит монография «Скифия и Боспор». Но уже в 1920–1923 гг. выходит одна из первых работ по антиковедению в марксистской методологии – А.И. Тюменева, ставшего в 1930-е гг. академиком.

Основными трудами А.И. Тюменева в 1920-е гг. принято называть «Очерки экономической и социальной истории древней Греции» (написанные в 1917, но вышедшие 1920 г.) и монографию «Существовал ли капитализм в древней Греции?» (1923).

Особенностью «Очерков» является их последовательное создание полноценной социально-экономической картины древнегреческого общества, начиная с гомеровских времен [16, с. 5]. Особое внимание автор уделяет роли рабства в древнегреческой цивилизации и указывает его как ключевой фактор падения этой цивилизации. Он указывает, что рабы, в отличие от общества, где преобладают свободные ремесленники, замедлили рост экономического развития и разрушили греческую цивилизацию. Тюменев пишет, что рабство было результатом активных торговых отношений греческих городов между собой и с соседними народами в условиях низкой производительности труда. Городам требовалось большое количество произведенного продукта для удовлетворения своих торговых стремлений. Это привело к вытеснению более качественных товаров, изготовленных свободными ремесленниками в пользу массового рабского труда, который, достигнув своего пика, привел к стагнации и развалу, мешая развитию ремесел и меняя отношение к труду [16, с. 116–124].

Несмотря на отсутствие привычной терминологии и привычного нам в более поздних трудах советских историков «эзопова языка», Тюменев одним из первых начал переход к материалистической истории, основанной на причинно-следственных связях. Кроме того, очевидно стремление А.И. Тюменева писать объективную историю, ставя на первое место факт. Вслед за ним в новой методологии исторического материализма начинают работать В.С. Сергеев и С.И. Ковалев.

Работам В.С. Сергеева не был присущ излишний экономизм и рассмотрение причинно-следственной связи в рамках социологии и экономики. Значительную роль в трудах Сергеева играют идеологические и политические факторы [5, с. 126]. Несмотря на указание о роли рабства в Античном мире («античное общество всецело покоилось на рабстве» [14, с. 69]), само рабство не представ-

ляется читателю основной опорой, а впоследствии причиной падения римского государства в V в. н.э.

Говоря о падении Римской империи, Сергеев описывает целый спектр причин «в лучших традициях позитивистской многофакторности» [5, с. 128]. Среди основных причин можно назвать «саму разрушительную природу капиталистического государства и капиталистических отношений», возникновение новой религии в лице христианства, которому Сергеев посвящает значительную часть своего труда, истощение рудников и полей в пределах империи и ряд других [14, с. 292–293].

Для С.И. Ковалева, хоть и признававшего более значительную роль рабства в древней истории, «римская империя представляла собой абсолютную монархию, выросшую на основе торгового капитала и непосредственно опирающуюся на дворянство, чиновничество и армию» [3, с. 127].

Отдельной особенностью и Ковалева и Сергеева можно назвать модернизаторство истории, которое перешло в раннюю советскую науку из зарубежных или дореволюционных трудов. Позже, в 1938 г., А.В. Мишулин отметит, что ранние марксистские работы Ковалева и Сергеева «отражали в основном еще влияние установок таких зарубежных ученых, как Ферреро, Вебер, Белох и др., сочетание которых с марксизмом лишь извращало марксизм» [9, с. 7]. К этому же списку можно отнести и эмигрировавших дореволюционных историков, например, Ростовцева. Таким образом, не затрагивая марксистскую методологию, можно говорить о том, что первые советские марксистские работы историков-антиковедов, несмотря на наличие терминологии, следовали уже установившимся позитивистским тенденциям и стремлением к модернизаторству.

Сближение античного общества с феодальным и капиталистическим, а также преэстивенность зарубежной науки в ранних работах первых советских антиковедов отмечается и в более поздних обзорах советских историков и современной историографии. Э.Д. Фролов пишет, что в работах Ковалева и Рим, и Греция тракуются как типично феодальные государства [19, с. 7]. Также С.Б. Крих и А.А. Та-

расова в одной из своих статей подчеркивали, что «в учебнике С.И. Ковалева заметно много черт сходства с большой (и хорошо известной в 1920-е гг.) статьей М.И. Ростовцева “Колонат”, переведенной с немецкого в 1923 г. в качестве приложения к “Аграрной истории древнего мира” М. Вебера; сходства со статьей Ростовцева в структуре и последовательности подачи материала, конечно, с учетом особенностей жанра советского учебника» [5, с. 57]. Можно отметить, что рецензия, данная Н.А. Машкиным на работы Ковалева уже в 1930-е гг. критиковала последнего за «схематизм, неправильное понимание учения Маркса и Энгельса, фактические ошибки и (!) следование идеям буржуазных историков» [5, с. 58].

Ситуация достаточно свободного выдвигания мнений в советском антиковедении, дополняющегося некоторым властным вмешательством со стороны государства, к концу 20-х гг. сходит на нет. Начинается активная институализация и концептуализация советской истории в целом. В апреле 1929 г. на пленуме Коммунистической академии М.Н. Покровский призвал «положить конец ... мирному сотрудничеству марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже вредными марксизму» и «начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку» [12]. Еще один решительный шаг в направлении идеологизации исторической науки и поиска «полезного прошлого» был сделан.

Большую роль в этом процессе сыграл ГАИМК, а также два ключевых события разделенных между собой четырьмя годами. Мода на свое толкование марксизма подходит к концу, а «независимость в мыслях стала приравниваться к политической неблагонадежности» [5, с. 185].

Начать стоит с опубликования 18 января 1929 г. лекции В.И. Ленина «О государстве», которую он прочитал 11 июля 1919 г. в Свердловском университете и которая позже публиковалась в его собраниях сочинений [7, с. 65–84].

В лекции Ленин объяснял, что государство формируется с появлением классового неравенства, «когда появляются эксплуатато-

ры и эксплуатируемые» [7, с. 69]. Государство возникает только лишь с появления особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию [7, с. 69]. Деление общества на классы, наблюдаемое в десятках стран и на десятках и сотнях примеров из истории представляется как факт. Появление из первобытного, патриархального, бесклассового общества классов эксплуататоров и эксплуатируемых и создает первое государство, которое по своей сути является рабовладельческим. Через это деление прошла вся Европа. Рабы и рабовладельцы, по мнению Ленина, – это первое крупное разделение на классы в истории человечества. «Первая группа владела не только всеми средствами производства – землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда не были – она также владела и землей. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами» [7, с. 71]. Следующей, отличной от рабовладельческого строя формой было крепостное право, при котором общество делилось на крепостников-помещиков и крепостных. При этом Ленин отмечает, что сама форма отношения между людьми не меняется. Рабы находились в полной собственности, как вещи, и это было закреплено законом. Помещик же, хоть и угнетал крепостного, но не обладал им как вещью, а имел лишь право на его труд и отбывание повинности [7, с. 71]. Третьей ступенью схемы было капиталистическое общество, в котором капитал, сформировавшийся при появлении всемирного рынка, создал новую форму классового неравенства – господство капитала над рабочими-пролетариями [7, с. 72]. Ленин не делает никакого различия между республикой, демократией, монархией или аристократией. Для него имеет значение только лишь то, что и в рабовладельческом строе и при крепостничестве и при капитализме слой угнетаемых – рабов, крепостных, пролетариев – остается фактически бесправным [7, с. 76]. Примечательно, что в лекции Ленин среди крупнейших форм недовольства угнетенных своим положением упоминает восстание Спартака, которое в 1930-е гг. получит широкое распространение в историографии и идеологии СССР. Ленин не отмечает в своей лекции, как именно происходит

смена способа производства, но уже то, что это различие есть, свидетельствует о различии этих форм, в противовес концепциям первых советских антиковедов-марксистов, которые зачастую «модернизировали» историю и смешивали между собой формации.

Развернувшаяся вслед за этим дискуссия в ГАИМК в 1929–1933 гг. об общественно-экономических формациях способствовала выработке окончательного взгляда на античность как на определенную стадию в развитии общества, «античную рабовладельческую формацию» [19, с. 7]. Богатые фактическим материалом, но неправильные идеологически работы 1920-х гг. на некоторое время сменяются на «концептуальное, без лишних погружений в частности, осмысление древней эпохи» [15, с. 197].

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры – одно из следствий политики большевиков в сфере образования. В первые годы советской власти университеты теряют свою научную функцию, главная задача теперь – образовательная. Для научных изысканий создают новые институты, среди них новая Российская академия истории материальной культуры (1919), с 1926 г. – ГАИМК. Новая академия была преемницей Императорской археологической комиссии (1859), руководившей археологическими изысканиями в Российской империи, и находилась в Ленинграде. Изначальная функция ГАИМК заключалась в изучении вещественных источников. Численность новой организации была невелика – два сотрудника (С.А. Желябов – заведующий, А.И. Доватур – регистратор), которые были чрезвычайно загружены и практически никакого времени не посвящали разработке марксистской методологии. Однако с конца 20-х гг., когда начинается более активная концептуализация науки, в ГАИМК появляются новые лица, из числа ученых-антиковедов.

У организации было две основные задачи: во-первых, углубление марксистского метода по обработке и пониманию вещественных источников; во-вторых, обеспечение доступности работы и научных достижений для широких общественных масс через передачу новым советским институтам образовательных функций, од-

ной из мер выполнения которых было установление отношений с музейными и краеведческими учреждениями [15, с. 198]. Подобное направление развития марксистского антиковедения свидетельствует о популяризации антиковедческой науки, ее политизации и использования в своих целях в качестве понятной платформы. На ее примере становится возможным разбор и доказательство несовершенства любой формации, предшествующей социализму, в том числе и рабовладельческой. В составе ГАИМК существовало четыре основных института: истории доклассового общества, рабовладельческого общества, феодального общества и истории технологий [1, с. 151]. В рамках сектора рабовладельческой формации работали уже упоминавшиеся С.И. Ковалев (руководитель), С.А. Жебелев, К.М. Колобова и другие. Их основной деятельностью было исследование античного способа производства и производительных сил античного общества [15, с. 198–199].

О результатах работы сектора и степени политизации нового вектора движения марксистского антиковедения, а также о сломе старых традиций исторической науки 1920-х гг. можно судить по следующим фактам из научной биографии членов ГАИМК: «Б.Л. Богаевский до 1933 года считал крито-микенское общество классовым, а после 1933 года говорил о его первобытнообщинном характере. С.И. Ковалев до 1932 года был приверженцем теории циклизма в развитии общества, после – настаивал на стадийном характере исторического процесса. Пересмотр точек зрения соответствовал духу времени: ученые шли не от фактов, а от принятой концепции» [15, с. 200]. Несогласных с новой марксистской концепцией историков (В.П. Бузескула и С.А. Жебелева) причислили к «классовым врагам на историческом фронте». Результатом такой травли стала преждевременная смерть В.П. Бузескула в 1931 г., а в 1932 г. С.А. Жебелев [2, с. 49–72] был вынужден, основываясь на достаточно спорных фактах, менять свою концепцию, признавая, что «выступление скифов против боспорского царя было ничем иным как восстанием рабов» [18, с. 404–405]. Другие представители ГАИМК (О.О. Крюгер, А.И. Доватур, ученик С.А. Жебелева) в середине 30-х гг. подверглись репрессиям (реабилитированы уже после 1954 г.) [18, с. 404–405].

Повсеместное вмешательство идеологии и политики в историю способствовало становлению концептуально верных, но недостаточно глубоких работ в первой половине 30-х гг. Новая сталинская концепция «революции рабов» соответствовала синтезу двух основных тенденций в советской науке. Во-первых, «революцию рабов» можно называть неудачной попыткой на пути к овладению марксистской методологией. Во-вторых, следование концепции «революции рабов» стало признаком некой сервильности перед действующей властью [5, с. 184–185]. Однако, несмотря на примат государственной идеологии, существенное идеологическое давление и возможность лишиться не только работы, свободы, но даже и жизни за неверное понимание основных положений, высказанных И.В. Сталиным, само некритическое отношение к новой концепции обусловило ее достаточно поверхностное применение. Новая теория трактовалась большей частью историков 30-х гг. как необходимая установка сверху, которая использовалась как прикрытие богатого фактологического материала. Отметим, что многие из историков, становившиеся учеными уже в 20-е гг., громя оппонентов в официальной советской научной периодике, продолжали при этом использовать многие концепции зарубежных специалистов [8, с. 116–121]. Но нельзя забывать и степени давления на тех, кто отказывался следовать идеологии, не говоря о коллегах по цеху, которые могли использовать недостаточное рвение как способ своего возвышения. Достаточно вспомнить разгромную критику со стороны А.В. Мишулина и Н.А. Машкина работ Ковалева, обвинявшегося в несоблюдение принципов марксистского историописания, а также в приверженности «модернизаторским» теориям буржуазных историков. Отсюда мы и получаем некий синтез двух тенденций – контроль со стороны государства, при котором тем не менее продолжается активное развитие науки, лишь прикрытой марксистскими и сталинскими установкам.

Возвращаясь к сталинским концепциям, необходимо отметить, что следующий важный этап в этом процессе произошел в 1933 г. с появлением теории «революции рабов» [16, с. 236–256].

Это словосочетание родилось 19 февраля 1933 г. в ходе речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Основной тезис о «революции рабов» и, потому имеющий для нас значение, звучал так: «История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью – уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей. Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и ликвидировала рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостную форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменялись другими эксплуататорами. При рабстве “закон” разрешал убивать рабов. При крепостных порядках “закон” разрешал крепостникам “только” продавать крепостных» [16, с. 239].

Высказывание о «революции рабов» очень сложно поддается конструктивной критике, поскольку является практически безосновательным. Причиной падения Римской империи едва ли можно назвать революцию рабов, наподобие образцового восстания Спартака. Не могли не понимать этого и советские историки, многие из которых называли причиной падения античного общества целый комплекс социально-экономических, политических и идеологических причин. Остается вопросом, какова была цель подобного высказывания – случайное словосочетание, навеянное пассажами В.И. Ленина, которые без труда угадываются в указанном отрывке, или же стремление закрепить господствующую роль революции в переходе от одной формации к другой. Как античное общество в результате революции рабов перешло к крепостному или феодальному обществу, так и капиталистическое общество в результате Октябрьской революции осуществляет переход к социализму.

Согласно В.Д. Нероновой, именно Мишулин был одним из первых воспринявших тезис о «революции рабов» как призыв к действию, заложив в советской историографии основы новой концепции [11, с. 134]. Работу А.В. Мишулина можно в каком-то смысле назвать рупором основных положений марксистской науки в античности в середине 1930-х гг. Его «Спартаковское восстание» изначально было рассчитано на широкую аудиторию и весьма подробно и в доступном виде излагало основные постулаты марксистского учения. Он обрушивал с разгромной критикой на зарубежных и, в первую очередь «фашистских» историков, указывая на идеализацию античного общества немецкими историками, не признающими классовой структуры общества. Первыми, воспринявшими истинную структуру общества, были Маркс и Энгельс, которых позже сменили Ленин и Сталин. Рабовладельческая формация была первым классовым обществом, основной производящей силой которого были бесправные рабы, находящиеся под ужасным гнетом своих хозяев, что естественно, со временем выливается в революцию [10, с. 13–17].

Изначально, тезис о «революции рабов» был стремлением показать правоту марксизма, поступательное, а не циклическое движение, и уж тем более не реверсивное, как у немецких историков. Переход от стадии к стадии возможен только через революцию. Октябрьская революция – это конец капитализма в Российской империи и переход к социализму. А чтобы показать, что эта революция не была случайной, нужно было показать, что любая формация заканчивается именно так и ведет к постепенному улучшению положения рабочих, и в итоге заканчивается победой социализма.

Однако, чтобы подтвердить подобную точку зрения, необходимо было доказать, что античная цивилизация рухнула именно благодаря революции рабов, что было достаточно проблематично. Думается, что советские историки-марксисты были бы рады видеть восстание Спартака, отмеченное еще Лениным как идеальное, причиной падения если не Римской империи, то хотя бы республики.

И формально А.В. Мишулин заявляет о решающей роли Спартака и его восстания в падении и республики, а затем о вкладе в падение империи: «Спартаковская революция вызвала контрреволюцию Цезаря, которая определила переход от республиканского строя к монархии. Рабовладельческий класс, господство которого было надломлено революцией, был вынужден для сохранения власти перейти к военной диктатуре. Это привело к новому обострению классовой борьбы, к новой революции рабов и крестьянства, которая в IV–V вв. окончательно ликвидирует рабовладельческую систему хозяйства» [16, с. 181]. Свой тезис А.В. Мишулин поясняет словами И.В. Сталина о том, что «варвары», подавляемые Римской империей, в V веке объединились и своей мощью «опрокинули» Рим. «Варвары» поделились на германцев и рабов, которые, действуя вместе, смогли сокрушить империю.

Вряд ли существовало некое прямое указание на развитие данной теории, однако к тому времени «уже сформировалась система трансляции властного мнения» и нужды в директивном управлении исторической наукой больше не было. Высказывание было подхвачено и использовано [5, с. 192].

Как отмечал после А.В. Мишулин, «революция рабов» сыграла решающую роль при написании его книги о восстании Спартака [16, с. 5]. Ему вторил С.И. Ковалев, говоря об огромном значении выступления Сталина, которое заставило историков-античников пересмотреть старую концепцию гибели античного общества [4, с. 164]. В высказывании И.В. Сталина примечательно прежде всего то, что, дополняя основные постулаты марксизма, который в первую очередь требовал изучения социально-экономического положения широких масс, на первое место выводится некий революционный рывок, во главе которого стоит конкретная историческая фигура, возвысившаяся над массами и придавшая им ускорение. Хочется отметить, что подобный поворот соотносится с общей тенденцией в советской идеологии конца 1920–1930-х гг. Основной акцент переносится с масс на конкретную личность, сумевшую подняться над толпой и задающую ей вектор общего движения методом напряже-

ния сил и рывка. К таким личностям в 30-е гг. были отнесены Петр I, Иван Грозный, Александр Невский, а также уже упоминавшиеся персонажи из античной истории и мифологии – Спартак, Октавиан Август, Прометей и другие.

Так, к середине 30-х гг. достаточно стабильные ориентиры развития исторической науки были поставлены, и на их основе в 1937 г., под эгидой полностью зависимой Академии наук СССР открывается журнал, целиком и полностью посвященный античной истории, знаменуя собой период господства идеологии в исторической науке, – «Вестник древней истории».

Список литературы

1. Гришаев О.В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920-начале 1930-х годов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород, 2014. № 15 (186).

2. Жебелев С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Вестник древней истории. М., 1938. № 3 (4).

3. Ковалев С.И. Всеобщая история в популярном изложении. Для самообразования. Ч. I. Древний мир. Л., 1925.

4. Ковалев С.И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936.

5. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии: конструирование и трансформация: дис ... д-ра ист. наук: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Омск, 2015.

6. Крих С.Б., Тарасова А.А. С.И. Ковалев и «открытие» эллинизма в советской историографии // Вестник Омского университета. Омск, 2014. № 1.

7. Ленин В.И. О государстве // Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1963.

8. Машкин Н.А. Из литературы о принцепате // Вестник древней истории. М., 1938. № 1(2). С. 116–121.

9. Мишулин А.В. Советская историография и задачи древней истории // Вестник древней истории. М., 1938. № 1 (2).
10. Мишулин А.В. Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н.э. М., 1936.
11. Неронова В.Д. Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973.
12. Орлов И.Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/6Md8JS> (дата обращения: 13.05.2017).
13. Сванидзе А.С. Наши задачи // Вестник древней истории. М., 1937. № 1.
14. Сергеев В.С. История Древнего Рима. М., 1922.
15. Скворцов А.М. Роль ГАИМК в становлении советского антиковедения // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2015. № 24 (379).
16. Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников // Сочинения. М., 1951. Т. 13.
17. Тюменев А.И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Петербург, 1920.
18. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999.
19. Фролов Э.Д. С.И. Ковалев и его «История Рима» // Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986.

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук, г. Москва.

Kiselev Mikhail Yurievich – Candidate of Historical Sciences Head of Center for Documents Keeping and Conservation, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИИ: ОТНОШЕНИЕ МЕНЬШЕВИКОВ К ЦЕРКВИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Представлена информация о сохранившейся в Архиве Российской академии наук в фонде Института философии Коммунистической академии при ЦИК СССР стенограмме доклада Б.В. Кандидова «Меньшевики и церковь в борьбе против Октябрьской революции» на заседании Антирелигиозной секции в 1931 г. В своем докладе автор рассматривает вопросы отношения меньшевиков к религии и религиозным организациям, а также их совместной борьбы против советской власти. В прениях по докладу выступали Л.Р. Дунаевский, Д.М. Аранович, А.С. Серебровский.

Ключевые слова: церковь, история, меньшевики, Октябрьская революция, архив, документ, Российская академия наук.

FROM THE HISTORY OF RELIGION DEVELOPMENT: RELATIONSHIP OF THE MENSHEVIKS TO CHURCH IN THE FIGHT AGAINST THE OCTOBER REVOLUTION

The article presents information about verbatim record of report «Mensheviks and Church in the Fight Against the October Revolution» by B.V. Kandidov at the meeting of Antireligious Section in 1931 which is kept with the Archive of the Russian Academy of Sciences in the holdings of the Institute of Philosophy of the Communist Academy under the Central Executive Committee of the USSR. In his report the author considers issues of the Mensheviks relation to religion and religious organizations as well as their common struggle against the Soviet rule. L.R. Dunayevsky, D.M. Aranovich, A.S. Serebrovsky participated in the report discussions and debates.

Key words: church, history, Mensheviks, October revolution, archive, document, Russian Academy of Sciences.

Архив Российской академии наук (РАН) по праву считается одним из крупнейших и старейших ведомственных архивохранилищ России по истории отечественной науки и культуры XVIII–XXI вв. В собраниях Архива РАН сохранились фонды личного происхождения выдающихся ученых, фонды академических учреждений и организаций, периодических изданий и коллекции документов. В составе документальных комплексов архива отложились материалы по истории религии в период революционных событий в России.

В фонде Института философии Коммунистической академии Центрального исполнительного комитета СССР сохранилась стенограмма доклада Б.В. Кандидова «Меньшевики и церковь в борьбе против Октябрьской революции» на заседании Антирелигиозной секции в 1931 г.¹ Автор доклада сообщал, что накануне Октябрьской революции был созван церковный собор, явившийся впоследствии организацией контрреволюционного движения, затем на всем протяжении Гражданской войны церковь создавала самый явный контрреволюционный фронт, организуя борьбу против советской власти. Религиозные организации помогали белогвардейцам, занимая ярко враждебную пролетариату позицию.

Меньшевицкая программа в связи с выборами в Учредительное собрание очень кратко указывала на необходимость отделения церкви от государства. По мнению докладчика, положительную сторону отделения меньшевики, между прочим, видели в том, что таким путем очистится атмосфера церкви и, следовательно, церковь сможет с большим успехом выполнять свою историческую эксплуататорскую роль.

Когда шла подготовка к наступлению 18 июля 1917 г., то на фронте вместе с социал-революционерами вели усиленную агитацию церковники. В частности, в качестве ударной бригады были вызваны на фронт священники А.И. Введенский, А.И. Боярский и другие, которые должны были выполнить работу,

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 355. Оп. 2. Д.147.

имеющую государственное значение. После событий 3–5 июля началась ожесточенная травля большевиков: в церковных либеральных газетах помещались цитаты из меньшевистской прессы и указывалось, что «даже сами социалисты идут против большевиков». По мнению Б.В. Кандидова, наиболее ярко «классовая смычка» меньшевиков и представителей церкви выразилась на похоронах казаков 15 июля. Кроме того, он считал, что наибольшую симпатию меньшевики питали к так называемому Прогрессивно-демократическому союзу духовенства и мирян. Особое внимание уделялось духовному общению с рабочим классом и другими слоями населения. В частности, А.И. Введенский писал: «В социализме как таковом, в самом принципе социализма, мало противоречащего христианству».

В дни Октябрьских событий в Москве депутация Всероссийского церковного собора выступила с требованием о прекращении борьбы с юнкерами, кроме того меньшевики спекулировали на так называемых религиозных гонениях и разрушении церквей. В то же время докладчик обращался к статье «Классовая борьба и гуманность», напечатанной в меньшевистском журнале «Дело». Автор статьи проводил некоторую параллель между отношением к Христу плохих христиан и отношением к К. Марксу и Ф. Энгельсу. Как плохие христиане распяли бы Христа, так современные большевики, в частности П.И. Стучка и другие, посадили бы на скамью подсудимых и вынесли бы обвинительный вердикт Марксу и Энгельсу, если бы они оказались в пределах советской России.

В качестве примеров контрреволюционной деятельности священнослужителей Б.В. Кандидов приводил: конфликт в связи с использованием здания музея Александро-Невской лавры для лечения инвалидов; крестный ход в Туле 2 февраля 1918 г., в результате которого была предпринята попытка освобождения контрреволюционеров из местной тюрьмы. Что касается декрета об отделении церкви от государства, то докладчик сообщал об

отношении к нему меньшевиков, в частности, о его критике в статьях: «Отделение церкви от государства по большевистскому способу», опубликованной в «Алтайском луче»; «Церковь и социализм» в журнале «Петроградский церковный вестник» от 20 апреля 1918 г.; в ряде статей на тему «Социализм и христианство». Докладчик приводил слова старого социалиста А.Н. Потресо́ва: «Отделение церкви от государства есть издевательство над социализмом, такая реформа не вводится декретом, здесь нужна последовательность».

Примечателен тот факт, что докладчик считал господствующей партией в Грузии в 1918–1921 гг. меньшевиков, которые приглашали представителей церкви на официальные праздники, парады и оказывали им активную поддержку. Ссылаясь на воспоминания Г.К. Махарадзе, он писал «Если когда-нибудь будет написана история контрреволюции в Грузии, то этот материал даст разоблачающие данные для характеристики того, как меньшевистская диктатура, став диктатурой в самом прямом и непосредственном смысле, использует поповщину в своих целях».

В заключении Б.В. Кандидов указывал, что меньшевистская критика имела много общего с критикой церковных обновленцев, а в годы Гражданской войны меньшевики по отношению к религиозным организациям проводили соглашательскую политику. После Октябрьской революции меньшевики начали вести своеобразную религиозную агитацию, спекулируя на религиозном фанатизме.

Выступавший в прениях Л.Р. Дунаевский не согласился с утверждением Б.В. Кандидова, что в февральскую революцию 1917 г. церковь открыто встала на сторону буржуазии. По его мнению, еще до февральских событий церковь вступила в союз с купеческим капиталом. Он уточнял, что докладчик хотел сказать, что церковь встала именно на сторону радикальной интеллигенции как представителя либерального крыла буржуазии. Д.М. Аранович констатировал: пункт эсеровской программы

о том, что религия есть частное дело, использовался всеми ревизионистами, в частности, меньшевиками. По его мнению, Б.В. Кандидов не попытался связать всю политику меньшевиков с общим мировоззрением, которое сказывается не только в отношении религии и церкви, но и относится ко всем вопросам революционной теории и практики.

А.С. Серебровский отмечал ряд противоречий в тезисах доклада Б.В. Кандидова, в частности: «Меньшевицкая информация масс о деятельности религиозных организаций имела ярко выраженный буржуазный характер и не давала рабочим хоть сколько-нибудь правильного представления о классовой позиции церкви». Он высказался против выражения «примиренческий характер» при характеристике меньшевицкой информации по отношению к деятельности церкви. По его мнению, союз меньшевиков с церковью выражался в том, что меньшевики старались помочь церкви «выступать не так грубо и резко, давали образцы более завуалированного, тонкого, церковного дурмана в своих стихах, поэзии, одергивали церковников».

В заключение Б.В. Кандидов констатировал, что если при царизме церковь ориентировалась главным образом на самодержавие, то после Февральской революции в массе своей руководящее православное духовенство ориентировалось на реставрацию монархизма, а рядовое духовенство искало союза с кадетами. Но было еще и третье течение – течение так называемого либерального, прогрессивного духовенства, которое ориентировалось на партии мелкой буржуазии: социалистов, эсеров и меньшевиков.

Отметим, что, по нашему мнению, Б.В. Кандидову в недостаточной степени удалось осветить вопрос об отношении меньшевиков к церкви в борьбе против Октябрьской революции. При подготовке доклада была использована периодическая печать революционного периода, однако приведенные докладчиком сведения не позволяют признать действия православного духовенства фактами борьбы с советской властью. Необходимо

отметить, что к началу революционного периода практически все население Российской империи было православным, поэтому любые действия против духовенства воспринимались в значительном большинстве негативно. Кроме того, большинство политических партий использовало православное духовенство в своих целях, однако только большевики целенаправленно выступили против него, поскольку оно оставалось очень сильным конкурентом в борьбе за умы русских людей. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории церкви и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Куртенок Елена Павловна – экскурсовод Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина, г. Чердынь.

Kurtenok Elena Pavlovna – Guide Pushkin Regional History Museum in Cherdyn, Cherdyn.

СУДЬБА ЦЕРКВЕЙ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ЧЕРДЫНСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТIE СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

На основе материалов архива и библиотеки Чердынского краеведческого музея рассматриваются события, происходившие в городе Чердыни и уезде в 1918–1920-е гг.: аресты и расстрелы священников, закрытие церквей и изъятие церковных ценностей, антирелигиозная пропаганда.

Ключевые слова: церковь, священник, декрет, газета, голод, помощь, аресты, пропаганда.

THE FATE OF CHURCHES AND PRIESTS OF CHERDYN COUNTY DURING THE FIRST DECADE OF THE SOVIET RULE

Events that occurred in the town of Cherdyn and its county in 1918–1920ss are considered on the basis of materials from the archive and library of Cherdyn Regional History Museum: arrests and shootings of priests, closing of churches and seizure of church valuables, antireligious propaganda.

Key words: church, priest, decree, newspaper, famine, help, arrests, propaganda.

С приходом советской власти в России начались жесточайшие гонения на православную церковь. Они стали массовыми уже в 1918 г., когда Советом Народных Комиссаров 23 января 1918 г. был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот документ поставил церковь в бесправное положение, так как она лишалась статуса юридического лица, а ее владения пе-

редавались государству. И хотя вероисповедание не запрещалось, на церковь начались гонения уже в первый год новой власти.

В Чердынском уезде еще в первой половине 1918 г. отношение к церкви и священникам со стороны местных властей оставалось лояльным. Притеснения начались в июле 1918 г., когда большевики стали преобладать в местных органах власти. И пока это были только легкие нападки в виде критических публикаций в уездной газете «Известия Чердынско-Печерского края». Газета печатала басни и стихи о попах, фельетоны о церкви. 4 августа вышла статья «Как большевики-коммунисты смотрят на попов и на православие» – фрагмент из книги Н. Бухарина «Программа коммунистов». На какого читателя была рассчитана эта статья, сказать сложно, так как сельские жители края местную газету не видели и не читали. Принять участие в полемике по поводу этой публикации, естественно, жители не могли.

Следующим шагом в отношении новой власти к церкви стало изъятие из сферы ее деятельности функций ЗАГСа, а заодно упразднение ее статистических функций и передача этих полномочий волостным исполкомам. В связи с этим появляются решения волостных исполкомов, которые выполняли указания вышестоящих органов о передаче им церковных документов. В уездной газете «Известия» в разделе «Покчинская хроника» напечатано постановление «Покчинского Исполкома за 13-го июля 1918 г. о немедленном отображении от причта метрических книг для хранения при Волостном и политическом Комитете Совета Раб. и Кр. Депутатов» [2, с. 3].

В очередном номере газета печатает статью «Моя религия», автором которой является редактор А. Михайлов. В ней он дает свое видение религии большевиков и отношение их к Христу: «И Христос у нас другой, чем у тупых фанатиков “православия”. Нашему Христу не нужны свечи, не нужны колокола и богатые храмы... Всю свою недолгую жизнь (он был казнен по проискам еврейской буржуазии всего 32 лет от роду) он говорил слова утешения “униженным и обиженным”. Это наш Христос выгнал торгующих веревкой из храма. Это наш Христос все время боролся с книжниками

и фарисеями, затемняющими сознание народа. Это наш Христос вел борьбу с языческим строем и заповедовал своей партии (если так можно выразиться, имея в виду апостолов и многочисленных последователей из простого народа) жить коммуной, обходясь без начальников. Это он своим пророческим взором предвидел гражданскую войну, между классами во всем мире, сказав: “Своим учением я принес на землю не мир, но меч”» [3, с. 2–3]. Ответа на эту публикацию со стороны верующего населения не последовало.

Но уже с осени отношение к церкви и ее служителям резко меняется. Священников выселяют из церковных домов, забирают часть имущества. Так поступил Ныробский волостной Совет крестьянских депутатов, общее собрание которого от 21 сентября, «выслушав доклад председателя исполкома П.Т. Пономарева “О занятии квартиры для помещения волостного Совета в церковном доме”, где проживал священник о. Иоанн Казарин, постановило “занять церковный дом для помещения волостного Совдепа и предложить священнику Казарину, чтобы он очистил квартиру в 3-х дневный срок”» [11, с. 30].

По Чердынскому уезду прокатилась волна арестов и расстрелов. Первым пострадало сельское священство. Еще 24 июля 1918 г. отрядом большевиков-карателей был арестован и расстрелян священник Игнатий Якимов в селе Чураки. В сентябре в селе Пятигоры расстрелян священник Михаил Денисов. В Чердыни в декабре 1918 г. был арестован и как заложник отправлен в Пермь священник Преображенской церкви о. Евграф Плетнев. 23 декабря его вместе с сыном Михаилом в числе других заложников расстреляли. В селе Юрла 28 декабря после жестоких пыток и издевательств был расстрелян диакон Аркадий Решетников. В конце декабря 1918 г. при отступлении из Чердыни под натиском белой гвардии большевики взяли в заложники протоиерея Воскресенского собора Николая Конюхова. Он был расстрелян в селе Юрла в 1919 г. в день праздника Крещения Господня. В селе Юм 11 января 1919 г. расстреляли священников Федора Антипина и Николая Мациевского [8, с. 280–296].

В апреле 1921 г. был арестован священник Воскресенского собора Александр Павлович Тетюев за отказ сотрудничать с ЧК. Целый год он провел в тюрьме в Перми. Вернувшись в Чердынь, он продолжил служить в Воскресенском соборе. Впоследствии отец Александр, имея богатый опыт общения с ЧК, был очень осторожен в разговорах с прихожанами, из-за боязни принести неприятности людям. Когда в стране начался церковный раскол, отцу Александру власти предложили перейти в «обновленчество», на что он ответил отказом. Воскресенский собор г. Чердыни был передан «обновленцам». А.П. Тетюеву запретили в нем служить, и он перешел в Успенский храм, который оставался «тихоновским». За ним перешли все прихожане. «Обновленцы» остались без паствы. В итоге священник был обвинен в том, что своими действиями внес раскол в среду верующих. Его вновь арестовали и решением Особого совещания при коллегии ОГПУ 7 сентября 1928 г. приговорили к лишению свободы сроком на один год [10, с. 14–16]. А. П. Тетюев в третий раз был арестован в 1937 г. и в том же году расстрелян.

Новая власть закрывала церкви по уезду, руководствуясь постановлениями государства. Вот что писали «Известия» по этому поводу в декабре 1918 г.: «На основании 11 ст. Инструкции по проведению в жизнь Декрета Сов. Нар. Комиссаров об отделении церкви от государства, Чердынский Уездный Юридический Отдел доводит до всеобщего сведения граждан вообще и, в частности, Тулпанской волости, что при Тулпанской церкви не организовалось группы верующих в числе не менее 20 человек для принятия, согласно 5, 6, 7 и 8 ст. указанной инструкции, в свое бесплатное пользование храма Тулпанской Покровской церкви с находящимся в нем богослужебным имуществом. В виду чего предлагается всем гражданам, желающим организовать указанное общество с намерением принять в пользование с религиозной целью означенного храма с имуществом, заявить о сем в недельный срок со времени третьей публикации Тулпанскому Волостному Исполнительному Комитету. В противном случае, согласно 12 и 14 ст. Инструкции церковь будет ликвидирована и здание ее

поступит в распоряжение Отдела Народного Просвещения, а предметы, так называемые священные, могут быть переданы или группе соответствующего вероисповедания или в соответствующее хранилище Советской республики. Вр. И. д. Заведующего Юридическим отделом Сандраков» [4, с. 1].

На местах все делалось для того, чтобы таких обществ в селах не было. Советы всячески препятствовали образованию церковных общин, хотя они функционировали во многих селах уезда еще с XVI в., и прихожанам было непонятно, почему нужно снова создавать общества.

В стране начался голод, особенно голодало Поволжье и Урал. В 1922 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим. Голод в стране для государства стал поводом ликвидации церковной собственности. Правительство отказалось от добровольной помощи церкви голодающим и взяло курс на изъятие церковных ценностей. В феврале 1922 г. был издан Декрет ВЦИК РСФСР «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». По этому декрету местные органы власти обязаны были в месячный срок изъять все предметы из золота, серебра и ценных камней и передать их в фонд Центральной комиссии помощи голодающим.

В Чердынском уезде изъятие ценностей началось в апреле 1922 г., так как распоряжение по изъятию поступило поздно «ввиду отдаленности уезда». К июню 1922 г. были описаны и изъяты ценности из 16 церквей – пяти городских и 11 сельских. «Из церквей Чердынского уезда извлечено и отправлено в губернию церковных ценностей всего 21 пуд 35 фунтов 64 золотника серебра и 1 золотник 92 доли золота», – сообщает уездная газета [7, с. 1].

Изъятие ценностей проходило достаточно спокойно, так как необходимые для богослужений предметы оставались пока в храмах. «Прежде чем приступить к работе был проделан ряд подготовительных мер, как то подготовка общественного мнения по вопросу изъятия ценностей, привлечение к этой работе самого духовенства, хотя последнее в большинстве случаев было безучастно,

за исключением одного-двух человек. После того как была достаточно подготовлена почва к работе, комиссия приступила к изъятию, проводя его совместно с группами верующих и духовенством. Особенных эксцессов почти не было, за исключением двух городских церквей – Преображенской и Богоявленской, где при изъятии ценностей были обнаружены случаи неточности в учете имущества, и часть серебряных риз не была взята на учет. Виновные в указанных явлениях преданы суду» [1, с. 116].

Кто оказывал противодействие изъятию ценностей, те подвергались наказанию в виде лишения свободы. В Чердыни «суд приговорил: попа Копытова к лишению свободы на 3 года; церковного старосту Богоявленской церкви Зибзеева на 2 года; председателя церковного совета той же церкви Смольникова на 1 год 2 мес. и старосту Преображенской церкви Меркурьева – на 2 года 6 мес. В силу амнистии срок наказания уменьшен наполовину» [6, с. 4].

В стране очень активно велась борьба с «опиумом для народа». Началась новая эпоха взаимоотношений церкви и государства. Не стал исключением и Чердынский уезд. Антирелигиозная пропаганда усиливалась, использовались разные средства борьбы с верой. Комсомольцы проводили сатирические постановки о попах, организовывали лекции в учебных заведениях, развешивали по городу антирелигиозные плакаты. Особого успеха эти мероприятия не имели. Если на спектакли молодежь еще приходила, то лекции игнорировались, плакаты ночью срывались. Родители запрещали детям вступать в комсомол. Это также вызывало негативную реакцию активистов. «В селе Шакшер есть ячейка РКСМ. Молодежь стремится вступать в члены, но родители не позволяют, доверяясь попу, который говорит, что дети там портятся: забывают бога, правду и т.д. Молодежь, гони в шею долгогривого и вступай в ячейку РКСМ», – пишет автор заметки за подписью «Комсомолец» в очередном номере уездной газеты [5, с. 1].

Местная власть пошла по другому пути в борьбе с религией. Горсовет с 25 апреля 1923 г. решил день отдыха с воскресенья перенести на среду. Служащие страховой кассы, союза водников,

Уисполкома и отдела управления одними из первых перешли на новый график отдыха.

В уездной газете все чаще стали выходить негативные заметки и публикации о духовенстве, церкви, верующих. Появилась специальная рубрика «Уголок безбожника», где писалось все, что касалось религиозной жизни края.

Нравственное разложение захватывало все большие слои населения края, народное благочестие исчезало. Против духовенства большевики все больше организовывали провокаций, настраивали людей против церкви, обвиняя священников во лжи, в поборах населения за совершаемые ими требы, за укрывание церковных ценностей. Унижение человеческого достоинства верующих стало обыденным. «Во время шествия 13 мая за попами шли гнилые, старые старухи, держа в руках истасканные доски (иконы)» [6, с. 4]. С конца 1920-х гг. в районе началось массовое закрытие церквей, и приходы прекращали свою деятельность.

«В русском народе последствием внутренней смуты и преступной пропаганды явились охлаждение к вере и Святой Церкви, упадок нравственности, исчезновение уважения к пастырям и церковному достоянию, кощунственное глумление над православными святынями, потрясение семейных очагов» [10, с. 70].

Таким образом, все вышеизложенное отражает деятельность местных властей в отношении православной церкви и верующих людей, показывает организацию антирелигиозной пропаганды и начало гонений на духовенство. Важным и интересным источником для написания статьи стали первые уездные газеты за 1918–1923 гг.

Список литературы

1. Доклад о работе П/комиссии по изъятию ценностей при Чердынском Уисполкоме в Пермскую губернскую комиссию помощи голодающим. Копия Москва ЦК помгол. 26 июня 1922 г. / ЧКМ. Отдел рукописей.

2. Известия Чердынско-Печерского края. 1918. № 18. 4 августа // Чердынский краеведческий музей (ЧКМ). № 2492/25.

3. Известия Чердынско-Печерского края // ЧКМ. № 2492/30. 1918. № 20. 11 августа.
4. Известия Чердынско-Печерского края // ЧКМ. № 2492/74. 1918. № 50. 14 декабря.
5. Красный пахарь // ЧКМ. №1257/27. 1923. № 27. 13 мая.
6. Красный пахарь // ЧКМ. № 3126/21. 1923. № 24. 21 мая.
7. Северный труженик // ЧКМ. № 1258/67. 1922. № 34. 16 сентября.
8. Собор святых, в земле Пермской просиявших. Составитель монахиня Сергия (Королева). Пермь, 2015.
9. Стегний П. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М.: Индрик, 2017.
10. Тетюева Л.А. Жизнь православного священника. Воспоминания. Пермь, 2004.
11. Чагин Г.Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от 1917 до 1940 года. Пермь, 2018.

Научное издание

**ОТ «АВРОРЫ» ДО «ФИЛОСОФСКИХ ПАРОХОДОВ».
БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1920-Е ГГ.).
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

*Материалы III Всероссийской
научно-практической конференции
(Пермь, 23–24 ноября 2018 г.)*

Редактор и корректор *М.Н. Афанасьева*

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета
в типографии ООО «Буки Веди»

Подписано в печать 17.06.2019. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ № 3059.

ООО «Буки Веди»
115093, Москва, Партийный пер, д. 1, корп. 58, стр. 3